

В. Д. Викторова

Научный поиск в археологии

СВЕРДЛОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1989

**ББК Т4в
В 436**

Печатается по постановлению
редакционно-издательского совета
Издательства Уральского университета

ВИКТОРОВА В. Д.

Научный поиск в археологии. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та,
1989. 152 с.

В монографии раскрывается современное состояние археологической науки как переходное от эмпирического уровня к теоретическому. Путь разрешения проблемной ситуации в науке автор видит в создании концепции предметно-вещного мира, основанной на философском принципе предметно-практической деятельности.

Работа адресована студентам и преподавателям гуманитарных вузов, научным работникам, интересующимся вопросами методологии исторической науки.

Научный редактор член-корреспондент АН Туркменской ССР В. М. Массон.

Рецензенты:

доктор исторических наук Р. Г. Пихоя;
доктор философских наук В. Е. Кемеров

В 0504000000-14
182(02)-89

ISBN 5-7525-0014-1

© Издательство Уральского университета, 1989

Археология произвела переворот в исторической науке. Она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для историка перспективу в прошлое.

Г. Чайлд

СОВРЕМЕННОСТЬ, ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ (вместо введения)

Гуманитарные науки, отвечая требованиям современности, смещают центр своих исследований к проблеме человека. С 1960-х гг. этот процесс наблюдается в философии в виде поворота от обезличенных философских проблем к миру человека, анализу его сущностных сил, образа жизни, диалектики социального и индивидуального¹. Историки также должны найти свои средства и пути активного воздействия на личность современника. В настоящее время интерес различных социальных групп нашего общества к истории возрастает. На наш взгляд, путь, по которому должно идти историческое образование и самообразование, — это формирование элементов исторического сознания как необходимого компонента культуры мышления личности.

Культура мышления предполагает большой объем и глубину знаний. История — это социальная память живущего поколения. Чем обширнее память, тем духовно богаче человек и общество в целом. Знание истории Родины, своего края делает личность сопричастной и событиям времен «Слова о полку Игореве», и подвигу декабристов, и трудовым традициям уральцев суровых лет Великой Отечественной войны. Эта сопричастность рождает любовь к Родине, гордость за ее прошлое и настоящее, то есть тот сплав чувств, который зовется патриотизмом. К первобытным глубинам прошлого восходят общечеловеческие нравственные ценности: дружба, смелость, справедливость, добро. Они представлены в фольклоре и этнографии наших народов. В многовековой борьбе народных масс против эксплуатации, за свободу и социальное равенство складывались такие человеческие качества, как коллективизм, действенный характер нравственных принципов.

Мировоззренческую основу общей культуры мышления составляет марксистско-ленинская теория. Историческое мышление — это умение анализировать исторический процесс с марксистских мировоззренческих позиций, умение сквозь зигзаги и витки истории увидеть ведущую тенденцию общественного развития, определить

смысл истории. Именно в мировоззренческом срезе приобретают значение усилия историков столь далекого от нас первобытного времени. Лишь осмысление этих пластов истории может решить проблему начала общественной формы движения материи: становления труда, общественных отношений, социальных институтов, сознания, образования формации как социально-экономической системы. Конкретно-исторические материалы от эпохи первобытности до наших дней отражают генезис и неповторимые исторические пути всех ныне существующих народов, помогают установить причины взлета и падения цивилизаций, разнообразных культурных традиций. Оценивая посредством теории исторический прогресс, человек оценивает правильность теории историческим процессом. То есть историческое мышление формирует идейно убежденную личность.

Историческое мышление предполагает последовательное соблюдение принципа историзма при анализе конкретного материала. Только во всей панораме истории лежат доказательства исторически преходящего характера таких социальных явлений, как войны, классовое деление и антагонизмы, национальная вражда. Убеждение в наличии исторических закономерностей возникает лишь при широком сравнении мировых исторических процессов в ряде социальных систем. Исторический подход важен не только при исследовании общественного развития, но и в естественнонаучных дисциплинах. Чтобы понять законы развития науки, например физики, ученые обращаются к ее истории². Чтобы предвидеть экологические последствия различных хозяйственных мероприятий, надо знать закономерности исторического развития биогеоценозов³.

Культура мышления подразумевает развитые ассоциации, богатое воображение. Историческое сознание включает способность человека к образному воспроизведению исторической реальности. Идейное воспитание всегда должно проходить через ум и чувства человека. Только в этом случае история раскрывает богатство сущностных сил человека, служит основой оценки современных событий и помогает осмыслению собственного «я» в потоке истории и в современности. Историческое сознание, диалог с предшествующими поколениями должны стать импульсом к самопознанию и саморазвитию личности.

В настоящее время выявился парадокс: историческое сознание должны формировать историки, а современнику не интересно большинство специальных исторических трудов. Почему так происходит? Для ответа на этот вопрос необходимо определить современное состояние исторической науки. Пока наука развивается в рамках устоявшейся концептуальной схемы, в решении ее внутренних задач ученые руководствуются традиционной логикой исследования, используя и развивая наличные методы. Когда же наука находится на перепутье, требуется не только обращение к истории ее соб-

ственного развития, но и осмысление закономерностей исторического развития других наук. В последние десятилетия они стали предметом исследования как отечественных, так и зарубежных ученых⁴, которые ведут острые дискуссии вокруг проблем, поставленных в работах Ф. Энгельса⁵, а позже В. И. Ленина⁶. Теория познания, история наук и развивающееся на их основе науковедение свидетельствуют о наличии общих законов динамики науки в целом, об относительной самостоятельности развития каждой фундаментальной науки и специфике проявления как общего, так и особенного в конкретных дисциплинах. Революция в науке — процесс всеобщий для XIX—XX вв., но для естественных и гуманитарных дисциплин он начался в разное время и протекал в особых формах. В гуманитарном познании научная революция началась в 40-е гг. XIX в. с коренного переворота в понимании сущности и законов развития общества. Однако от появления марксизма до его утверждения как ведущей методологии исследования в трудах историков конца 20-х — начала 30-х гг. XIX в. прошел большой промежуток времени, вместивший события Парижской коммуны, первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции. Это обстоятельство современные философы объясняют тем, что нет прямой связи между практикой общественной жизни и формами познания. Связь опосредуется всем историческим полем культуры и коррелируется мировоззренческими установками⁷.

Революцией 40-х гг. XIX в. начался новый период развития гуманитарных наук. Его содержание — не только напряженный теоретический поиск и столкновение идей, но и проверка идей как практикой исторического исследования, так и практикой жизни. В логике развития конкретных наук этот процесс предстает как диалектика теоретического (этапы выработки парадигм, схем исследования) и эмпирического (этапы относительно спокойного развития науки, в истории — этапы описания фактов по определенным схемам). Ряд историков охарактеризовали уровень исторической науки 60-х гг. как эмпирический⁸, так как основная часть исторических трудов этого периода носит характер фактологического описания по устоявшейся формационной схеме. К 80-м гг. наметились признаки перехода исторической науки от эмпирического этапа к теоретическому, то есть возникла **проблемная ситуация**. Прежде всего об этом свидетельствует степень проявления и осознания противоречий социально-культурной практики и исследовательских традиций исторической науки, степень развития ее внутренних противоречий.

На наш взгляд, сегодня достаточно четко обозначились противоречия как первого, так и второго плана. Основное из них может быть определено как противоречие между необходимостью «введения» конкретно-исторического человека в текст истории и сло-

жившимися обезличенными схемами построения исторического знания. Традиционные приемы анализа географической среды и тем более схемы географического детерминизма не отвечают задаче установления исторических этапов и закономерностей двустороннего взаимодействия природных и социальных систем. Характер исследования закономерностей этногенетических процессов исторических общностей на всех этапах вплоть до современности остается описательным. В настоящее время изучены лишь отдельные явления демографических процессов, в то время как необходимо установление конкретных законов демографического развития на различных этапах каждой общественно-экономической формации.

Внешние противоречия в логике самой науки превращаются во внутренние, которые могут быть сформулированы как ситуация разрыва между историческими дисциплинами и «избыточности» ряда исторических источников. Разрыв между письменной историей, исторической этнографией, археологией, языкознанием и др. дисциплинами проявляется при попытках стыковать их материалы при написании истории конкретных общностей. Так, воссоздавая региональную историю, например Урала или Сибири, историк обнаруживает, что характер источников каждой дисциплины определяет различие их интерпретационных и реконструктивных возможностей. В каждой науке сложилась своя логика изложения материала, специфическая терминология. И действительно, в археологических исследованиях речь идет о вещественных остатках, поселениях, могильниках, археологических культурах, в этнографических — об обрядах, быте, этносе, хозяйственно-культурных типах. При написании истории по памятникам письменности материалы археологии и этнографии оказываются «избыточными». Смысл существования этих наук связывают лишь с реконструкцией истории первобытного общества, реже их данные используют при воссоздании начальных этапов цивилизации⁹ и почти совсем не включают в историческое знание эпохи феодализма, капитализма и советского периода.

Являются ли в действительности «избыточными» вещественные источники и данные этнографии для отражения любого этапа исторического процесса? Ответ будет утвердительным, если историк продолжит исследование по традиционной обезличенной схеме: формы хозяйства, общественные отношения, социальная организация, общественные движения, культура. Воспроизведение исторически конкретной вещной среды, системы обычаев и обрядов в деятельности и быту станет необходимым для любого исторического исследования, если поставить задачу реконструкции образа жизни реальных людей исторического прошлого. В последнем случае возникает проблема ликвидации разрыва исторических дисциплин.

В настоящее время в исторической науке как внешних, так и

внутренних противоречий, по-видимому, значительно больше. Но даже перечисленных достаточно, чтобы убедиться: основной признак проблемной ситуации в науке — существенные противоречия в ее развитии — налицо. Эти противоречия осознавались историками в дискуссиях 60—70-х гг. по методологическим вопросам — о предмете науки, об историческом факте, о соотношении исторического и социального, о категориях исторической науки, а также по специальным вопросам — о внутриформационной периодизации, азиатском способе производства, генезисе капитализма в России и др.

Весьма показательно, что в ряде случаев поиск решения проблемы приводил историков к философии. Полемика о природе исторических источников направила исследователей по пути изучения и применения ленинского принципа отражения¹⁰. Новые возможности реконструкции исторической реальности историки-медиевисты увидели в использовании философского принципа пространственно-временного континуума¹¹. М. А. Барг полагает, что этот принцип задает систему координат историческому сознанию и позволяет осуществить диалектическую связь системности и развития¹². Научной нормой становится предсказание Энгельса о том, что именно в пограничных зонах наук надо ожидать наибольших результатов¹³. В 60-х гг. в исторических исследованиях появилось экологическое направление, в котором к настоящему времени сложился ряд точек зрения на понимание проблемы соотношения природы и общества¹⁴.

О наличии проблемной ситуации в исторической науке свидетельствует тот факт, что большинство дискуссионных вопросов осталось нерешенным, а введение в историческую науку новых подходов в границах сложившейся теории позволяет снять лишь частные проблемы¹⁵. Проблемная ситуация предполагает ведение **научного поиска** — особого вида научного исследования, «в результате которого получаются принципиально новые результаты, которые имеют значение научных открытий новых закономерностей»¹⁶. Анализ проблемной ситуации в науке приводит исследователей к постановке фундаментальных, или стратегических, проблем. Крайне важна их правильная формулировка, поскольку в ней содержится предположение об открытии нового закона¹⁷, она определяет дальнейшее направление поиска генерализующей идеи или объяснительного принципа — содержательного стержня новой теории¹⁸.

Археология — историческая наука. Но по сравнению с другими историческими дисциплинами противоречия в ее развитии оказались более острыми, дискуссии ведутся с конца 50-х гг. до наших дней, а проблемная ситуация была осознана еще в начале 70-х гг.¹⁹ Практика жизни требует от археологии как исторической науки решать задачу формирования исторического сознания современника. В конкретно-историческом аспекте это означает воссоздание

таких региональных историй первобытной эпохи, в которых древний человек был бы представлен во всех формах его жизнедеятельности, а также включение вещественных источников в исторические исследования всех периодов. В мировоззренческом аспекте это подразумевает создание научных концепций антропосоциогенеза и генезиса всех социально-культурных феноменов, возникших в древности (формы социальной регуляции, искусство, религия, мораль и др.), дальнейшее развитие теории первобытно-общинной формации. При современном состоянии отечественной археологии научный поиск становится важнейшим условием ее развития.

Глава I ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ

Проблемная ситуация как «связи научно-социальных, предметно-логических и личностно-психологических определенностей»¹ в своем конкретном воплощении предстает как два оппонентных круга². В один входят ученые, убежденные в необходимости теоретико-методологических рефлексий и дискутирующие по теоретическим проблемам в науке. Второй круг составляет это сравнительно небольшое число исследователей и оппонирующее им большинство археологов, работающих по устоявшимся схемам анализа и далеко не убежденных в необходимости теоретических изысканий в науке. Заявка на научный поиск ставит задачу двоякого рода: четко обозначить свои позиции в первом кругу и найти веские аргументы для второго.

Поскольку аналогии и сравнения, заимствованные из других наук, не всегда убеждают, обратимся к опыту предшественников в археологической науке.

§ 1. Теоретические исследования в истории русской и советской археологической науки

Итак, с какими периодами или этапами в истории археологии можно сравнить современное состояние науки? Иначе говоря, известны ли в истории археологии проблемные ситуации, и если да, то каковы были способы выхода из них?

Первая попытка разграничить историю накопления археологических источников и историю идей в археологии была предпринята в книге А. А. Формозова³. Его работа охватывает преимущественно XVIII—XIX вв. На широком фоне развития отечественной археологии и археологической науки за рубежом автор прослеживает становление и развитие идей трех основных направлений в русской археологии: классического (античная археология), исторического (русская средневековая археология) и эволюционистского (перво-

бытная археология)⁴. Используя материалы первых десятилетий Советской власти (20—30-е гг.), В. Ф. Генинг продолжил изучение истории археологии через анализ ее научных направлений⁵. Он предложил следующую периодизацию истории отечественной археологии на основе выделения в ней научных революций: 1. Археология древностей (от первых шагов науки до 60—70-х гг. XIX в.); 2. Культурархеология (60—70-е гг. XIX в. — 30-е гг. XX в.); 3. Социоархеология (30-е гг. XX в. — современность)⁶.

Понимание автором революции в науке как смены мировоззренческих установок, ведущих теорий, главных задач и методов исследования не вызывает возражений. Вместе с тем, на наш взгляд, следует оговорить следующее положение. Революция в археологии не была частным явлением, она проходила в рамках коренных преобразований всех гуманитарных наук, в том числе и исторической. Более того, понять ситуацию научной революции в конкретной науке возможно лишь при учете социально-экономического развития эпохи, всего культурно-исторического фона развития общества, господствующей картины мира, а также состояния сопредельных, в данном случае общественных, наук в отечестве и за рубежом.

Следствием коренного переворота в общественном сознании в 40-х гг. XX в. было не только создание марксистских мировоззренческо-методологических оснований для принципиально нового подхода к анализу исторического процесса, но и появление первых конкретно-исторических работ, таких, как «18 Брюмера Луи Бонапарта» К. Маркса. Как в таком случае следует оценить развитие исторической науки в конце XIX — начале XX вв., а также в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в.?

На рубеже XIX—XX вв. ломка классической механической картины мира совпала с началом общего кризиса капитализма и, следовательно, всей духовной жизни буржуазного общества. В европейской философии, социологии, искусствознании и истории появилась масса новых школ, направлений, завуалированного и откровенного идеалистического толка⁷. Большая часть этих работ была переведена на русский язык⁸. Русские историки вели методологический поиск новых путей построения исторического знания. Появились работы П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, В. М. Хвостова и др. Что означал этот поиск? Новую революцию в исторической науке? Если вспомнить, что в это время (1896—1899 гг.) была написана теоретическая и одновременно конкретно-историческая работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», станет очевидно, что внутри уже давно начавшейся революции в гуманитарных науках рубеж XIX—XX вв. явился теоретическим этапом, которому предшествовала проблемная ситуация и для которого были характерны разнообразные «поисковые поля»⁹.

В русской археологии подобные процессы наиболее ярко отра-

жены в работах С. А. Жебелева и В. А. Городцова (начало XX в.). Культурно-историческая платформа позиций С. А. Жебелева весьма широка. Она включает всю историю науки, и прежде всего античной археологии. Последняя складывалась и развивалась во взаимосвязи с эстетическими идеями и искусствоведческими методами (И. И. Винкельман, Т. Лессинг, И. Г. Гердер, К. О. Миллер, Г. Бруно, О. Рейнак и др.¹⁰). На установки С. А. Жебелева большое влияние оказали взгляды философов-просветителей. Принцип историзма он понимал как рассмотрение конкретного материала в исторической перспективе, изучение основ раннего этапа явления (искусства) для более ясного представления характера последующих стадий его развития¹¹. В работе неоднократно подчеркивается, что в научном знании важен не поиск законов¹², не априорные построения и не создание системы (теории), а определение метода и синтез знания¹³. Возможный путь построения метода ученый видел в обращении к объективным данным самой науки¹⁴, в ретроспективном обзоре истории науки¹⁵. Эти эмпирические представления, а также противопоставление метода «вживания» как средства объективного изучения вещественных памятников метафизическим приемам исследования¹⁶ свидетельствуют о влиянии на мировоззрение С. А. Жебелева позитивистских идей и знакомстве автора с трудами В. Дильтея. Постановка задачи систематизации и объяснения памятников потребовала от ученого (вопреки его намерениям) использовать эмпирические закономерности, накопленные в опыте более чем векового исследования античного мира.

По мнению С. А. Жебелева, вещный мир воплощает два ряда потребностей — внешние (практические) и духовные. В этом он видел основание для разграничения как памятников, так и изучающих их дисциплин (бытовая и художественная археология). Главным фактором формообразования вещи Жебелев считал ее содержание (значение и назначение)¹⁷, определяемое потребностями. Оно же диктует и выбор материала. Далее форма строится соответственно материалу и технологии. Автор отметил, что форма консервативна, ее развитие находится в тесной зависимости от новых материалов¹⁸. Отрицая законы художественного творчества, он не смог обойти законы жанра и стиля, выявленные его предшественниками при анализе памятников литературы и искусства. Согласно законам жанра, произведения художника отражают его темперамент, отношение к художественной традиции и культуре своего времени, к изображенному сюжету¹⁹. Художественные памятники различного жанра одного исторического времени характеризуются содержательным единством. По законам стиля сюжет изделия соответствует его функции (форме), местоположение сюжета или орнамента определяется «художественной экономией пространства» вещи, существуют традиционные художественные схемы, в рамках которых могут складываться сюжеты совершенно иного содержания²⁰.

Взгляды В. А. Городцова формировались на основе критического подхода к идеям Томсена, Ворсо, Монтелиуса и др. Его интересовала возможность использования классификаций ботаников, зоологов для систематизации археологического материала²¹. Ученый опробовал различные классификации на конкретном материале керамики (1901 г.), холодного оружия (1906 г.), каменного инвентаря и бронзовых изделий (1916 г.) и убедился в необходимости специального теоретического обоснования классификации творений человека. В поисках ее критериев и объяснения эмпирических закономерностей археологических феноменов Городцов обратился к философии. В его работе «Археология» упоминаются имена О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, Г. Бокля, Н. И. Кареева, В. Вундта²². Однако, несмотря на явные симпатии В. А. Городцова к философии раннего позитивизма, нет оснований считать его взгляды позитивистскими²³. Ученого не интересовали исходные позиции этого направления, в том числе и социологическая часть позитивистских концепций. Нет также оснований считать взгляды В. А. Городцова переходными от позитивистских к марксистским²⁴. Думается, что более верным будет определить мировоззрение В. А. Городцова как стихийно-материалистическое, отражающее состояние естественных наук второй половины XIX в., когда механическая картина мира дополнилась идеями эволюционизма и начал складываться новый стиль мышления, требовавший систематизации накопленного материала и его объяснения. В. И. Ленин определил такое миропонимание большинства естествоиспытателей конца XIX в. как «естественно-исторический материализм, т. е. стихийное, несознаваемое, неоформленное, философски бессознательное убеждение... в объективной реальности внешнего мира, отображаемого нашим сознанием»²⁵. Подобная мировоззренческая установка В. А. Городцова определила и принципы построения его теории археологии: ее основой стало учение эволюционистов, которое по мере надобности автор соединял то с положениями теории культурных кругов, то с идеями географического детерминизма.

В стремлении определить место археологии среди других наук В. А. Городцов обратился к философским классификациям. Позитивистские схемы Спенсера и Вундта он использовал лишь для создания общей космологической схемы. Особое внимание ученый уделил в ней биологии. Он подробно разобрал биологические классификации Ламарка, Геккеля и Дарвина и вслед за этими учеными провозгласил человека высшей ступенью биологической эволюции. Создание человеком «вещественных творений» предстает как результат его умственного превосходства над остальными биологическими особями. Отсюда следует, что археология и этнология — это специальные науки антропологического отдела, входящего в состав биологии²⁶. Как и большинство представителей стихийного материализма XIX — нач. XX вв., В. А. Городцов не увидел в чело-

веческом обществе качественно новой ступени развития природы.

Мировоззренческая установка В. А. Городцова четко проявилась в его обосновании теории археологии, представляющей систему законов «возникновения и изменения форм творений» человека во времени и пространстве, законов взаимосвязи этих форм.

В законе индустриальной причинности В. А. Городцов видел выражение мирового закона причинной взаимосвязи. Ученый был совершенно прав, когда полагал, что принцип причинности позволяет как предвидеть, так и осуществлять ретроспективное исследование. Однако сам принцип он трактовал в духе лапласовского детерминизма, движение от причины к следствию и наоборот он представлял весьма однозначно: «Всякое индустриальное явление представляется совершенно определенным феноменом и может быть предвидено с полной точностью»²⁷.

Закон индустриальной эволюции, объясняющий направление развития и причины изменения вещной среды, В. А. Городцов считал разновидностью закона биологической эволюции. Индустриальная эволюция представлялась ему прогрессивным движением от простых форм орудий труда и быта, изготовленных по аналогии с природными, к более сложным. Неравномерность прогрессивного развития различных народов он объяснял борьбой явлений материальной культуры за существование. На действие закона эволюции накладывалась активность разума человека, его способность варьировать свою деятельность в рамках объективного закона.

Сопоставляя развитие культуры в эпохи камня и металла, В. А. Городцов пришел к выводу о его постепенном ускорении. Относительно медленное развитие культур в ранние эпохи и в поздних изолированных обществах он объяснял действием закона индустриальной инерции. Эмпирически установив одну из особенностей общественного развития — консерватизм традиций, В. А. Городцов не нашел для нее сколько-нибудь убедительного объяснения в теории эволюции и был вынужден интерпретировать индустриальную инерцию как проявление принципа «наименьшего расходования сил», заимствованного у представителя школы географического детерминизма Ратцеля.

Принцип «наименьшего расходования сил» не соотносится с фактом возрастания темпа развития общечеловеческой культуры от палеолита до современности. Это противоречие, по мнению В. А. Городцова, разрешается действием двух, близких по своей природе законов — индустриального заимствования и индустриальных совпадений, объясняющих сходство явлений на разных территориях и в разное время. Ранее бытовавшие идеалистические интерпретации возрастания темпа развития человеческой культуры как выражения единства человеческого духа и всеобщий инстинкт В. А. Городцов считал неприемлемыми. Он выдвигал две гипотезы схождения: один раз и одним народом совершенное открытие заимст-

уется другими народами и развивается параллельно (синхронное сходство); гибель феномена в исходном районе и продолжение его развития в других регионах (сходство разновременных явлений). Эти идеи ведут свое происхождение из концепции культурно-исторической школы.

Теория как совокупность законов, по мнению В. А. Городцова, должна не только давать критерии для объяснения явлений культуры, но и обосновывать методы исследования археологических феноменов. Возможно, под влиянием позитивизма (Дж. Ст. Милль, Бокль), а скорее всего потому, что археология была преимущественно наукой эмпирической, В. А. Городцов отдавал предпочтение индуктивному методу, но при этом подчеркивал, что дедукция необходимо дополняет индукцию. За индукцией и дедукцией следует четкая субординация методов от частных, специальных — археологического наблюдения и описания, типологической классификации, к общим — сравнительному и, наконец, к историческому методу²⁸. В соответствии с этими методами в исторической части «Археологии» В. А. Городцов дал систематический обзор археологических фактов периода камня. В ряде работ советских археологов 1925—1930-х гг. сохранилась творческая разработка типологического метода в пределах теоретической концепции В. А. Городцова²⁹.

В работах С. А. Жебелева и В. А. Городцова были и общие моменты. Во-первых, осознание противоречий между обилием археологического материала и отсутствием единых оснований его классификации, между накопленными в археологии эмпирическими закономерностями и отсутствием их научного объяснения, то есть речь идет об осознании археологами проблемной ситуации в науке. Во-вторых, общей является и схема поиска: обращение к истории своей и сопредельных наук и рассмотрение в них идей и схем классификаций, явное или неявное использование философских концепций для построения собственных теоретических позиций и обоснования методов. Вместе с тем работы В. А. Городцова и С. А. Жебелева существенно различаются, поскольку различны их поисковые поля. В этом же русле научного поиска лежали исследования палеоэтнологической московской школы середины 20-х гг.³⁰

К концу 20-х гг. в отечественной исторической науке поисковое поле резко сузилось: гуманитарные науки в бурных дискуссиях преодолевали сложившиеся на рубеже XIX—XX вв. концепции, начали освоение марксистской теории общественного процесса. В отличие от предшествующего периода, когда создателями теоретических схем были отдельные крупные ученые, марксистская теоретическая платформа в археологии конца 20-х — начала 30-х гг. выработывалась и утверждалась коллективными усилиями. Первоначально это была группа так называемого нового направления в археологии — преимущественно ученики В. А. Городцова, попы-

тавшиеся осуществить задачу социологических реконструкций по археологическим материалам³¹. Идея превращения марксова учения об общественно-экономической формации в метод исследования и сама схема исследования — от анализа производительных сил к реконструкции производственных отношений и к воссозданию надстроечных явлений — была понята ими правильно. Ожидания, что формационная схема обладает большим запасом объяснительных возможностей для археологии, — были оправданы конкретными исследованиями каждого автора. Схема объяснила детерминацию формы поселения и жилищ³². На широком хронологическом и территориальном материале А. В. Арциховский доказал связь эволюции форм земледельческих орудий с ростом производительного труда и изменением социальных отношений³³. В схему вполне вписывались закономерности функционирования и развития орудий: наличие орудий одного назначения было свидетельством распространения данного вида труда, дифференциация типов орудий связана с эволюцией производственных приемов³⁴. Предметы одинаковой формы могли появляться в разных районах не только благодаря заимствованию, но и в результате одинаковых технических возможностей — конвергентно³⁵.

Почему выступление сторонников нового археологического направления получило резко отрицательную оценку не только представителей традиционных взглядов, но и исследователей, ратующих за марксизм³⁶? Авторы статьи «Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов, на наш взгляд, достаточно четко определили эти причины: теоретические позиции эволюционизма ими не были преодолены, категории общественно-экономической формации и связь между ними были поняты упрощенно, на восприятие марксизма этими авторами наложили отпечаток лекции Н. И. Бухарина³⁷.

В начале 1930-х годов продолжалось освоение и утверждение формационного марксистского принципа исследования. Оно происходило в обстановке ожесточенных теоретических сражений, критического анализа наследия как отечественной, так и зарубежной археологии и этнологии³⁸. Раскрыв теоретически несостоятельную базу эволюционизма, географического детерминизма, школы культурных кругов, В. И. Равдоникас, С. Н. Быковский, И. И. Смирнов, И. И. Мещанинов и др. сначала частично, а затем полностью отвергли концепции ученых 1920-х гг., и вместе с ними — многие эмпирические закономерности и методы, установленные археологами и этнографами в XIX — начале XX столетий, надолго был забыт типологический анализ.

Предметом дискуссии археологов и историков начала 1930-х гг. было понимание категории общественно-экономической формации. Подвергалось сомнению наличие способа производства в перво-

бытную эпоху, спорили о том, сколько существовало первобытных формаций: одна или более. Итогом дискуссии явилось мнение о существовании одной первобытнообщинной формации во всех ее компонентах (производительные силы, производственные отношения, надстройка), о развитии первобытного общества как естественноисторического процесса.

Анализ категории «производительные силы» определил место вещной предметности в системе производства (орудия и средства производства) как неразрывно связанной с человеком — производителем материальных благ при ведущем начале человека в этой связи³⁹. Понятия уровень и характер производительных сил позволили выделить социальные и технологические показатели их развития: общественное разделение труда, производительность труда, прогресс орудий труда⁴⁰. Рассмотрение диалектики производственных отношений и надстроечных элементов, закона связи общественного бытия и общественного сознания определило место и роль духовного начала в жизнедеятельности человека и, следовательно, место и роль предметно-вещной реализации духовного⁴¹. Осмысление идей К. Маркса и В. И. Ленина о производственных отношениях как ведущем критерии установления границ формации и выделения этапов внутри нее позволило установить границы первобытной формации и вызвало попытки найти объективные критерии для выделения стадий ее развития⁴². В пределах закона соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил нашли свое объяснение особенности прогрессивного развития вещных компонентов производительных сил — постоянная непрерывная преемственность и динамика орудий и средств производства.

В эти же годы в работах философа К. Р. Мегрелидзе⁴³ и историка Ф. В. Кипарисова⁴⁴ на основе марксистского принципа предметно-практической деятельности получили более подробное обоснование сущность вещного мира и способы его познания. Использование этого принципа позволило установить, что вещи, созданные человеком, есть элемент системы «природа — общество». В этой системе под природой понимается, во-первых, общегеографическая обстановка, совокупность условий, «которые в известной степени определяют положительный и отрицательный характер и масштабы трудовой деятельности человека»⁴⁵; во-вторых, естественная природная среда, включенная в деятельность человека. Вещи, созданные человеком, с одной стороны, являются посредниками между обществом и природной средой, средством преобразования этой природной среды в соответствии с потребностями общества, с другой — средством отношений между индивидами, средством воспитания, обучения, социализации личности⁴⁶. Подчеркивалась социальная значимость, субъективно-деятельная опосредованность вещного мира человека.

Каков же способ изучения системы, от которой остались в фрагментированном виде два компонента — природная среда и вещи? Тот же деятельностный принцип свидетельствует, что общество — ведущий элемент системы — функционирует и развивается в тесной взаимосвязи с природой и вещным миром. Одним из законов общественного развития является опредмечивание существенных сил человека в создаваемых им вещах: опредмечиваются как материальные, так и духовные потребности, уровень развития этих потребностей, определяемый уровнем производительных сил⁴⁷. Они закрепляются, объективируются в функциональных свойствах, признаках вещей. Ф. В. Кипарисов дал обоснование классификации, устанавливающей содержательный вес признаков вещей, социально значимых для человека в системе природа — общество⁴⁸. Таким образом, просматривается цепочка анализа: существенные признаки — вещь определенного функционального назначения — совокупность вещей как исторический источник для реконструкции общественной системы.

Формационный подход к развитию общества, диалектически связанный с предметно-практическим, позволяет судить уже не только о деятельной природе человека вообще, он определяет сложную иерархическую структуру этой деятельности, выделяет как наиболее общие законы поступательного развития человечества, так и их конкретное проявление в пределах формации. Однако деятельностный подход, требовавший глубокого освоения идей К. Маркса, не получил признания и распространения в кругах советских философов 30—50-х гг. и, следовательно, среди историков и археологов.

В 30—50-е гг. на основе формационного подхода и новых методов исследования началось накопление и осмысление археологического материала. Исследования осуществлялись по схеме: вещь — совокупность вещей — их описание — социально-экономическая интерпретация. Благодаря формационному принципу нашли свое объяснение закономерности развития первобытной техники⁴⁹, закономерности становления производящего хозяйства⁵⁰. Исследователи анализировали археологический материал исходя из того, что исторический процесс мог быть как автохтонным, так и осуществляться в форме миграций, что преемственность в развитии культур по горизонтали и вертикали — один из факторов прогресса человечества⁵¹.

Таким образом, есть основания считать, что на период от рубежа XIX—XX вв. до начала 30-х гг. XX в. приходится второй, теоретический этап развития научной революции в общественном знании в целом и в исторических дисциплинах в частности. Проблемная ситуация в результате борьбы различных мировоззренческих установок разрешилась созданием единой концепции, основанной на марксистской теории общественно-экономической формации. До-

нятая как диалектическое единство принципов материализма, детерминизма и историзма, она явилась основой создания исследовательской схемы — формационного подхода, на базе которого развивалась вся отечественная историческая наука вплоть до 50—60-х гг. XX в.

§ 2. Смысл дискуссии об археологической культуре

К 50-м гг. на археологическом материале был написан ряд трудов по древнейшей истории народов нашей страны⁵². Проведены глубокие исследования в области истории первобытной экономики и техники⁵³. Весьма плодотворным для археологов оказалось сотрудничество с представителями естественных наук: четвертичной геологии, палеозоологии, физики, химии⁵⁴. Вместе с тем логика развития археологической науки — накопление большого фактического материала — привела к информационному барьеру⁵⁵. Разнообразие археологического материала поставило исследователей перед необходимостью его систематизации, а также объяснения сходства и различия многочисленных археологических культурных комплексов.

Постановка новых задач в советской археологии совпала с оживлением теоретической мысли археологов за рубежом⁵⁶, что имело свои положительные и отрицательные последствия. Первые состояли в том, что изучение методов зарубежных коллег выявило возможность использования их в конкретных исследованиях, а критическое осмысление философских оснований идей У. Тейлора, С. Пиггота, Г. Даниела, М. Мальмера и представителей школы новой археологии способствовало уяснению собственных теоретических позиций. Отрицательные последствия вытекали из того, что методы и теории тесно взаимосвязаны, и далеко не всегда заимствованные методы были освобождены от их теоретической (позитивистской и иной) нагрузки. Ряд идей и схем исследования зарубежных ученых на первый взгляд представлялся весьма плодотворным для развития археологии, например, структурно-функциональный подход Д. Кларка, идеи Л. Бинфорда, Леруа-Гурана. Потребовалось время и проверка практикой, чтобы понять, что сами по себе идеи не существуют, они всегда вплетены в концептуальную схему⁵⁷.

В 1963 г. А. Д. Удальцов во введении к сборнику «Против вульгаризации марксизма в археологии» сформулировал задачу восстановления по археологическим материалам конкретных историй народов⁵⁸. Для ее реализации из арсенала археологии 20-х гг. было заимствовано понятие «археологическая культура» (АК), которое заняло ведущее место в науке, а также идея соотношения АК с этнической общностью; исследователи обратились к типологическому методу. Традиционные теоретические основы советской

археологии — формационный принцип, а также принципы историзма и исторического детерминизма — оказались слишком широкими для решения поставленных задач. Они не давали ни качественных критериев для выделения АК в пространстве и времени, ни объяснения смены АК на одной территории, ни оснований для исторической интерпретации АК. Начались дискуссии, продолжающиеся до наших дней.

На 50—60-е гг. приходится первый этап дискуссии об археологической культуре. Первоначально у авторов не было разногласий по поводу определения АК как совокупности вещественных памятников, имеющих сходство в формах археологического материала. Не было серьезных расхождений по вопросу соотношения АК с исторически конкретными общностями — этническими образованиями. Мнения разделились при определении набора признаков, по которым может быть установлено сходство или различие памятников и вычленена АК⁵⁹.

А. Я. Брюсов поднял вопрос, с какими этническими или социальными образованиями следует соотносить АК⁶⁰. Начало дискуссии по этой проблеме положил А. А. Формозов. Ученый убедительно доказал, что совокупность различных признаков археологических материалов дает основание выделить по крайней мере три группы памятников — АК, культурная область, культурная зона, которые должны быть соотнесены с различными этническими образованиями⁶¹.

Период некоторого оптимизма 60-х гг. сменился мучительными сомнениями в познавательных возможностях археологии⁶². Непосредственное обращение археологов к этнографии выявило парадокс: неизвестное в археологии (АК) определялось через неизвестное в этнографии. Понятие «этническая общность» (ЭО) оказалось теоретически неразработанным⁶³. Статья Н. Н. Чебоксарова не разрядила обстановки. С точки зрения автора, общие черты в предметно-вещной среде могут объясняться и ее принадлежностью одной этнической общности, и тесными длительными культурно-историческими связями между различными этническими общностями, и близкими формами хозяйства в пределах большого региона с едиными природными условиями⁶⁴. Poleмика на страницах журнала «Народы Азии и Африки» (1967) и «Советская археология» (1970) ощутимых результатов не дала. Поскольку единая позиция до сих пор не выработана, вопрос о соотношении АК и ЭО время от времени поднимается в литературе⁶⁵ или даже дискутируется регионально⁶⁶. На основании различных критериев выделяются все новые и новые АК, а среди исследователей бытуют различные мнения о возможности ее этнической интерпретации.

Второй этап дискуссии об АК начался в 70-е гг. Несколько неожиданно для археологов ее вопросом стало выявление природы археологических понятий «тип» и «археологиче-

ская культура». Уже в работе 1964 г. «К вопросу об археологической культуре» А. П. Смирнов, перечисляя познавательные сложности и связанную с ними относительность выделения археологической культуры для разных эпох первобытности, предположил, что это понятие носит в значительной степени служебный характер, являясь инструментом археологического познания (синтеза)⁶⁷. Две различные точки зрения на природу понятий «тип» и «АК» были изложены в статьях Г. П. Григорьева «Культура и тип в археологии: категории анализа или реальности?»⁶⁸ и Ю. Н. Захарука «Археологическая культура — категория онтологическая или гносеологическая?»⁶⁹. Г. П. Григорьев разграничил позиции большинства археологов, соотносивших понятия «тип» и «археологическая культура» с реальными явлениями⁷⁰, и той группы исследователей, которые считали, что эти понятия имеют чисто служебную, классификационную нагрузку⁷¹. Себя он причислил ко второй группе, хотя в ряде работ отмечает, что правильно построенная классификация адекватно отражает действительность⁷². Статья Ю. Н. Захарука также оставляет противоречивое впечатление. И действительно, в начале статьи археологическая культура определяется автором как «определенная совокупность различных следов и останков», которые «реально существуют, обладают статусом объективной реальности»⁷³, а в заключении читаем: «Глубоко ошибочным является отождествление археологической культуры, имеющей гносеологический статус, со следами и останками прошлого, имеющими статус онтологический»⁷⁴.

Логическим продолжением выявления природы понятий является постановка следующего вопроса: статичны или находятся в движении понятия «признак», «тип», «археологическая культура», отражают ли они процессы становления, развития, изменения? Очевидно, что сами по себе ископаемые остатки не развиваются, не скрещиваются, в этом отношении данные фрагменты исторической реальности статичны и мертвы. Видимо, в силу этой очевидности Г. П. Григорьев свою первоначальную формулировку предмета археологии как «закономерностей развития ископаемых объектов и отношений между ними»⁷⁵ в более поздней работе заменил на «закономерности в развитии специфики археологических категорий, анализа и отношений между этими категориями»⁷⁶.

Возможно ли представить ископаемые мертвые следы в движении, развитии посредством понятий артефакт, тип, археологическая культура и др.? В этом определении позиция Ю. Н. Захарука недостаточно последовательна. И действительно, в первом выводе автор утверждает, что «глубоко ошибочным является отождествление археологической культуры, имеющей гносеологический статус, со следами и останками прошлого, имеющими статус онтологический»⁷⁷. Речь идет о том, что археологическая культура — фундаментальное понятие науки, категория. С другой стороны, во втором

выводе Ю. Н. Захарук отмечает: «Грубой методологической ошибкой является перенесение свойств и качеств динамической системы феномена культуры на статичную и агрегатную систему археологической культуры и приписывание ей свойств к изменению и даже саморазвитию («происхождение», «развитие», «распространение», «влияние», «заимствование», «взаимодействие» археологической культуры и т. п.)»⁷⁸. Таким образом, категория «археологическая культура» оказывается направлена только на фиксацию, описание статичного состояния, то есть выполняет функции понятия «ископаемая действительность» и не имеет статуса фундаментальной категории науки.

Противоположная точка зрения представлена достаточно четко. По мнению В. С. Бочкарева, для археолога свойства, артефакты, комплексы полны динамики⁷⁹. Но это не сами ископаемые остатки, а понятия, их отражающие. И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер полагают, что типы эволюционируют во времени, отражая реальные процессы прошлого⁸⁰.

Если в понимании природы археологических понятий и их состояния (динамики или статики) дискуссии обозначили две точки зрения, то относительно процедуры археологического исследования и представления о его понятийном аппарате существует несколько мнений. Традиционная познавательная процедура эмпирического этапа археологического исследования изложена в коллективной работе «Анализ археологических источников» (сбор материала, его первичное описание, классификация, поиски аналогий и уточнение классификации, датировка и картографирование)⁸¹. Логика процедуры не объясняется.

Критически подойдя к традиционной процедуре исследования⁸², Л. С. Клейн предложил иную. Отметив, что его идея была навеяна работами Д. Кларка и Даниела, он сделал попытку развить ее, сняв исходные идеалистические установки⁸³. Познавательную часть процедуры составляют 6 пунктов (8—13), которые в терминах эмпирического исследования отечественной науки могут быть сформулированы как постановка задачи, наблюдение, внешняя и внутренняя критика, описание, классификация. Содержанием познания является инверсия по этапам от 7—5 (анализ процесса археологизации материальной культуры) к 4—1 (анализ процесса образования материальной культуры). Казалось бы, проблема воссоздания материальной культуры будет решена, если не пропускать ни одного звена в познании и правильно оценивать изменения информации в каждом «шлюзе». Однако, как показывает практика исследования, уже в движении от пункта 12 (описание) к пункту 13 (классификация) начинаются сложности, требующие серьезного обоснования критериев и способов классификации.

В. С. Бочкарев, по-своему перерабатывая идеи Д. Кларка, также полагает, что надо различать две процедуры исследования:

археологическую и историческую (палеоисторическую). В археологической модели познания он выделил пять последовательных уровней: постановка задач исследования, внешняя и внутренняя критика источников, выделение типов, изучение связей между типами, выделение фракций и культур. В перечне познавательных актов пропущены наблюдение и описание, но зато классификация содержит три процедуры. Автор полагает, что в постановке задач, отборе признаков для выделения типов и культур археолог должен опираться на историко-социологические представления⁸⁴, в том числе на теорию культуры⁸⁵.

Исходные позиции Г. С. Лебедева — системный характер человеческой деятельности, системообразующие связи которой лежат в области материального производства и общественных отношений. Автор выделяет четыре уровня системного описания археологического материала: 1. Локализация в пространстве, когда в результате полевых исследований артефакты (материальные следы древней деятельности людей, принадлежащих одному древнему коллективу) группируются в комплекс памятников; 2. Локализация во времени, когда типы артефактов объединяются в ансамбли, соответствующие определенной сфере деятельности древнего коллектива и характеризующие как комплекс памятников, так и археологическую культуру в целом; 3. Системное описание всех компонентов АК, каждый из которых составляет самостоятельную систему; 4. Анализ тенденций развития систем и выявление их закономерностей как непосредственная база исторической реконструкции⁸⁶. Проблему перехода от артефакта к типу автор не ставит.

Итак, в чем же суть дискуссии об археологической культуре, начавшейся в 50-е гг.? Представляется, что это начальный этап осознания противоречий развития отечественной археологической науки — противоречий между обилием накопленных фактов и отсутствием научных критериев их систематизации и объяснения. Поиск этих критериев в рамках самой археологической науки (полемика о составе признаков АК, ее временных и пространственных границах) только более явно обозначил разногласия. Обращение к смежной науке — этнографии показало, что эта дисциплина находится в подобной же ситуации.

Чем объяснить поворот дискуссии в 70-е гг.? Он был вполне естественным ввиду явной гносеологической (познавательной) перегрузки понятия АК, его многозначности и содержательной неопределенности. Понятию АК предписывались две функции: систематизации, синтеза конкретного археологического материала и объяснения этого совокупного материала, его перевода в конкретно-исторический⁸⁷. Таким образом, на одно понятие легло две познавательные нагрузки: восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретно-теоретическому.

Вторая причина значительно глубже. Poleмика вокруг онтоло-

гической и гносеологической природы археологических понятий, равно как и ограничение рядом ученых задач археологии, во многом были следствием их нечеткого представления об эмпирическом и теоретическом в познании. Соотношение эмпирического и теоретического в познании — проблема философская. Понимание этой проблемы определяет взгляды ученых на цели конкретной науки, на ее познавательные возможности, на природу языка. Осмысление диалектики эмпирического и теоретического осложняется знакомством советских археологов с современными зарубежными исследованиями, так как в различных философских системах существуют различные способы постановки и решения этой проблемы⁸⁸. Поэтому есть необходимость сопоставить понимание эмпирического и теоретического в трудах современных представителей эмпиризма, неопозитивизма, операционализма, аналитической философии и др. с его трактовкой марксистской теории познания.

Поздний эмпиризм разграничивает эмпирическое и теоретическое по следующим основаниям:

Основания	Эмпирическое знание	Теоретическое знание
Наблюдаемость Природа знания	Наблюдаемое Индивидуальный опыт ученого	Ненаблюдаемое Результат эмпирического обобщения или следствие умозрительного процесса
Функции знания	Основа и цель научного исследования	Инструмент мышления
Язык науки	Термины наблюдения	Термины объяснения

Цель науки достигается в пределах эмпирических исследований, а теория выступает лишь как инструмент мышления. Теоретическое знание рассматривается как репрезентация эмпирии или как умозрительные конструкции, в которых не отражаются никакие реальные процессы и связи. Языки науки строго разграничены, и термины наблюдения не сводимы к терминам объяснения⁸⁹.

Выяснение причины заблуждения последователей эмпиризма, а также разграничение эмпирического и теоретического в научном познании возможно на основе марксистского принципа предметно-практической деятельности. Истоки заблуждения заключаются в принципе созерцательности, свойственном любому варианту эмпиризма. Субъектом познания является индивид, которому противостоит объект, непосредственно данный в ощущениях, в наблюдении. Объект и субъект познания разграничены, и индивидуальный опыт ученого не в состоянии вывести его за пределы ощущений, или самое большее — фиксации повторяемости сходных ощущений (явлений или свойств объекта). Равным образом созерца-

тельность не позволяет установить природу понятий, категорий, потому что они не даны непосредственно в опыте индивида. Отсюда вытекает естественный разрыв терминов наблюдения и объяснения, априорный характер последних объясняется либо свойством разума, либо результатом конвенции ученых.

Созерцательному подходу, который не знал чувственной, предметной, субъективной, революционно-критической деятельности, К. Маркс противопоставил материальную, целенаправленную, предметную, преобразующую деятельность конкретно-исторического общественного человека⁹⁰. Именно в этой деятельности чувственная данность предмета и его существенная определенность находятся в неразрывном единстве⁹¹. Предметно-практическая деятельность представляется как цель и основание процесса познания, а знания, выраженные в понятиях и кажущиеся априорными, — как результат многовекового развития абстрагирующей мыслительной деятельности всего человечества. В контексте деятельностного подхода устанавливаются иные, нежели в позднем эмпиризме, основания разграничения эмпирического и теоретического:

Основания	Эмпирическое знание	Теоретическое знание
Уровень отражения объекта	Единичные и повторяющиеся свойства и связи, эмпирические закономерности	Внутренние свойства и связи, законы развития объекта, представленные в единой системе
Природа знания	Научные факты, отражающие результаты наблюдения и эксперимента, т. е. научной практики конкретного исследования	Теоретическая модель объекта как результат развёртывания и преобразования мыслительного материала на основе философских принципов, т. е. синтез предметно-практической деятельности человечества
Функции знания	Фиксация фактов, их описательная классификация, эмпирический базис исследования	Реконструкция объекта, объяснение фактов, принципы содержательного анализа эмпирического
Язык науки	Понятия для описания фактов наблюдения и эксперимента	Понятия для теоретической реконструкции объекта, объяснения, предвидения

Советские философы качественное различие эмпирического и теоретического видят прежде всего в их природе, соответствующей качественно различным уровням предметно-практической деятельности. Эмпирическое знание есть базис исследования, его назначение — связь научной практики с теорией. Но только через теорию эмпирические факты включаются в систему научного знания, получают интерпретацию. Признавая различие терминов описания и

объяснения, следует подчеркнуть, что в конечном итоге они отражают один и тот же объект и, следовательно, диалектически взаимосвязаны.

Такое понимание диалектики эмпирического и теоретического в познании позволяет объяснить и наличие противоречий по вопросам:

— Археологическая культура и тип — понятия или объективная реальность? Если понятия, то онтологические или гносеологические?

— Понятия «признак», «тип», «АК» — статичны или находятся в движении, отражают процессы становления, развития, изменения?

— Каковы этапы познавательного движения от конкретного археологического материала к типу и АК? В каких понятиях и терминах они реализуются?

Постановка первого вопроса является следствием отождествления объективной реальности со знанием об этой реальности, выраженном в категориях, понятиях. Тип и АК определяются при этом то как реальные совокупности вещей и следов обществ прошлого (историческая реальность), то как понятия, описывающие эту реальность. Во-вторых, подобная постановка вопроса связана с резким разграничением терминов (понятий) наблюдения и описания и терминов (понятий, категорий) анализа и классификации. Такая установка была свойственна зарубежным последователям эмпиризма, оказавшим определенное воздействие на развитие дискуссии. Альтернатива в понимании природы археологических категорий выглядит следующим образом: являются ли категории (понятия) тип и АК лишь субъективными инструментами познания, способами упорядочения материала или они отражают фрагменты исторической реальности, специфика и своеобразие которых существовали объективно, вне зависимости от того, осознавалась она создателями или нет. Вторая позиция не снимает познавательных функций понятий тип и АК. Наоборот, будучи объективным отражением исторической реальности, они должны служить и адекватным инструментом ее познания. Нам представляется, что замечание, которое высказал И. С. Каменецкий по поводу позиции А. П. Смирнова⁹², распространяется и на Г. П. Григорьева: теоретически обосновывая, что тип и АК являются лишь инструментами познания, оба они в практике археологических исследований ориентировались на анализ объективно существующих фрагментов исторической реальности средствами, интуитивно выведенными из этой реальности и отражающими ее. Анализируя взгляды Ю. Н. Захарука, следует уточнить, что понятия признак, тип, АК — и гносеологические, и онтологические. Это формы знания (гносеологическая сторона) об объективной реальности (онтологическая сторона) — вещественных остатках жизнедеятельности обществ прошлого. Только тогда они являются ступеньками познания (категориями анализа), когда объективно отражают историческую реальность.

Возникновение разногласий по второму вопросу также объясняется отождествлением объективной реальности с понятиями, отражающими ее. Человек может наблюдать или экспериментально воспроизводить крайне ограниченное число социальных процессов. И даже отражая современные события, социолог, историк делают как бы мгновенные снимки бесконечно изменяющейся действительности. При этом социальные процессы, их противоречивое движение огрубляются, закрепляясь в понятиях и категориях. Можно ли в таком случае достоверно представить процессы давно прошедшего времени или исследователь обречен фиксировать фрагменты застывшего, неподвижного? Есть ли возможность говорить о возникновении, развитии, изменении человечества, его общественных и культурных характеристик, его предметно-вещного мира? Ф. Энгельс выделял две философские позиции по этому вопросу: метафизическую с неподвижными категориями и диалектическую — с текучими, взаимопереходящими категориями⁹³.

Диалектический подход к пониманию категорий общественного развития К. Маркс представил как метод восхождения от абстрактного к конкретному, позволяющий создать мысленную реконструкцию становления и развития системы производственных отношений капиталистического общества во всех многообразных связях через взаимопереход, текучесть, противоречивое движение категорий политической экономии. Здесь важно отметить, что посредством движения категорий, понятий К. Маркс конкретно-теоретически воспроизвел не только непосредственно данную капиталистическую действительность, но и развитие капитала периода первоначального накопления и, наконец, формы, предшествующие капиталистическому производству⁹⁴, то есть эпохи исторически прошедшие. Таким образом, смысл, назначение, функции категорий и понятий науки заключаются в том, чтобы проникнуть в действительность (в том числе и в неподвижные вещественные следы исторических эпох) и мысленно представить ее как внутренне противоречивый, изменяющийся процесс. Вещественные остатки обществ прошлого статичны, но понятия археологической науки, такие, как признак, тип, археологическая культура, через соотнесение, сравнение, сопоставление различного и тождественного, в движении от единичного к общему, от случайного к необходимому восстанавливают процесс становления, развития и изменения вещной среды конкретно-исторических общностей. То есть признаки скрещиваются и заимствуются, типы и археологические культуры возникают, развиваются и распространяются.

В определении ступеней познания и их содержания выявился разноречивый: в актах познания, в понятийной системе и определении клеточки познания (в одних случаях это пучок вещь — свойство — отношение⁹⁵, в других — артефакт⁹⁶, в третьих — комплекс памятник⁹⁷). На наш взгляд, в этой разногласии наиболее важ-

ным было выделение двух узловых пунктов познания, в которых происходит скачок от единичного, внешнего (наблюдаемого) к общему, существенному.

Первый узел — выделение признаков для типологии артефактов. Наибольшее внимание археологов-теоретиков привлекла лаконичная и четкая формулировка А. Споулдинга: тип есть устойчивое сочетание признаков⁹⁸, поскольку устойчивость и повторяемость могли быть обнаружены математическими методами, что, казалось, снимает субъективизм. В определении А. Я. Шера появилось важное дополнение: тип есть устойчивое сочетание **существенных признаков**⁹⁹. Возникает вопрос: означает ли повторяемость и устойчивость признаков их существенность? История наук как естественных, так и общественных свидетельствует, что повторяемость и устойчивость в эмпирическом исследовании обнаруживают лишь внешние характеристики объекта познания. Только многократная проверка на практике позволяет перейти от познания внешних, повторяющихся явлений к сущности изучаемого объекта: «Раскрытие сущности — вот тот рубеж, который отделяет теоретическое знание от эмпирического»¹⁰⁰. Может ли археологическая наука своими средствами определить вес признаков и установить их существенность? Большинство исследователей отрицательно отвечает на этот вопрос. В. А. Бочкарев полагает, что для отбора признаков необходимы историко-социологические постулаты¹⁰¹. Г. С. Лебедев видит средство археологического познания в системном подходе¹⁰². И. С. Каменецкий, Б. И. Маршак, Я. А. Шер считают, что для определения существенности признаков необходима разработка содержательной теории¹⁰³.

Второй узел — переход от выделения типов к выделению археологической культуры. Переход кажется процедурой несложной, если следовать определению Д. Кларка, что культура есть устойчивое сочетание типов¹⁰⁴. Но если бы даже мы располагали объективными критериями выделения типов, где доказательства, что их определенный набор есть культура? Известны ли законы развития предметов различных функциональных сфер? Развиваются ли они в одних культурно-хронологических границах или рамки их развития в разных сферах не совпадают?

Красивые и весьма соблазнительные формулировки А. Споулдинга и Д. Кларка не нашли реального воплощения и в работах самих авторов¹⁰⁵.

§ 3. Проблема статуса археологической науки

Включение в полемику проблемы «Предмет и объект археологической науки» обусловлено второй интерпретационной нагрузкой понятия АК и стремлением исследователей осуществить восхождение от АК как абстракции к теоретически-конкретной истории об-

щества прошлого. Действительный смысл дискуссии состоял в установлении статуса науки, определяемом познавательными возможностями ее источников, основной целью и временными границами. Решался вопрос о том, является ли археология самостоятельной или вспомогательной источниковедческой наукой по отношению к другим историческим дисциплинам и в каких формационных рамках. Полагаем, что точки зрения дискутирующих сторон следует анализировать через призму отношения авторов к статусу археологии.

Конкретная цель археологии как науки определялась исследователями соответственно пониманию того, присутствует ли в вещественных остатках обществ прошлого историческая информация или, иначе говоря, являются ли эти остатки историческими источниками. Однозначный ответ на этот вопрос дал в 30-х гг. Ф. В. Кипарисов в статье «Вещь — исторический источник». Его точка зрения на вещественные остатки обществ прошлого в советской литературе не пересматривалась до 70—80-х гг. И в настоящее время она имеет многочисленных сторонников. Действительно, как бы ни дискутировали между собой по проблеме предмета и объекта археологии Ю. Н. Захарук, В. Ф. Генинг, В. М. Массон, В. Н. Боряз, А. Н. Рогачев, М. В. Аникович — в их позициях достаточно четко прослеживается связь между признанием наличия исторической информации в археологических источниках и определением конечной цели науки — реконструкции истории конкретных обществ прошлого¹⁰⁶. Из этой основной посылки следует сходство взглядов перечисленных авторов на определение уровней исследования в археологической науке, ибо решить задачу объяснения материалов археологических источников и осуществить реконструкцию истории конкретных обществ возможно лишь на теоретическом уровне¹⁰⁷. Наличие или необходимость собственной теории определяет самостоятельный статус науки¹⁰⁸.

На первый взгляд к такому же выводу (археология — самостоятельная наука) приходят и те авторы, которые имеют иную исходную установку: археологические источники исторической информации не содержат¹⁰⁹. В отличие от приверженцев первой точки зрения, которые в основном постулируют наличие исторической информации¹¹⁰, Г. П. Григорьев пытается доказать ее отсутствие. Для обоснования своего мнения Г. П. Григорьев сопоставляет письменные исторические источники и вещественные археологические. Основная диспозиция: вещи — части, фрагменты жизни, а письменные источники — отражение жизни, сообщения, часто намеренные, о событиях, интерпретированных автором. То есть в письменных источниках, пусть порой искаженно, историческая информация сообщается непосредственно. Вещественные источники исторической информации не несут, ибо не говорят о событиях, а отвечают на вопросы: как развивались артефакты, АК и т. д.¹¹¹ Из этой посылки вытекает цель археологической науки, сформу-

лированная через определение ее предмета — изучение «закономерностей в развитии специфических археологических категорий анализа» (тип, комплекс АК), а также категорий более высокого таксономического уровня («зона развития», «археологическая эпоха») и отношений между этими категориями¹¹². По мнению автора, на этом основании при помощи только археологических методов возможно построение модели и картины археологического мира на **интерпретационном уровне**¹¹³, то есть археология — самостоятельная наука. Ответив на свои вопросы, она может ответить на ограниченный круг исторических вопросов, извлекая сведения из других наук.

В работе 1966 года Я. А. Шер придерживался мнения, что вещи содержат историческую информацию: «В любой вещи должны отразиться (выделено мной. — В. В.) с одной стороны, уровень развития производительных сил и, с другой, — степень развития самого общества»¹¹⁴. В более поздних работах автор высказал иную точку зрения, отождествив с историческими источниками лишь те, которые были созданы намеренно для передачи определенных сведений: «Подавляющее большинство объектов, которые изучает археолог, не были наделены своими создателями информационной функцией, она создается археологом в процессе исследования»¹¹⁵.

Л. С. Клейн полагает, что прежде чем вести разговор о вещественных источниках, необходимо определить, содержат ли письменные источники историческую информацию¹¹⁶. Используя при изучении исторических источников принцип отражения, он установил, что исторический источник (письменный) — это и факт прошлого, и отражение факта — источник информации о прошлом¹¹⁷. Следует отметить, что этот принцип автор проводит недостаточно последовательно: историческая информация то содержится в источнике объективно, то «вырастает в процессе потребления источника исследователем»¹¹⁸. Очень скоро оставив попытку использовать теорию отражения¹¹⁹, автор определил эти формы в терминах информационно-семиотического подхода как различные коды информации¹²⁰ двух видов источников. Вопрос, содержат ли археологические источники историческую информацию, в монографии не рассматривается. Но, судя по определению решающего звена проблемы, Клейн решил его отрицательно¹²¹.

Автор видит принципиальное разграничение вещественных и письменных источников по трем пунктам¹²². Во-первых, письменные памятники удобнее для историка, потому что язык информации и исследования совпадает. В вещественных памятниках информация закодирована в «более грубых полисемантических неспециализированных знаковых системах», посредством описания она должна быть переведена в языково-понятийную форму. Во-вторых, перевод письменной информации в историю, установление в ней

причинно-следственных связей и законов не представляет особой сложности в отличие от вещественной, где правила перевода неизвестны. В-третьих, для древних памятников характерен разрыв традиций во времени, который необходимо ликвидировать для перевода информации в историю¹²³. При изучении вещественных памятников этот разрыв в сочетании с незнанием законов их объективации создает дополнительные сложности. На этом основании Клейн сделал вывод о необходимости существования особой науки — археологии — для изучения вещественных памятников древности¹²⁴.

В рассуждениях Г. П. Григорьева и поздних позициях Я. А. Шера есть общие посылки, причем в работе первого автора они изложены более четко. Вещи и письменные источники они разграничивают с точки зрения отражения исторической действительности. Вещи — фрагменты жизни, специальную информацию древний человек в них не вносил, поэтому историческую действительность они не отражают. Письменные источники — намеренные сообщения о событиях и поэтому отражают эти события.

Не вызывает сомнения, что вещи — фрагменты жизни, но и письменные источники (административные, юридические и др. документы) в реальной жизни также были ее частью, только не производственной, а нормативной или идеологической. Различие вещей и документов или летописей лишь в том, что в конкретной исторической действительности они имели различные функции, при этом вещи, особенно в древности, могли нести также и определенную идеологическую нагрузку. Очевидно, что письменные источники — отражение жизни, но и вещи наряду с фольклором и обрядами — тоже отражение жизни, только в иных формах — в вещной, социально-регулятивной и художественно-образной; то есть противопоставление: фрагмент жизни — отражение жизни не корректно по отношению к предметным остаткам прошлого. Действительно, письменные источники (например, летописи) намеренно сообщают об исторических событиях и имеют личностную окраску. В вещах же содержится иная, но тоже историческая информация (скажем, об исторически определенных технологических знаниях или художественных вкусах древнего человека).

Письменные источники выражают мнение очевидцев об исторических событиях непосредственно в понятийно-знаковой форме, однако из них необходимо извлекать еще и ту историческую информацию, которая непосредственно не дана (например, идеологические пристрастия автора). Никак нельзя согласиться с Г. П. Григорьевым, что информативно лишь то, что дано непосредственно. Общественные отношения не может наблюдать ни археолог, ни историк, ни философ, ибо они не даны в ощущениях, они — абстракция. Историческая информация также не дана непосредственно, она заключена в морфологических, трасологических, физико-хими-

ческих характеристиках вещей и, безусловно, требует перевода в понятия. Ограниченная исходная посылка в понимании познавательных возможностей вещей приводит к сужению и второго звена рассуждения. Археологическая наука вынуждена работать с материалом, данным в наблюдении непосредственно (морфология, цвет, вес вещи и внешние связи между вещами), не раскрывая общественной и исторической сущности явления. Возможности археологии как науки ограничены выявлением только того, что устойчиво, что повторяется в явлениях, то есть установлением, фиксацией некоторых эмпирических закономерностей. Несмотря на стремление Г. П. Григорьева обосновать самостоятельный статус науки, в действительности он представил археологию как эмпирическую науку и, следовательно, не самостоятельную.

Л. С. Клейн видит в письменных и вещественных источниках и факты прошлого, и источники информации о прошлом. Разграничение источников начинается с языка кода вещей, перевод которого неизвестен. С автором можно было бы согласиться, если бы он не предварил свое исследование ссылкой на теорию отражения¹²⁵. Действительно, и в письменных источниках многие сведения не лежат на поверхности. Каким же кодом, какими правилами располагает историк, имеющий дело с письменными источниками, если он не ограничивается описанием фактов, а на основании имеющихся источников пытается анализировать исторический процесс? У советских историков — это историзм и формационный подход. В соответствии с логикой теории отражения следовало бы сделать вывод о необходимости поиска в марксистской теории адекватного подхода к предметно-вещному миру как специфической форме отражения исторической реальности.

Суть процесса отражения заключается в свойстве объектов (в данном случае — конкретных событий прошлого и авторов документов, летописей, эпоса и т. д.) удерживать и воспроизводить следы взаимодействия в виде адекватного изменения структуры, свойств воспринимающего объекта¹²⁶. Адекватного — значит, подобного содержанию той части исторической реальности, с которой происходит взаимодействие и которая отражается в сознании автора документа. Вещественные источники также являются результатом взаимодействия человека конкретной эпохи и исторически определенных средств труда. Следы этого взаимодействия адекватно запечатляются в структуре и свойствах вещей.

Следовательно, если исторический источник отражает историческую реальность, то он непременно должен содержать и следы взаимодействия с этой реальностью — историческую информацию о ней, существующую объективно. От исследователя зависит лишь достоверность прочтения этой информации, полнота и глубина ее усвоения.

Вторая логическая цепь определения статуса археологической

науки связана с выяснением временных границ ее полномочий в качестве исторической дисциплины. Здесь расхождения намечаются в позициях группы авторов, солидарных в понимании природы археологических источников и конечных целей науки. О границах письменной истории вследствие их очевидности вопрос никогда не стоял. Вещественные памятники появились одновременно со становлением человечества и по мере его развития умножились настолько, что сейчас человек живет по существу во «второй природе» — предметно-вещном мире, созданном предшествующими поколениями и видоизменяемом современниками. Осмысление значимости вещественных источников первоначально происходило в рамках античного искусствознания, а исследование вещественных следов первобытности осуществлялось естественными науками. Несмотря на начавшийся в конце XIX в. и усилившийся в советский период процесс интеграции письменной истории, археологии, исторической этнографии, фольклора и ономастики как исторических дисциплин, роль вещественных источников для развития всей исторической науки не определена.

Значение вещественных источников при реконструкции истории убывает по мере приближения к современности. Разрыв исторических наук, столь жестко напоминающий о себе при «перевode» вещественной информации в историю докапиталистических обществ, перестает ощущаться в исторических исследованиях более поздних периодов, потому что проблема использования вещественных источников историками позднего феодализма, капитализма и социалистического общества даже и не ставится. Именно на этот факт опираются Б. А. Рыбаков и Ю. Н. Захарук, считающие, что археология является самостоятельной наукой, только когда она изучает первобытное, рабовладельческое и феодальное общество¹²⁷.

Близок к этой точке зрения А. Н. Рогачев, который полагал, что археология является самостоятельной наукой при написании истории первобытного общества и вспомогательной при анализе рабовладельческого и феодального обществ¹²⁸. Подобный критерий обозначения границы археологии В. Н. Боряз определяет как оценку обществом объема информации, содержащегося в вещи¹²⁹. Используя этот критерий, он доводит границы применимости археологической науки до современности¹³⁰. Приведенные автором доводы в пользу столь расширительного толкования возможностей науки не убедили археологов по двум основаниям. Во-первых, использование археологии («промышленной», «срочной», криминалистической и др.) в эпоху бурного развития технических средств массовой информации носит спорадический характер. Во-вторых, существуют большие различия между вещами в контексте живой жизнедеятельности человека и предметами, отложившимися в культурный слой. Они состоят и в разрыве традиций¹³¹, и в отпечатке процесса археологизации¹³². Наконец, к компетенции архео-

логической науки никак нельзя отнести современные (к сожалению, пока крайне немногочисленные) попытки создания социологии материально-вещной среды¹³³.

Критерий, предложенный В. Н. Борязом, должен был побудить историка и социолога задуматься, содержит ли вещный мир человека специфическую информацию, которой нельзя пренебречь при реконструкции истории конкретных обществ любой эпохи, или в современную эпоху вещная информация целиком может быть восполнена другими средствами? Может ли историк способствовать диалогу современника с людьми недавнего прошлого без воссоздания образа жизни этих людей, в том числе в конкретно-вещном его воплощении? Представляется, что проблема изучения образа жизни человека, столь бурно обсуждавшаяся философами, экономистами и социологами в 70-е гг.¹³⁴, затрагивает интересы не только социологов, но и историков, изучающих любую формацию. В таком случае границы использования вещественных источников как исторических действительно расширяются до современности. Правда, в современности их перевод в языково-понятийную форму должен осуществлять не археолог, а социолог, также как перевод в пределах исторической этнографии — задача этнографов.

Где же границы работы археолога? Первый рубеж намечается там, где вся совокупная живая культура перестала быть актуальной для современника и отложилась в культурный слой. Ее единый контекст распался на ряд изолированных пластов — археографический (письменные источники), художественно-образный (памятники искусства), фольклорный (устное народное творчество), предметно-вещный и поведенческо-нормативный (обычаи, обряды, ритуалы). Не все предметные формы жизнедеятельности попадают в культурный слой одновременно. Языковой компонент сохраняется на протяжении ряда поколений, выдающиеся произведения искусства остаются в составе актуальной культуры (или возвращаются в нее), фольклор, ряд обычаев и обрядов видоизменяются, но продолжают существовать, в течение ряда поколений сохраняются, а иногда и используются некоторые вещи (например, драгоценности). Существенно важно, что сохранившиеся, частично изменившиеся компоненты и их фрагменты «живут» уже в контексте другой культуры. Итак, первая граница применимости археологии устанавливается отложением предметно-вещного мира наряду с другими формами предметной жизнедеятельности конкретного общества в культурный слой.

Вторая граница определяется познавательными возможностями исторической этнографии. Если предметно-вещный мир русского крестьянина Тульской губернии или мансийского охотника и рыбака XIX в. достаточно полно описан в этнографических источниках или художественной литературе, то необходимость археологического исследования памятников этого времени отпадает.

Ввиду того что этнографическими описаниями в XVIII—XIX вв. были охвачены не все народности и этнографические группы России, а сами описания далеко не всегда содержат необходимую информацию о вещных компонентах образа жизни людей, верхние границы археологии представляются относительно подвижными. Решает ли установление верхней границы применимости археологии вопрос об ее статусе? Представляется, что археологические источники при реконструкции исторических процессов равноправны с письменными, фольклором и этнографией. Они позволяют восстанавливать образ жизни конкретных обществ и отдельные стороны исторического процесса — историю хозяйства и социального развития, религии и искусства, этногенеза и миграции древних племен, дают материал для решения проблемы возникновения государственности и др.¹³⁵

В ходе дискуссии о границах применимости археологических источников А. Н. Рогачев и М. В. Аникович обозначили проблему соотношения археологии и истории первобытного общества. В действительности она глубже и может быть определена как соотношение первобытной археологии, истории первобытного общества и теории первобытного общества (правильнее — теорий антропосоциогенеза и первобытной общественно-экономической формации). Точка зрения А. Н. Рогачева и М. В. Аниковича¹³⁶ противостоит двум традициям. Первая восходит еще к началу 30-х гг., когда выработанная в ходе дискуссий археологов и этнографов на основе марксистских идей теория первобытной общественно-экономической формации начала отождествляться с ее историей¹³⁷. Наиболее четко эта тенденция изучения общих проблем первобытности, рассматриваемых на фоне мирового процесса исторического развития и в пределах его больших этапов, обозначилась в учебниках по первобытной истории, начиная с учебника В. И. Равдоникаса и кончая последними изданиями¹³⁸. Если сопоставить в одном ряду первобытную археологию и историю первобытного общества, а в другом — историю первобытного общества и рабовладельческого или феодального — в обоих случаях история первобытного общества стоит особняком. И дело тут не в том, что археология базируется преимущественно на вещественных памятниках, история античности и средневековья — на письменных, а история первобытного общества — на вещественных, антропологических и этнографических. Действительность такова, что при написании истории народов конкретных регионов нашей страны реконструкция истории эпохи первобытной формации осуществляется преимущественно средствами археологии. То есть, несмотря на различие в источниках, археология по своим возможностям и структуре оказывается ближе к реконструкции конкретной истории (хотя и очень далека от нее!), нежели история первобытного общества.

Что же такое современная история первобытного общества в

том виде, как она представлена в учебных пособиях? История первобытной формации вообще? Но таковой не может быть, потому что общественно-экономическая формация — есть абстракция от множества конкретно-исторических форм ее проявления. Теория первобытного общества? Но тогда ей не хватает теоретической строгости, она, к сожалению, не может объяснить те многочисленные эмпирические закономерности, которые накоплены первобытной археологией. Мы меньше всего хотели бы оспаривать необходимость создания теории первобытной (а также рабовладельческой и феодальной) общественно-экономической формации. Речь идет лишь о четком определении статуса современной истории первобытного общества как дисциплины.

Вторая традиция возникла позднее и заключается в разграничении сфер первобытной археологии и истории (теории) первобытного общества между двумя дисциплинами — археологией и этнографией. Это разграничение представляется вполне обоснованным той частью археологов, которые видят свою науку как эмпирическую. Тогда археология должна выполнять задачу археологического источниковедения, а исторической интерпретацией ее результатов должна заниматься другая наука — палеоистория, социологическая археология¹³⁹, то есть история первобытного общества. Оправдание этого разграничения теми археологами, которые видят эту науку самостоятельной, претендующей на реконструкцию истории конкретных обществ, в том числе, видимо, и на создание первобытной истории конкретных регионов нашей страны, непонятно.

Исходные посылки Ю. Н. Захарука в этом вопросе не противостоят позициям А. Н. Рогачева: автор признает «огромное значение археологии в изучении истории первобытного общества» и вспомогательное значение данных этнографии, антропологии и лингвистики, а также особое место археологии в изучении проблемы происхождения человека при вспомогательном значении таких наук, как антропология, палеогеография, историческая геология и др.¹⁴⁰ Отсюда следует совершенно неожиданный вывод о принципиальном различии истории первобытного общества как этапа человеческой истории и первобытной археологии как одной из наук (из предыдущего текста автора следует — основной науки), ее изучающей. В чем же это принципиальное различие? Если историю первобытного общества рассматривать как историческую реальность, а первобытную археологию как науку, ее отражающую, то различие между ними, несомненно, есть, только вряд ли его имеет в виду А. Н. Рогачев. Как исторические науки историю первобытного общества и первобытную археологию Ю. Н. Захарук также не противопоставляет.

Можно не согласиться с расширительным толкованием А. Н. Рогачевым методологических функций философии по отношению к археологии¹⁴¹, оспаривать понимание им археологии как вспомо-

гательной дисциплины в изучении античной и средневековой истории, можно подвергнуть сомнению, что только археологи создавали и могут создавать теорию первобытного общества, но нет сомнения в верности и перспективности основной идеи А. Н. Рогачева — необходима дальнейшая разработка теории первобытного общества. И развитие этой теории, особенно в вопросах той хронологической глубины, которая недоступна этнографии, должно осуществляться на основе археологического материала специалистами-археологами¹⁴². Разработка теории первобытного общества требует комплексного подхода и возможна лишь при учете данных исторических наук — археологии, этнографии, антропологии, палеолингвистики, палеогеографии, геологии и др. и в тесном контакте с общественными науками — философией, политэкономией, этикой, эстетикой, религиоведением, социальной психологией и др. Именно такая теория должна «работать» при реконструкции первобытной истории народов конкретных регионов нашей страны. Ряд разделов имеющейся «истории» первобытного общества уже сейчас выполняют методологическую функцию. Первобытная археология должна решать задачи реконструкции первобытной истории отдельных регионов нашей страны, и это подтверждается практикой написания разделов первобытной истории народов Сибири, Урала и др. Основной материал для истории вплоть до XVI—XVII, а иногда и XVIII вв. поставляла археология, и писать ее приходилось тоже преимущественно археологам¹⁴³.

Ни одна из приведенных дискуссий не получила удовлетворительного разрешения. Вместе с тем уже к концу 1970-х гг. секция теории и методики при регулярно проводимых сессиях ИА АН СССР сузила свои полномочия, так и не осуществив задач, намеченных в 1972 г.¹⁴⁴ Логика развития науки такова, что если проблема назрела и не разрешается в центре академической науки, то она неизбежно будет «выплывать» в региональных совещаниях. Ее стараются решить на различных уровнях научные коллективы археологов Ленинграда, Киева, Иркутска, Новосибирска, Томска, Кемерово. Анализ материалов как союзных, так и региональных совещаний позволяет подвести некоторые итоги.

Первый реальный результат дискуссий заключается в определении уровня развития археологической науки. Как мы уже говорили, для всей исторической науки он был обозначен Б. А. Рыбаковым еще в конце 1960-х гг. как эмпирический. Однако потребовалось более десятилетия, чтобы в этом убедились большинство археологов, включившихся в полемику. Шестидесятые — семидесятые годы стали периодом ознакомления заинтересованной части археологов с науковедческой проблематикой, сопоставления больших этапов исторического развития науки, уточнения терминов «эмпирический» и «теоретический» применительно к этим этапам, сравнения состояния отечественной науки с зарубежной. Группа

ведущих археологов-теоретиков на секции теории и методики Сессии ИА АН СССР в Самарканде констатировала наличие эмпирического уровня науки¹⁴⁵. Эта констатация имела свой смысл — она определила необходимость создания теоретической археологии, эскизы которой появились в начале 70-х гг.

Первой серьезной работой, научно аргументировавшей состояние археологической науки, была статья Ю. Н. Захарука «Проблемные ситуации в археологии». Автор выделил круг науковедческих вопросов и термины, которыми можно определить состояние науки: понятие проблемы и постановка проблемы, понятие проблемной ситуации и возможные ее аспекты. Доказав на широком конкретном материале разноречивость исходных классификационных критериев, многозначность основных понятий, наличие несоответствующих программ и методов археологических исследований от палеолита до средневековья, Ю. Н. Захарук сделал три принципиальных вывода. Он установил наличие проблемной ситуации в современной археологии, заключающейся в противоречивости решений актуальных проблем науки¹⁴⁶. На этом основании уровень развития науки был определен как **переходный** от эмпирического к теоретическому (синтетическому, по терминологии автора)¹⁴⁷. Условиями этого перехода должны быть тесная связь археологии с философией, логикой и методологией науки и осуществление на ее основе критического анализа всех противоречивых проблем науки.

В последующей работе И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера¹⁴⁸ не используется понятие «проблемная ситуация», но сама характеристика этой ситуации воспроизводится во всех узлах археологического исследования: при описании, классификации и особенно при интерпретации археологических фактов. Отчетливо проводится мысль о необходимости содержательной теории археологии и о том, что задача ее построения возлагается на специалистов-археологов, вооруженных философскими знаниями¹⁴⁹.

Идея циклического развития археологии от эмпирического этапа к теоретическому проводится в работах Л. С. Клейна¹⁵⁰. Они совершенно справедливо направлены против упрощенного понимания термина «теоретический», и прежде всего против наиболее распространенного отождествления **обобщения** археологического материала с теоретическим исследованием. Автор рассматривает основные компоненты теории, выделяя генерализующую идею как ведущую при создании любой теории.

При общей тенденции осмысления состояния археологической науки весьма актуальным явился историографический очерк В. Ф. Генинга¹⁵¹. На большом фактическом материале автор доказывает, что развитие науки от эмпирического к теоретическому этапу и наличие проблемной ситуации не есть особенность, присущая лишь современной археологии, но закон развития любой науки вообще и археологической в частности.

Глава II

НА ПУТЯХ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Статья Ю. Н. Захарука о проблемной ситуации в археологии не вызвала открытых возражений в печати, но это не означало всеобщего согласия с изложенной в ней точкой зрения. Определенная часть ученых лишь интуитивно осознавала, что надо искать какие-то новые средства развития науки. Поиск шел в различных направлениях. Один из путей — широкое использование физико-химических и математических методов, возврат к типологическому анализу, дальнейшее развитие трасологического метода и эксперимента в археологии. Другой путь — новые подходы, используемые в естественных и общественных науках 1950—1970-х гг.: кибернетический, системный, семиотический, культурологический. Только небольшая группа исследователей пришла к выводу о необходимости создания специальной теории археологической науки.

Итак, пути поиска были различными. На наш взгляд, очень важно в каждом из них увидеть не только и не столько недостаточные основания или ошибки, сколько рациональные зерна.

§ 1. Познавательные возможности новых методов и первых теоретических схем

Еще в 1920-е гг. с созданием ГАИМК была разработана программа функционального исследования археологического материала с применением методов естественных наук¹, большое значение стали придавать показаниям четвертичной геологии и палеоботаники, появились первые плодотворные результаты использования статистического метода². Импульсом к дальнейшему развитию функционального направления в 30-х гг. явился формационный подход, давший концептуальную схему развития производительных сил и установивший место орудий производства в этом развитии. С помощью формационной схемы стало возможным объяснение эмпирических закономерностей технической эволюции орудийной деятельности эпохи первобытности, открытых и сформулированных

в работах С. А. Семенова: освоение новых материалов, дифференциация и специализация орудий, усиление их рычаговых функций и др.³ Однако широкое использование методов естественных наук в отечественной археологии началось лишь в 50-е гг. К 70-м гг. это дало весьма существенное приращение знаний. Естественные науки помогают осуществлять разведки археологических памятников, решать вопросы абсолютной хронологии, восстанавливать технологию изготовления керамических, металлических и др. изделий, реконструировать природные условия жизнедеятельности древних народов. Статистические методы исследования являются одним из средств снятия информационного барьера.

Вместе с тем в историко-культурных интерпретациях новых фактов исследователи были вынуждены опираться все на те же спорные ориентиры — тип и археологическую культуру⁴. Наличие крайних точек зрения⁵ на возможности функционального (трасологического) и морфологического (типологического) анализа каменных орудий привело к более четким представлениям о достоинствах и недостатках каждого метода и способствовало их синтезу⁶. Использование комплексных методов, несмотря на всю их важность и необходимость при исторических реконструкциях по археологическим источникам, не могло снять проблемную ситуацию в науке, потому что никакая естественная наука не может определить социальные характеристики, заключенные в мире вещей, никакими статистическими методами невозможно обосновать содержательные принципы классификации.

Второе направление поиска шло в русле создания археологической теории. Общая черта всех предлагаемых теоретических схем заключается в гласной или негласной предпосылке об определенной соотнесенности археологических источников с некогда «живыми» культурно-историческими общественными системами. В построении теорий явственна тенденция: от обоснования частных объяснительных схем — типологической (Я. А. Шер), теории археологической культуры (Ю. Н. Захарук) к общим теориям археологической науки.

Я. А. Шер одним из первых поставил задачу теоретизации археологии⁷. Для автора характерно осознание уровня поиска новых решений типологии — законов развития материальной культуры. Он предпринял попытку выхода из уже существующей, но еще не осознанной проблемной ситуации на основе традиционной теоретической схемы, использования формационного подхода для решения новых задач. Поскольку этот путь себя не оправдал, Я. А. Шер, критически переосмыслив идеи Д. Кларка, выстроил свою схему исследования, учитывающую специфику археологических источников⁸. Автор видит ее в том, что историческая информация в археологическом источнике зафиксирована незнаковыми средствами. Состав схемы, по словам исследователя, аналогичен

любой науке: археологическое источниковедение, дескриптивная археология, содержательная историческая интерпретация. Важно отметить, что, по мнению автора, эти три компонента археологической науки имеют различную степень корреляции с мировоззрением исследователя: первый — независим, второй подлежит существенному влиянию философии, третий целиком определяется мировоззренческим пониманием исторического процесса⁹.

В более поздней статье «Методологические вопросы археологии» Я. А. Шер выделил четыре раздела общей археологии в соответствии с логикой исследования и необходимостью объяснения правил, критериев, оснований каждого этапа исследования. В первом разделе даны «общие правила получения археологических фактов», во втором — «общие правила описания археологических источников и теория их прочтения» (дескриптивная археология), в третьем — теория анализа археологических данных (аналитическая археология). В четвертом разделе представлена теория исторической интерпретации. Эти теории не содержат ни концептуальных обоснований, ни законов, хотя в данной работе¹⁰, как и в более ранней, автор признал необходимость органической связи археологии с марксистской философией. Думается, что противоречивость позиции автора в определении возможностей создания общей теории археологии объясняется отсутствием этих важнейших компонентов теории.

Противоречия, возникающие на описательном уровне, на первый взгляд кажутся устранимыми при выработке единого языка описаний¹¹, тем более что, по мнению автора, на этом уровне методологических расхождений меньше всего. Однако формализация языка описания не гарантирует полной объективности, потому что определяется задачами и методами исследователя. Казалось бы, статистическое выявление устойчивых наборов признаков вещей способствует снятию противоречий в типологии, но для действительного решения проблемы необходима содержательная концепция типа¹². Третье противоречие, возникающее при исторической интерпретации археологического материала, автору представляется принципиально неразрешимым. Применение системного подхода на этом уровне Я. А. Шер исключает¹³, а установление объективных критериев достоверности исторической информации считает весьма проблематичным. Путь, который видит автор — от гипотезы к археологической практике и обратно, — не только длинный, но и бесперспективный, если он исключает концептуальное обоснование гипотезы. Отсюда следует достаточно пессимистический вывод Я. А. Шера о том, что в историческом объяснении археологических фактов интуитивные методы всегда будут занимать больше места, чем в других разделах археологии¹⁴.

Подобный прогноз, с нашей точки зрения, вытекает из понимания автором существующей ситуации в науке. Я. А. Шер в ряде

работ совершенно справедливо указывает на существование в археологии информационного барьера, видит трудности в создании типологии и в интерпретации археологического материала. И вместе с тем он полагает, что Ю. Н. Захарук преувеличивает остроту проблемной ситуации¹⁵. Думается, что Я. А. Шер абсолютизирует состояние проблемной ситуации как в отечественной, так и в зарубежной археологии. Абсолютизация приводит к представлению, что противоречия науки — разноречивость и разногласия в описании, различие критериев систематизации и интерпретации — это постоянное и естественное ее состояние. Подобное представление находится, казалось бы, диалектическое оправдание: развитие науки остановится, если в ней не будет борьбы мнений¹⁶. Но противоречия противоречиям рознь. Анализ истории наук позволяет утверждать, что надо различать периоды относительно «мирного» развития науки, когда противоречия вполне разрешимы в рамках существующих теорий за счет использования новых методов или развития разделов самой теории, от периодов, когда противоречия в пределах старой теории неразрешимы¹⁷. Именно этим периодам проблемной ситуации свойствен тот разрыв в критериях и терминах любой процедуры исследования, который мы наблюдаем в современной археологической науке.

В. М. Массон в своих работах достаточно определенно говорит о наличии кризисной ситуации в зарубежной археологии¹⁸ и очень осторожно определяет состояние дел в отечественной науке. «Уточнение и дальнейшая разработка методологических основ археологической науки» вызваны, с точки зрения автора, «интенсивным накоплением процесса информации»¹⁹. Не формулируя противоречий в науке, В. М. Массон тем не менее интенсивно ищет способы их снятия. Схема теоретического или, по словам автора, реконструктивного уровня содержит два блока. Первый — социологическая интерпретация, включающая реконструкцию экономических, общественных и идеологических структур. Второй — этнокультурная интерпретация, состоящая из реконструкции двух планов: этнических связей, а также быта и образа жизни²⁰. По мнению автора, схема отвечает предмету археологии или задачам изучения «закономерностей развития объектов материальной культуры и различных структур человеческого общества, нашедших отражение в этих объектах»²¹.

В. М. Массон делает вполне правомерную попытку найти новые способы использования традиционных принципов исторического материализма — историзма, исторического детерминизма, материализма — за счет введения системного подхода. При этом автор совершенно справедливо полагает, что сам по себе системный подход не может решить проблем и требует содержательного обоснования. То есть системный подход работает там, где общественный срез системы теоретически обоснован К. Марксом в понятиях об-

щественно-экономической формации²². В. М. Массон увидел реальные возможности использования подхода при палеоэкономическом моделировании в археологии²³. Монография автора «Экономика и социальный строй древних обществ»²⁴ — вполне убедительное доказательство того, что системный анализ оправдывает себя при реконструкции экономических структур. Но он оказался менее эффективен при обосновании реконструкции общественных и идеологических структур. В. М. Массон не случайно не дает в монографии интерпретации археологического материала на этнокультурном уровне, ибо формационный подход оказывается слишком широк для подобных реконструкций, а системный не имеет содержательной концепции. В поисках объяснительной схемы этнокультурных процессов автор обратился к культурологии. Это произошло в 1970-х гг., когда слились интересы культурологической школы Э. С. Маркаряна²⁵, этнографов²⁶ и археологов²⁷. Однако попытка В. М. Массона «проработать» археологический материал в культурологической схеме и системе терминов, предложенных Э. С. Маркаряном, завершилась лишь введением этих терминов и общей постановкой вопроса²⁸.

Представляется, что теоретическая схема В. М. Массона и ее частичная реализация в монографии, а также другие работы автора²⁹ есть попытки решить проблемную ситуацию в рамках сложившегося в 30-е гг. формационного подхода. И действительно, поиск законов развития вещного мира в сфере производства начал еще Ф. В. Кипарисов³⁰. Трехэлементная схема социальных реконструкций выполнена в логике связей: производительные силы — производственные отношения — надстройка. Казалось бы, новая проблема — рассмотрение общей тенденции неравномерности развития мировой истории в целом и выявление ее специфики — также решается в формационном срезе. То содержание, которое вкладывалось в описывающие географическую среду (естественные средства существования и естественные средства производства), ныне вкладывается в термины для исследования экологического фактора³¹.

В. М. Массон попытался расширить возможности формационного подхода за счет применения системного анализа, культурологического подхода и более корректного использования этнографических аналогий. Однако формационная схема оказалась слишком общей для решения поставленных задач: она не дает возможности раскрыть законы развития предметно-вещного мира и установить их связь с общественными, идеологическими и этнокультурными структурами.

В рефлексии Г. С. Лебедева прослеживаются те же контуры поиска, что и у В. М. Массона. Исходные позиции Г. С. Лебедева — формационные: с точки зрения автора, в деятельности как системе системообразующие связи лежат в области материального произ-

водства и общественных отношений³². Позднее автор использовал системный подход к понятиям культуры и выстроил схему палеокультуры, схему рождения вещи и теоретическую модель типа³³. Каждая схема вызывает ряд конкретных возражений. Но важнее отметить главное: автор не предложил единого концептуального начала для схем и модели, не ясна культурологическая теория, лежащая в их основе.

Вместе с тем в поисках Г. С. Лебедева надо отметить ряд конструктивных идей: об объективации в вещах идейного содержания (представления о функции вещи, ее «мысленном образе», технологических традициях, способе употребления); о необходимости выявления механизма рождения вещи; об отражении в признаках вещи исторической информации о ее прямом функциональном назначении и дополнительной социально-идеологической функции; о вариативных элементах вещи; о нормах духовной культуры конкретной исторической общности³⁴.

В выступлении на секции теории и методики сессии Института археологии АН СССР в 1972 г. Ю. Н. Захарук определил содержательную структуру археологической теории. Он представил ее как взаимосвязь трех теорий, отражающую последовательность трех состояний предметно-вещного мира: существовавшего в «живой культуре» обществ прошлого (теория общества и культуры); зафиксированного в остатках и следах этого существования (теория археологического источниковедения), восстанавливаемого по вещественным следам и остаткам как история обществ прошлого (теория предмета археологии). Последняя теория, по мнению автора, дает целостное знание о предмете и вскрывает его закономерности³⁵, но характер закономерностей в тексте не прояснен.

Позднее автор произвел логическую перестановку этих трех теорий, соответственно познавательному процессу: от анализа источников к решению генеральной задачи археологической науки³⁶. От перемены мест теорий их содержание существенно не изменилось. Теория объекта археологического источниковедения должна определить «научно-познавательные возможности различных археологических источников и методы их исследования»³⁷. Несколько расширился состав теорий обществознания, помимо исторического материализма, социологии и культурологии в них вошла этнография. Общую археологическую теорию, задачей которой является научное обоснование соотношения теории объекта археологии и общественных наук, автор определяет как теорию предмета и метода археологической науки.

Ю. Н. Захарук, хорошо представляя состав теории, тем не менее не идет далее определения ее структуры и содержания и нигде не ставит вопрос о рассмотрении принципов создания теории. Даже в формулировке предмета науки, где большинство авторов определяют законы, в которых возможно объяснение и реконструкция

исторических процессов, Ю. Н. Захарук рассмотрение законов опускает. Поэтому уже в первом базовом блоке (теории источниковедения) неясна теоретическая база обнаружения познавательных возможностей источника. Поскольку автор не рассматривает ни принципов, ни фундаментальных законов общей теории археологии, непонятна роль общественно-исторических наук в построении этой теории. Правда, анализируя точку зрения В. Ф. Генинга и В. Д. Викторовой, определяющих в качестве специфических законов теоретической археологии законы опредмечивания сущностных сил общественного человека в вещную среду, Ю. Н. Захарук не оспаривает необходимость использования знания этих законов для интерпретации, реконструкции и моделирования картины исторического развития³⁸. Вместе с тем автор считает, что получение знаний об этих законах не входит в компетенцию археологии, а является функцией наук, изучающих экономическую, социальную, бытовую и духовную сферу деятельности³⁹.

В отличие от всех предшествующих авторов Л. С. Клейн создание археологической теории связывает главным образом с поиском основного компонента любой теории — фундаментальной генерализующей идеи или объяснительного принципа. Сформулировав периодически возникающую в археологии проблему (загадку) как дискретность изменений археологического материала (преемственность и смена культур), он счел ее решение главной задачей общей теории археологии⁴⁰. В поисках фундаментальной объяснительной идеи Клейн вслед за Д. Кларком обратился к теории информации, считая, что ее следует дополнить историческим подходом⁴¹. Позже, видимо осознавая недостаточность идей кибернетики для построения общей теории археологии, он встал на путь интеграции археологии и этнографии⁴².

Подобно Д. Кларку и Г. Даниелу, автор выделил три состояния вещного мира — образование, отмирание, археологическое познание⁴³, что объективно расширило круг нерешенных вопросов в науке. Л. С. Клейн считает, что их можно решить посредством двух рядов законов: функционирования и развития социокультурных систем (процессуальные законы) и законов отражения культурно-исторических процессов в археологическом материале (мостообразующие, по Бинфорду). Вторая группа включает в себя законы опредмечивания идей, материализации событий и законы омертвления и археологизации материальной культуры⁴⁴. Однако процессуальные законы, даже если они будут работать в подразделениях истории материальной культуры или исторической социологии⁴⁵, оказываются слишком неопределенными для установления места вещного мира в социальной системе.

Общий итог поиска Л. С. Клейном генерализующей идеи археологической теории неутешителен: археологическая наука не располагает такой идеей и даже неизвестно, в какой сфере —

научной или ненаучной — ее искать⁴⁶. Полагаем, что причина подобного итога заключается в представлении автора о том, что зона обнаружения генерализующей идеи беспредельна.

Анализ различных вариантов научного поиска позволяет увидеть в каждом из них определенный позитивный смысл. Пессимистические выводы Я. А. Шера требуют более внимательного изучения каждого из трех противоречий археологической науки. Очень важно убеждение этого исследователя, а также Ю. Н. Захарука в необходимости союза археологии с философией.

Пути В. М. Массона и Г. С. Лебедева весьма показательны для подтверждения наличного состояния науки — проблемной ситуации, выход из которой в рамках старой теоретической схемы невозможен. Вместе с тем становится ясно, что при создании археологической теории должен быть использован формационный принцип, а также системный и культурологический подходы.

Введение новых методов исследования также не разрешило проблемной ситуации. Сопоставление познавательных возможностей статистико-комбинаторных и трасолого-экспериментальных методов в археологии высветило необходимость концептуального объяснения того, что скрывается за морфологическими, технологическими и функциональными характеристиками вещей и их связями.

Наиболее верно путь построения археологической теории обозначил Л. С. Клейн — необходим поиск генерализующей идеи.

§ 2. Где искать генерализующую идею?

Ведущий объяснительный принцип — есть концептуальный стержень в диалектическом движении познания от эмпирического уровня к теоретическому, основание скачка в становлении теории. Осознав, что эмпирические данные не содержат в себе ни критериев сущности, ни принципов объяснения и реконструкции, ученые сознательно или интуитивно выходят в поисках объяснительной идеи за пределы практики своей конкретной науки.

С первых шагов развития археологии как науки исследователи обращались к смежным конкретным наукам или к тем наукам, которые им представлялись смежными. Так, античная археология черпала объяснительные идеи в искусствоведении и эстетике, а первобытная археология — в геологии, палеонтологии, позднее — в этнографии. Из других наук исследователи заимствовали конкретные методы (например, из геологии — стратиграфический метод), а также основания классификаций (из геологии и палеонтологии). Экскурсы в этнографию позволили объяснить ряд археологических фактов. В настоящее время ученые все чаще склоняются к выводу, что обращение археологии к смежным наукам (этнографии, фольклору, лингвистике и др.) с целью прямой экстраполяции их методов и идей на археологический материал некорректно⁴⁷.

Другое направление поиска — обращение к фундаментальным наукам: физике, общей химии, биологии. Эти науки, отражающие основные формы движения материи, через естественно-научные картины мира обобщают результаты предметно-практической деятельности в широких предметных областях. В конце XIX — начале XX вв. археологи заимствовали в естествознании принцип эволюции для обоснования типологии⁴⁸ и создания археологической теории⁴⁹. Общественное развитие, в том числе развитие вещного мира общества, объяснялось законами, аналогичными биологическим.

Естественные науки расширяют число методов исследования, но не могут служить основанием для создания археологической теории, потому что не в состоянии объяснить возникновение, развитие и отмирание предметно-вещного мира, связанного с социальной формой движения материи.

Формирование новых наук вследствие дифференциации старых или на стыке ранее существовавших — закономерность современной научно-технической революции. По мере раскрытия познавательных возможностей этих наук с их помощью ученые пытаются разрешить назревшие проблемы других дисциплин. Так, в период кибернетического бума Л. С. Клейн в идеях кибернетики пытался найти объяснение феномена скачка — перехода от одной археологической культуры к другой⁵⁰. В настоящее время ввиду большой популярности экологии ряд археологов и этнографов большие надежды возлагают на объяснительные возможности этой науки. Поскольку источником основных идей экологического подхода являются работы биологов, существует необходимость определения принципов построения экологических концепций. Анализ ряда работ позволяет заключить, что экологическая рефлексия биологов включает основательную разработку принципа системности. Выделены экосистемы различных уровней, в том числе биогеоценоз как элементарная структурная единица биосферы⁵¹. Системные исследования сопряжены с эволюционным подходом⁵². Они ведутся на широком историческом фоне (ранний, средний, поздний голоцен)⁵³ и носят характер не только теоретических изысканий, но и изучения конкретно-исторического взаимодействия экосистем различного уровня.

Итак, биологи последовательно используют принципы системности и историзма. Однако эти общенаучные принципы работают лишь на основании определенных концепций, отражающих природу объекта. Экология сформировалась как отрасль биологической науки, изучающей закономерности биологических систем⁵⁴. Теоретическую основу экологического подхода составляет эволюционное учение⁵⁵. Вытекающая из него объяснительная идея связи биологических систем различного уровня и среды раскрывается в концепции адаптации, которая у ряда исследователей возводится в статус общebiологической теории⁵⁶.

Следует выделить три особенности использования экологического подхода при изучении общественных процессов. Во-первых, экологический подход к истории общества предполагает сопоставление и соотнесение природной среды как системного образования различных таксономических уровней и общественных систем, соразмерных с этими уровнями⁵⁷. Второе следствие — соотнесение систем должно носить конкретно-исторический характер. Третье и самое важное следствие — необходимо определить, насколько корректно биологические законы адаптации применять к объяснению общественных процессов.

Появились работы археологов и этнографов, в которых идет поиск системного соотнесения явлений природы и общества. В книге «Становление человечества» В. П. Алексеев по аналогии с биогеоценозом назвал элементарную ячейку сообщества природного и общественного антропогеоценозом. Его структура определена также по аналогии: жилое сообщество — микросреда — взаимодействие между ними. Соответственно в антропогеоценозе структурные компоненты составляют: хозяйственный коллектив как демографическое целое — эксплуатируемая территория — производственная деятельность коллектива⁵⁸. На каких же теоретических основаниях строится связь: общественные системы — природные системы? По мнению Алексеева, «при производящих формах хозяйства — земледелии и скотоводстве — происходит не только разрушение, но и направленная переделка биогеоценозов»⁵⁹. Но идея специфики человеческой деятельности, заключенная в ее направленности на изменение, преобразование среды, тонет в концепции «социальной адаптивности». Автор формулирует ее как «сумму социальных изменений, направленных на достижение оптимального равновесия во взаимоотношениях любого человеческого коллектива со средой и другими коллективами»⁶⁰. В свете этой концепции «вся структура антропосоциогенеза есть выражение социальной адаптивности и может быть понята как результат адаптивных процессов, действующих на протяжении предшествующего времени»⁶¹. Вся предметная деятельность человека, будь то экономическая сфера, жилая среда или духовное производство, приобретает характер приспособления к среде.

В книге М. Ф. Косарева «Западная Сибирь в древности» экологический подход к пониманию общественных процессов основан на двух взаимосвязанных посылах. Первая состоит в том, что существуют общие, региональные и эпохальные закономерности адаптации человеческих коллективов к окружающей среде. Вторая посылка исходит из того, что сообщества, в том числе первобытные коллективы, консервативны, пока достигнутая степень приспособленности к условиям среды остается удовлетворительной⁶². Поскольку эти теоретические посылки понимания общественных процессов предварительно никак не оговорены, исчезает специфика

общественной формы движения материи по сравнению с биологической. Движущей силой общественного движения становится адаптация, приспособление социальных образований к природной среде. Исчезают внутренние источники общественного развития. Показателен тот круг вопросов, который с точки зрения автора может быть объяснен посредством экологического подхода: факторы изменения форм экономики, в том числе предпосылки становления производящего хозяйства; причины расцвета и упадка древних культур, условия неравномерности исторического развития населения различных географических районов; региональные особенности материальной и духовной культуры первобытных обществ; причины, содержание и социальные последствия древних миграций⁶³. То есть, следуя концептуальному замыслу автора и его достаточно последовательному раскрытию на археологическом материале Западной Сибири, экологический подход и есть искомое основание исторических интерпретаций⁶⁴. Попытки М. Ф. Косарева включить в анализ социальных процессов производительные силы приобретают формальный характер, поскольку в анализе отсутствует целостный формационный подход. Так, при объяснении факторов становления производящего хозяйства развитие производительных сил понимается автором только как появление металлургии, как прогресс в орудиях труда. Уровень развития производительных сил определяется лишь как некоторая потенциальная основа появления скотоводства и земледелия. Само производящее хозяйство рассматривается не как развитие производительных сил общества, не как новый способ преобразования природы, а как новое средство адаптации к ней.

Наряду с упомянутыми авторами в настоящее время при анализе проблемы общество — природа на концепцию адаптации опираются В. Р. Кабо, С. А. Арутюнов, Ю. И. Мкртумян, Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова и др.⁶⁵ При этом в большинстве работ даже не раскрывается суть концепции, она используется как нечто устоявшееся и не подлежащее объяснению. Могут возразить, что в работах археологов и этнографов речь идет не о биологической, а о «внебиологической адаптации»⁶⁶, о «социальной адаптации»⁶⁷, «социальной адаптивности»⁶⁸, «искусственной адаптации»⁶⁹, об обществе как «универсальной адаптивно-адаптирующей системе»⁷⁰. Полагаем, что за спецификой терминов всегда стоит определенная теоретическая установка. И есть существенная разница между понятиями «активное приспособление» (что наблюдается и в животном мире) и предметно-практическим преобразованием, изменением среды, между механизмом адаптации биологических систем и культурой человечества.

Возникает вопрос, почему идея адаптации столь широко овладела умами историков? Просматриваются по крайней мере два пути проникновения этой идеи в рефлексию гуманитарных наук. Первый

обозначен в работе Т. А. Алексеевой, которая отмечает два пика интереса исследователей к изучению приспособительной изменчивости человека как вида: 20-е гг. и середина 60-х — 70-е гг.⁷¹ Результативность исследования этих процессов, значительный вклад антропологии в решение проблемы становления человека объясняет интерес археологов к этой науке и ее подходам, в том числе к эколого-эволюционному.

Второй путь проникновения идеи адаптации — культур-антропология Л. Уайта. Согласно Л. Уайту, культура в наиболее общем смысле понимается как «человеческие сверхприродные средства адаптации»⁷². В 50—60-е гг. учение культуролога оказало заметное влияние на развитие археологии (Бинфорды, Б. Меггерс) и антропологии⁷³ за рубежом. Советские исследователи могли почерпнуть подобные представления непосредственно из первоисточника или опосредованно — через культурологию Э. С. Маркаряна.

Работы Э. С. Маркаряна вызвали большой интерес археологов и этнографов⁷⁴. От современных теоретических установок — системного и деятельностного подходов — исследователь, казалось, вышел на уровень объяснения традиций, локальных культур, этносов⁷⁵. Критикуя учение Л. Уайта в целом, философ не скрывает прямой связи своей генерализующей идеи с тезисом Л. Уайта о культуре как целостном адаптивном механизме, который способствует самосохранению человечества⁷⁶. Методологической посылкой обоснования этой идеи явилось противопоставление принципа единства мира принципу изучения общественной жизни как специфической формы движения материи⁷⁷. Отсюда следует расширительная трактовка деятельности как «информативно-направленной активности живых систем, возникающей на основе адаптивно-избирательного отношения к среде обитания и призванной путем удовлетворения потребностей данных систем осуществлять функцию их самосохранения»⁷⁸. В этом же ключе адаптивность рассматривается как фундаментальное свойство живых систем⁷⁹. обстоятельно обосновав идею Л. Уайта, Э. С. Маркарян с помощью системного подхода разработал ее в теории, объясняющую функции, генезис и историю культуры.

Нам представляется неубедительной методологическая посылка Э. С. Маркаряна. Обоснование материального единства мира⁸⁰ отнюдь не противоречило, а, наоборот, предопределило поиск и выделение Ф. Энгельсом критериев различных форм (уровней) движения материи⁸¹. Дальнейшее развитие наук подтвердило основные положения этих взаимосвязанных принципов. Можно понять обеспокоенность Э. С. Маркаряна и других отечественных культурологов: феномен культуры не находит объяснения в формационном срезе общественной системы. Но почему для объяснения культуры как специфически социального явления в многомерной общественной системе надо искать новый срез за пределами этой

системы? Почему надо подвергать пересмотру исходный критерий, который составляет сущность социального движения — деятельность, а затем снова утверждать эту специфику средствами биологической терминологии? На наш взгляд, принцип социальной адаптивности, сконструированный по аналогии с биологическим, не может объяснить социальные процессы, а также взаимодействие социального и биологического.

Итак, рамки поиска ведущего объяснительного принципа археологической теории следует сузить до пределов наук, изучающих социальную форму движения материи. Это должны быть науки или наука более высокой степени обобщения общественной практики, нежели однопорядковые с археологией этнография, фольклористика и лингвистика, тем более что последние тоже находятся в стадии научного поиска теоретических основ.

Мы согласны с точкой зрения Я. А. Шера, Ю. Н. Захарука и В. Ф. Генинга о необходимости союза археологии с философией. Полагаем, что предельные основания марксистской философии в области общественного развития есть поле поиска. Следует указать, что к этой мысли пришли и зарубежные археологи⁸². Из истории археологии 1930—1950-х гг. известно, насколько продуктивно для развития археологической науки использовался формационный подход, реализовавший философские принципы материализма, детерминизма и историзма. Это обстоятельство было подчеркнуто в работах В. М. Массона⁸³ конца 1960-х гг., а затем в монографии В. Ф. Генинга⁸⁴. Для выхода из проблемной ситуации необходимо новое обращение к марксистской философии, нужно найти в ее арсенале такие принципы, которые позволили бы разрешить проблемы археологической науки и объяснить все накопленные в ней эмпирические закономерности.

В первой главе мы уже отмечали, что Л. С. Клейн начинал рассмотрение природы археологических источников, опираясь на марксистскую теорию отражения⁸⁵. В 60-х гг. особенность вещного мира и археологического источника Я. А. Шер также видел в том, что в них отражаются бытовые, социальные, экономические и культурно-исторические факторы⁸⁶. В формулировке предмета археологии В. М. Массоном проводится мысль о том, что мир вещей отражает закономерности структур человеческих обществ⁸⁷. Гносеологическую природу археологического источника — его свойство в отраженной форме удерживать в себе информацию о жизни общества — подчеркивает и В. Н. Боряз⁸⁸. Интуитивно используя принцип отражения в подходе к археологическому источнику, археологи не обозначали его как объяснительный принцип и тем более не дали его развертки применительно к предметно-вещному миру. Эта процедура была осуществлена в 60—70-х гг. по отношению ко всем типам источников историками, занимающимися теорией источниковедения⁸⁹. По работам историков важно уяснить, какие проблемы могут

найти разрешение на пути использования принципа отражения и какие останутся открытыми.

Л. Н. Пушкарев подчеркивает двойственную природу исторического источника⁹⁰. С одной стороны, он является отражением исторической реальности, с другой — органической частью этой реальности, воплощением исторической действительности⁹¹. Поскольку исторический источник отражает исторический процесс, ему присуща адекватность — подобие отражения действительности по содержанию. Вместе с тем человеческое отражение имеет творческий характер, образ несет печать субъективности⁹². Это особенно ярко проявляется в идеологических пристрастиях авторов письменных историков. Л. Н. Пушкарев констатировал различие письменных, фольклорных, вещественных, этнографических и языковых исторических источников по форме и содержанию, обоснованно понимая под внутренней формой способ (законы) организации содержания. Говоря о форме и содержании вещественных источников, автор сетовал на отсутствие археологических работ по этой теме⁹³. В рассматриваемой монографии Л. Н. Пушкарева остались открытыми вопросы, почему столь различны результаты отражения исторической реальности, с чем связано многообразие их форм, каков механизм их образования?

Другая сторона исторических источников — их бытие в составе исторической действительности — не подлежит объяснению средствами принципа отражения. Однако Л. Н. Пушкарев не учитывает этого обстоятельства. Он не рассматривает, какое место в общественной системе занимали, как функционировали и были связаны между собой в живой культуре те феномены, которые впоследствии отложились в разнообразные исторические источники. Поэтому небедительна графическая схема их взаимосвязи, представленная автором⁹⁴.

Вещи, язык, письменные документы, художественные произведения, обряды, фольклор входят в определенный срез (или срезы) объемной общественной системы; вещи — предметы и орудия труда — в состав производительных сил; фольклор, произведения искусства, документация находят свое место среди надстроечных элементов формационной системы. Часть вещной среды — жилища, одежда, пища, ряд этнографических, а также языковых явлений остаются за пределами формационного объяснения. В поисках интерпретации всей совокупности остатков вещной среды не случайным было обращение большинства теоретиков-археологов к системному подходу, реализующему философский принцип системности (Я. А. Шер, Л. С. Клейн, В. М. Массон, В. С. Бочкарев, Г. С. Лебедев, В. Ф. Генинг). Оно было вызвано необходимостью реконструкции истории конкретного общества по одному из его важнейших компонентов — вещному миру (его остаткам и следам). Но для работы системного подхода необходимо содержательное

обоснование такого среза общественной системы, где вещный мир и другие элементы культуры, отложившиеся впоследствии в исторические источники, составили бы целостные и относительно самостоятельные компоненты.

Нам представляется наиболее плодотворным направление поиска В. Ф. Генинга. При соотнесении базисного объекта археологии — общества с исходными источниками познания — материальными остатками⁹⁵ автор использует идею работы В. Г. Афанасьева «Системность и общество» о субстанциональном срезе социальной системы⁹⁶. Она привлекла внимание В. Ф. Генинга, поскольку в данном системном подходе вещный мир наряду с процессуальным, духовным и человеческим компонентами обозначен как самостоятельный компонент социальной системы⁹⁷. Однако В. Г. Афанасьев не обосновал свою идею концептуально, а В. Ф. Генинг, на наш взгляд, не совсем корректно развил ее, сделав несколько неожиданный и противоположный мнению В. Г. Афанасьева вывод о том, что вещный компонент в этом срезе является основным, системообразующим⁹⁸.

Системное качество саморазвития требует специального раскрытия и обоснования через философский принцип историзма. Возникший в философии на рубеже XVIII—XIX вв. принцип историзма развивался в естественных науках XIX в., его основные черты — поэтапный эволюционный характер развития, прогрессивная направленность развития — были отражены в эволюционистских учениях астрономов, геологов, биологов. Принцип историзма и связанный с ним исторический подход были содержательно переработаны в учении марксизма. «Вся теория Маркса, — писал В. И. Ленин, — есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму»⁹⁹. Историзм в марксистском понимании — это признание того, что система имеет внутренний источник развития — борьбу противоположных тенденций, признание не только эволюционного характера развития системы, но и революционной смены одной качественно определенной системы другой, представление о том, что этапы эволюционного развития системы разделяют скачки, характер которых определяется природой системы и условиями перехода. Как и принцип системности, принцип историзма выполняет объяснительную функцию лишь по отношению к содержательно обоснованной области исследования. Его значение для развития археологии не вызывает сомнений¹⁰⁰. Принцип историзма является ведущим в обосновании целого направления исследования древнего эпоса¹⁰¹.

Следующий философский принцип требует своего рассмотрения в связи с поисками пространственных и временных границ археологических культур. Любое определение археологической культуры непременно содержит подобные характеристики, при этом время

рассматривается как длительность существования археологической культуры, хронологическое следование культур или как смена этапов внутри них. Пространство соотносится с частью географической среды, территорией распространения археологических комплексов определенного типа или определенной культуры.

Попытки проанализировать исторический процесс через пространственно-временной континуум были предприняты в 1940—1960-х гг. Э. Эванс-Притчардом и А. Леруа-Гураном¹⁰². Весьма важными представляются выделение Э. Эванс-Притчардом наряду с экологическим структурного пространства-времени, характеризующего формы социальной организации, и констатация факта, что в этнографических группах народов Африки (нуэров) этот аспект временных и пространственных представлений имеет превалирующее значение.

В 1970—1980-х гг. эти категории стали использовать отечественные историки-медиевисты¹⁰³ и этнографы¹⁰⁴. В принципе пространственно-временного континуума они увидели новые возможности реконструкции исторической реальности. М. А. Барг полагает, что этот принцип задает систему координат историческому сознанию и позволяет осуществить диалектическую связь системности и развития¹⁰⁵. Автор определяет социально-историческое время как форму движения социальности¹⁰⁶, специфику этой характеристики для каждой общественно-экономической формации, а также исторического процесса каждой конкретной исторической общности¹⁰⁷. Большой интерес представляют его идеи органической связи социально-исторического времени и пространства, разграничения структур объективно-исторического времени и их отражения в сознании современников, а также в познавательных операциях историков¹⁰⁸. Вместе с тем остался незаполненным разрыв между общими представлениями о социальном или историческом пространством-временем и возможностями реализовать эти представления средствами исторических источников, в том числе вещественных. Социальное пространство представлено традиционными формами: «род», «этнополитическая общность», «круг земель»¹⁰⁹. Термин «опредмеченное время» остался нераскрытым.

М. Я. Гуревич обратился к категориям культуры в поисках средств реконструкции целого — действительной жизни людей¹¹⁰. Большая часть его монографии «Категории средневековой культуры» посвящена хронотопу, то есть категориям пространство и время в их историческом движении от картины мира варваров к средневековой картине мира. Новый угол зрения позволил поднять новые пласты духовной жизни средневекового человека, подход оказался весьма эффективным при исследовании исторических источников¹¹¹.

Однако автор по преимуществу констатирует новые факты. Казалось бы, у него есть широкие возможности для их объяснения: новым углом зрения автора является дополнение социально-эко-

номического подхода культурологическим¹¹². Пространство и время определены автором как параметры мира, формы существования человеческого опыта¹¹³ и категории культуры, отражающие эти параметры и формы¹¹⁴. Богато представленная варварская или средневековая картина мира есть отражение определенного общественного бытия, равным образом как различное пространственно-временное восприятие мира — отражение исторически определенных пространственно-временных континуумов. В работе М. Я. Гуревича помимо общей посылки встречаются эмпирически обозначенные зависимости: масштаб пространственных измерений определяется мерой деятельности человека-земледельца¹¹⁵, социальное пространство иерархизируется изоморфно земной социальной феодальной системе¹¹⁶, средневековое время определяется социальными ритмами¹¹⁷ и т. д. И вместе с тем четкой концепции исторического пространства-времени у автора не получилось. Особенно это проявилось в последующих главах об общественных отношениях (праве) и деятельности, в которых должен был методологически плодотворно «сработать» хронотоп, но, к сожалению, этого не произошло.

В начале 1930-х гг. историк Ф. В. Кипарисов и философ К. Р. Мегрелидзе в качестве ведущей объяснительной идеи археологического материала выдвинули принцип предметно-практической деятельности¹¹⁸. Предположение о возможности использования этого принципа для развития археологического познания было вновь высказано на секции теории и методологии пленума Института археологии в 1972 г. В. Ф. Генингом и В. Д. Викторовой¹¹⁹. Впоследствии в ряде работ В. Ф. Генинг для объяснения механизма образования вещей, при определении объективного предмета знания в археологии¹²⁰, а также при установлении предмета археологической науки¹²¹, неоднократно обращается к философскому принципу предметно-практической деятельности. Отметив, что установление законов опредмечивания — не цель археологов, а лишь средство построения теории, автор тем не менее попытался сформулировать эти законы и представить механизм опредмечивания, ссылаясь на ранние работы К. Маркса. В. Ф. Генинг полагает, что по схеме процесса опредмечивания можно судить, какие его компоненты могут быть зафиксированы археологами непосредственно в остатках (предметы и средства труда, продукты процесса труда — предметный мир), какие представлены опосредованно (знания, навыки, социальная организация), а какие надо гипотетически реконструировать (процесс производства и отношения людей в процессе производства)¹²². Законы опредмечивания формулируются автором то как опредмечивание деятельности¹²³, то как опредмечивание общественной жизни¹²⁴, то как опредмечивание сущностных сил человека¹²⁵, но без дальнейшего раскрытия сущности самих законов.

На наш взгляд, в выборе генерализующей идеи В. Ф. Генинг вплотную подошел к теоретическим основаниям выявления природы вещи и определению места вещного мира в социальной системе. Почему же введение категорий принципа предметно-практической деятельности вызвало больше всего нареканий как со стороны археологов (Ю. Н. Захарук), так и со стороны философов (Э. Н. Лооне)¹²⁶. Видимо, потому, что действительные возможности этих теоретических оснований не были раскрыты.

Философский принцип — целостная характеристика предельных оснований. Его эффективное использование как методологического ориентира исследования возможно лишь при учете этой целостности. При рассмотрении принципа предметно-практической деятельности В. Ф. Генинг обратил внимание только на одну сторону диалектики деятельности — на опредмечивание. Забвение другой стороны — распредмечивания — снижает возможности работы принципа в обосновании вопроса: что опредмечивается в вещах. Поскольку понятие «сущностные силы человека» не было рассмотрено, а К. Маркс неоднократно говорил об опредмечивании именно этого феномена, схема опредмечивания, предлагаемая автором, явилась необоснованной. Формулировка законов не позволяет определить их содержание. Если речь идет о законе опредмечивания деятельности, то необходимо оговорить, что опредмечивание и распредмечивание — это две диалектические стороны деятельности общественного человека. Если закон формулируется как опредмечивание общественной жизни, то следует указать, что общественная жизнь опредмечивается в разнообразных формах: вещной, языково-понятийной, художественно-образной и нормативно-поведенческой.

Итак, законы опредмечивания в том виде, как они изложены в монографии В. Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии», не позволяют раскрыть всю глубину исторической информации, заключенной в предметно-вещном мире вообще и в его археологических остатках в частности.

Философские принципы отражения, системности, историзма, пространственно-временного континуума, предметно-практической деятельности объясняют различные стороны становления, развития и отмирания предметно-вещного мира общественной системы. Какой же из них является ведущим? Генерализующий принцип — это концептуальный стержень, который должен связать все остальные принципы в единый объяснительный блок соответственно природе исследуемого объекта.

§ 3. Формулировка проблем

Дискуссионная статья В. А. Башилова и Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии» застав-

ляет задуматься, в том ли направлении идет поиск большинства археологов? Ведь судя по представлениям авторов статьи, теоретический поиск начинается лишь с выходом на исторические закономерности формационного и еще более высокого уровня обобщения¹²⁷.

Думается, что ответ на подобный вопрос можно найти в логике поиска. Надо установить, какие реальные противоречия возникают в практике археолога и настоятельно требуют решения. На путях изучения каких проблем эти противоречия могут быть сняты? Речь идет не о частных, а о глубинных противоречиях, без решения которых наука не может развиваться, а также о формулировке научных проблем, определяющих дальнейшую стратегию поиска. В теории познания научная проблема рассматривается как «такая разновидность вопроса, ответ на который не содержится в накопленном знании»¹²⁸.

Анализ дискуссий последних десятилетий позволяет выделить по крайней мере три группы узловых противоречий в развитии археологической науки.

Можно не вникать в суть дискуссии об онтологических основаниях и гносеологических функциях признаков — тип — археологическая культура. Но никак нельзя обойти первый блок нерешенных вопросов и противоречий, с которыми постоянно сталкивается каждый исследователь, — разногласия по поводу критериев отбора признаков для описания археологического материала и определения их существенности, веса, то есть исходных данных для содержательной типологии артефактов (вещей, следов). При установлении ведущих корреляций: форма — функция, форма — технология, форма — материал выявилось, что они допускают вариативность. Археологический материал не содержит оснований ни для объяснения этой вариативности, ни даже для установления иерархии морфологического, функционального и технологического. Между тем типологические построения показывают, что именно те детали форм, которые не имеют прямого утилитарного назначения, являются признаками, разграничивающими предметы одного функционального назначения различных культур.

Еще в работах этнологического направления 1920-х гг. встречался тезис об этнографических характеристиках деталей форм вещей, не связанных непосредственно с функцией. В полемике по археологической культуре он был воспроизведен А. А. Формозовым при рассмотрении форм каменных орудий и А. П. Смирновым при характеристике форм погребального обряда и украшений. В погребальных комплексах и святилищах многие предметы и сооружения требуют своего функционального определения. Однако отличить один предмет от другого еще не значит понять причину различий, а также их социально-исторический смысл.

Теоретическая плоскость споров была связана с определением

существенных признаков вещи и выявлением вопроса, что отражает тип вещи. Попытки найти собственные средства в археологической науке для ответа на эти вопросы также не увенчались успехом.

Итак, с одной стороны, с каждым полевым сезоном растет число археологических материалов. С другой стороны, увеличение материалов не дает содержательного прироста знаний, потому что нет научных оснований для его описания и систематизации. Это первое противоречие в развитии археологического познания, пожалуй, наиболее четко было определено в работах И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера.

Определение противоречия ведет к постановке проблемы. Как мы могли убедиться, проблема формулировалась в различных вариантах. Для одних авторов она заключалась в решении вопроса, какую историческую информацию содержит вещь (Е. В. Антонова, В. Ф. Генинг, В. М. Массон и др.). Другие полагали, что необходим поиск кода для расшифровки особой информации, содержащейся в вещи (Л. С. Клейн, Я. А. Шер и др.). Некоторые исследователи считали, что основную познавательную нагрузку несет морфология вещей (Г. П. Григорьев), иные видели ее в функциональных характеристиках вещи (С. А. Семенов). Если суммировать все высказывания, то окажется, что речь идет о том, содержат ли такие характеристики вещи, как функция, технология, материал, общая форма и ее детали, историческую информацию? Если да, то как она воплотилась в морфологических, технологических, трасологических и др. признаках вещи. Иными словами, первая проблема может быть сформулирована так: **какова социально-историческая природа и механизм формообразования вещи?**

Некоторые ориентиры в решении этой проблемы, на наш взгляд, были определены как в практических, так и теоретических поисках исследователей. Накопленные в науке эмпирические закономерности, как те, которые были описаны и использованы в археологии конца XIX — начала XX вв., так и те, на которые обращают внимание участники дискуссии последних десятилетий, очерчивают зону поиска существенных признаков, а следовательно, и границы их отбора для описания. Это прежде всего артефакт (вещь, фрагмент вещи, ее след) и его морфологические, трасологические и физико-химические свойства.

В исследованиях морфологического направления прослеживаются две основные идеи. Первая, в свое время обоснованная С. А. Жебелевым в отношении художественных произведений, — о многозначности содержания предмета, заключенной в особенностях его формы¹²⁹. Она продолжает развиваться в трудах по семиотическому анализу прикладного и изобразительного искусства памятников ранних формаций¹³⁰. В работе Г. С. Лебедева она используется для построения типологии любого материального воплощения культуры¹³¹.

Вторая идея — о связи формы артефакта в целом и ее деталей с определенной исторической информацией. Наиболее плодотворными являются работы А. К. Филиппова, который рассматривает одну сторону формообразования предметно-вещного мира, но разрабатывает ее весьма убедительно¹³². Становление технического формообразования орудий автор соотносит со становлением предметно-вещной формы социального отражения. Более абстрактно идея сформулирована А. Е. Матюхиным: «В каждом палеолитическом орудии заключена многоплановая информация, связанная с формой, функцией, техникой изготовления, опытом мастера, характером деятельности, особенностями сырьевого материала и т.д.»¹³³

В теоретическом поиске исследователей наметились две объяснительные идеи: о вещи, отражающей в своих признаках определенную историческую информацию, и о содержании этой информации — сущностных силах человека конкретно-исторической общности.

Вторая группа противоречий обнаружилась в дискуссии об археологической культуре. Хотя спор шел преимущественно в теоретической плоскости, вытекал он из практики археологических исследований. Именно эта практика настоятельно требовала, с одной стороны, систематизации материала на более высоких таксономических уровнях: перехода от определения типов к выделению ансамблей, комплексов памятников, археологических культур, провинций, ареалов и т. п. С другой стороны, воспитанные на формационном подходе археологи-практики неизменно пытались объяснить эти уровни систематизации с помощью социально-экономических, этнических и культурно-исторических терминов. Множество археологических культур, выделенных на различных как формальных, так и содержательных основаниях, приводит исследователей к тупиковым ситуациям. Первый парадокс достаточно образно выражен Ю. Н. Захаруком: на одном и том же фактическом материале два автора сделали различные выводы по всем содержательным параметрам исследования — хронологическому, территориальному, этническому¹³⁴. На уральском материале подобная ситуация возникла с федоровской культурой эпохи бронзы¹³⁵ и культурами эпохи средневековья Северной Башкирии¹³⁶.

Второе противоречие этого блока обнаруживается при попытках сопоставления типов вещей, функциональных комплексов или археологических культур, выделенных различными авторами на соседних территориях. Так, например, описание жилищ эпохи неолита на Южном и Среднем Урале, в Приуралье и Зауралье проводилось авторами по различным схемам, с большей или меньшей детализацией¹³⁷. Анализ материала, изложенный по одному принципу, с трудом поддается (а иногда и не поддается вовсе) сопоставлению с другими материалами.

Третье противоречие возникает при интерпретации археологи-

ческого материала и попытках исторических реконструкций. Сходные по ряду признаков ископаемые остатки вещной среды на определенной ограниченной территории — археологическую культуру, как мы уже выяснили, некоторые авторы однозначно соотносят с этносами (Ю. Н. Захарук, В. Ф. Генинг). Ряд авторов (А. Л. Монгайт, И. С. Каменецкий), в том числе и этнографы (Н. Н. Чебоксаров), высказывают обоснованные сомнения в правомерности такого соотнесения. Это противоречие, как и первые два, в рамках самой археологической науки оказалось неразрешимым.

Итак, с одной стороны, накопление археологических материалов вызывает необходимость в его систематизации, и с каждым годом растет число несопоставимых археологических культур. С другой стороны, нет единых научных критериев для их выделения и сопоставления. Описанные археологические культуры необходимо перевести в понятия исторической науки, однако научные правила подобного перевода не выработаны. Это противоречие между накопленным материалом и отсутствием научных критериев его объяснения и оснований исторических реконструкций было четко обозначено Ю. Н. Захаруком.

Многообразие противоречий породило различные формулировки проблемы. В работах В. С. Бочкарева, Е. В. Антоновой, Г. С. Лебедева она определена как необходимость изучения наряду с артефактом его контекста, взаимосвязи с другими предметами (элементами) комплекса. При этом важно решение вопроса: что отражают связи вещей¹³⁸. В работах Ю. Н. Захарука и Г. С. Лебедева проблемно очерчена единица исследования — комплекс (комплект) памятников. По мнению Лебедева, он связан с определенными видами деятельности древнего человека¹³⁹. В. Ф. Генинг ставит проблему реконструкции конкретных форм жизнедеятельности — образа жизни и сфер деятельности древних обществ¹⁴⁰. И наконец, у большинства названных авторов, а также у В. М. Массона, М. В. Аниковича и др., проблема обозначена как основная цель археологического исследования — реконструкция конкретной истории и закономерностей развития обществ прошлого. По мнению Л. С. Клейна и В. С. Бочкарева, она должна быть вынесена за пределы археологической науки.

Сопоставляя все формулировки, можно обнаружить в них один общий момент: осознание необходимости установления реальных связей между вещами и определениями, можно ли по вещам и связям между ними воссоздать историю конкретных обществ прошлого.

Иными словами, что отражают связи между вещами и возможно ли по вещному миру воспроизвести развивающуюся общественную систему?

Пути решения этой проблемы намечены в работах как археологов, так и историков-медиевистов. Прежде всего это использова-

ние системного подхода в археологии. И действительно, позиции В. М. Массона, В. С. Бочкарева, Г. С. Лебедева (даже при различном понимании системного подхода) могут быть сформулированы в следующем виде: если любое общество — функционирующая система, то вещный мир есть ее компонент (подсистема). Следовательно, артефакты через свойства и взаиморасположение должны отражать функциональные зависимости и связи некогда существовавших общественных систем. В. Ф. Генинг подчеркивает существенный момент: необходимо найти такой срез многомерной общественной системы, где бы вещный мир был целостным компонентом. Логику выхода к такому срезу намечают М. В. Аникович, Г. С. Лебедев, В. Ф. Генинг. Она состоит в осознанной или интуитивной опоре ученых на ряд положений принципа предметно-практической деятельности. В этом отношении принципиально важны, на наш взгляд, следующие теоретические установки М. В. Аниковича: поиск объяснительных идей археологических феноменов должен осуществляться в рамках общественной формы движения материи, механизмом которой является предметная деятельность человека; материальная культура есть «материальное воплощение человеческой деятельности и вне последней не имеет источника развития»¹⁴¹. Г. С. Лебедев полагал, что системный подход должен быть приложен к анализу артефактов как материальных следов деятельности древних людей. Деятельность как система, с его точки зрения, включает: материальное и духовное производство, общественные отношения, быт и ритуал внешних связей¹⁴². Археологическую культуру автор понимает как археологическую модель деятельности исторической общности¹⁴³. Теоретические схемы В. Ф. Генинга также предусматривают реконструкцию сфер деятельности: экономической, социальной, духовной, этнической¹⁴⁴.

При определении форм, способов организации общественной системы важным репером может оказаться принцип пространственно-временного континуума, разрабатываемый историками-медиевистами. Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. Ф. Генинг и др. совершенно справедливо утверждали, что системный анализ должен быть дополнен историческим, для того, чтобы статичная модель конкретно-исторического общества стала динамичной, развивающейся.

Два первых узла противоречий в изучении предметно-вещной среды в одинаковой мере свойственны археологии, этнографии и социологии. Вместе с тем есть существенная разница в том, что является объектом изучения науки — предметно-вещный мир в динамической, живой культурно-исторической системе или его ископаемые остатки и следы в составе культурного слоя. Это неоднократно подчеркивал Ю. Н. Захарук, противопоставляя живую культуру, с одной стороны, и следы и остатки прошлой культуры — с другой¹⁴⁵.

Характеристика феноменов	Современные культуры	Прошлые культуры (следы и остатки)
Тип системы	Динамический	Статичный
Источник развития	Внутренний	Внешний
Наличие компонентов	Полное	Выборочное
Состояние компонентов	Целостное	Фрагментарное
Диагностичность компонентов	Полная	Частичная
Связь между компонентами	Органичная	Агрегативная
Временный статус отдельных компонентов	Непосредственно определяемый	Характеризуемый компрессией

Думается, что картина разрушения вещного мира конкретно-исторических общностей, сохранившаяся в виде культурного слоя, еще более печальна, чем она представлена в таблице Ю. Н. Захарука. Мы полагаем, что при определении типа системы следует говорить не о статичности ее, а о деструкции, потому что объект с частичным наличием компонентов, агрегативными связями и внешним источником развития не имеет статуса системы. Появляется еще одно сомнение: соответствуют ли местоположение артефактов в культурном слое поселений и связи между ними действительному расположению вещей в прошлом?

Проблема познавательных возможностей культурного слоя у исследователей древнейших периодов (например, Б. Б. Ефименко) приняла форму вопроса: существует ли культурный слой в палеолите, где вещественные остатки бывают чаще всего перетолченными? В. Н. Чернецов выражал сомнение, можно ли выделить различные культурные слои в условиях горного Урала, где при многократном заселении одних и тех же площадок общая мощность слоя не превышает 20—30 см. А. Е. Матюхин, В. С. Бочкарев, Л. С. Клейн неоднократно ставили вопрос о неправомерности использования археологических источников без их предварительной внутренней критики. При столь разнообразных вариантах проблемы ее суть сводится к следующему вопросу: возможно ли по вещественным остаткам и их взаиморасположению в культурном слое воспроизвести вещественную среду обществ прошлого? Иначе говоря, каков механизм отложения вещной среды в культурный слой (депозиция, по Л. С. Клейну) и ее последующего разрушения под действием природных и антропогенных факторов (фоссилизация, по Л. С. Клейну¹⁴⁶). Решение проблемы Л. С. Клейн вполне обоснованно видит в установлении законов археологизации¹⁴⁷. В отличие от первых двух проблем, в решении кото-

рых заинтересованы и археологи, и этнографы, и социологи, знание законов археологизации — предмет интереса только археологов.

Определенные шаги на пути создания теории культурного слоя сделаны А. Я. Брюсовым¹⁴⁸, М. П. Грязновым¹⁴⁹, И. С. Каменецким¹⁵⁰. В арсенале полевого опыта имеются эмпирические закономерности, требующие обобщения и объяснения. Определенные надежды археологи возлагают на новые методы исследования, в том числе на метод «связей»¹⁵¹. Результаты этих поисков должны прояснить механизм второго акта археологизации — разрушения предметов в культурном слое и деформации самого культурного слоя.

Для выявления закономерностей первого акта археологизации — отложения предметно-вещного мира в культурный слой — у археологов значительно меньше средств¹⁵². Большие надежды они возлагают на сравнительно новый метод — этноархеологию.

Итак, проблемная ситуация в археологии имеет три узла противоречий. На их основании могут быть сформулированы следующие проблемы:

— Какова социально-историческая природа и механизм формообразования вещи? Можно ли по признакам вещи раскрыть ее историческое содержание?

— Что отражают связи между вещами? Достаточно ли вещного компонента для воспроизводства развивающейся конкретно-исторической системы?

— Как происходило отложение вещного компонента в культурный слой? Как протекали его дальнейшие природные и антропогенные преобразования? Есть ли возможность по следам и остаткам восстановить вещный компонент конкретно-исторической системы?

Возвратимся к начальному тезису параграфа. Как полагают В. А. Башилов и Э. Н. Лооне, проблемы, возникшие в процессе дискуссий археологов, и предлагаемые для их решения схемы Ю. Н. Захарука, В. Ф. Генинга, В. М. Массона и др. соотносимы с эмпирическим уровнем исследования. Как мы уже выяснили, опытное знание ответа на поставленные проблемные вопросы не дает. Может быть, ответ заключен в системе знаний того уровня, который авторы полагают как теоретический? По мнению В. А. Башилова и Э. Н. Лооне, это уровень теории общественно-экономической формации. В ходе дискуссии археологов А. Н. Рогачев уже высказывал подобную точку зрения. Как он считает, первейшим делом исследователей первобытной археологии должно быть развитие теории первобытного общества¹⁵³. Однако на этот призыв большинство теоретиков-археологов не откликнулось. Показателен и тот факт, что археологи не участвовали в дискуссиях журнала «Советская этнография» по теоретическим вопросам первобытного общества.

В чем причины подобного явления? Думается, отнюдь не в том, что археологи против создания теории первобытнообщинной, рабовладельческой и др. формаций, в том числе и на материалах археологии. Первая причина заключается в известном разочаровании археологов в возможностях формационного подхода для разрешения назревших проблем. Прямое наложение формационной схемы на археологический материал оказалось некорректным. Мы уже говорили, что попытки дополнить формационный подход системным и культурологическим (В. М. Массон, Я. А. Шер) существенных результатов не принесли.

Вторая причина — в логике процесса познания. Закономерности развития науки, в том числе археологии, носят объективный характер. «Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. без конца», — писал В. И. Ленин¹⁶⁴. В этом движении скачок от явления к сущности второго порядка неправилен. Несмотря на обилие материала по антропосоциогенезу, по становлению и развитию первобытной общественно-экономической формации, по происхождению искусства и т. д., археологи не могут взяться за серьезную разработку этих вопросов, не решив историкоархеологических проблем.

Мы согласны с Л. С. Клейном в том, что общая теория археологии — есть теория источниковедения. Она действительно должна раскрыть природу археологических источников. Вместе с тем, подобно Ю. Н. Захаруку, В. М. Массону, В. Ф. Генингу, мы считаем, что задачи общей теории археологии шире источниковедческих. Она должна разрешить проблемную ситуацию, то есть дать научные критерии систематизации, объяснения археологических фактов, а также научные основания для различных этапов реконструкции истории конкретно-исторических общностей прошлого. Только выполнив эти задачи, археологи вплотную подойдут к решению проблем теории первобытной общественно-экономической формации.

Мы пытались показать, что на пути создания общей теории археологии сделано много: поле поиска очерчено социальной формой движения материи, обозначены важнейшие познавательные ступеньки поиска — ряд идей, категорий и принципов. Однако все эти рефлексии не имеют пока того содержательного стержня, который позволил бы органически соединить все перечисленные принципы в единый объяснительный блок.

Генерализующая объяснительная идея первоначально выражается в форме гипотезы. Чтобы знать, какая историческая информация содержится в морфологии вещи, необходимо человеческую деятельность представить через законы формообразования. Чтобы определить, какая историческая информация скрывается за связями

между вещами, нужно знать пространственно-временную структуру предметного бытия социальной общности. Чтобы установить, какое историческое содержание стоит за возникновением, развитием и отложением в культурный слой вещных компонентов, необходимо предметный мир представить в пространственно-временном движении социальной системы. На наш взгляд, сформулированные гипотезы могут найти свое теоретическое обоснование в философском принципе предметно-практической деятельности.

Глава III ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ

Необходимо уточнить понятие философский принцип, поскольку в современной философской литературе он читается по-разному. Философские принципы, а также наиболее общие законы и категории — есть компоненты философской системы, раскрывающие основные закономерности природы, общества и мышления. В спорном вопросе о месте каждого элемента в философском знании наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой принципы — это предельные основания, на которых базируется вся структура философского научного мировоззрения¹. Важно выделить существенные признаки философского принципа. Первый признак, связанный с природой, происхождением любого принципа в науке, был четко обозначен Ф. Энгельсом как адекватное отражение закономерностей бытия: «...принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории»². То есть принципы не априорны. Если речь идет о принципах фундаментальных наук, то они складываются на основе обобщения опыта человеческой деятельности в определенной предметной области. Философские принципы есть результат обобщения совокупной предметно-практической деятельности человечества на конкретно-историческом этапе его развития.

Второй содержательный признак присущ только философскому знанию: обобщая совокупную предметно-практическую деятельность человечества, он отражает закономерности бытия, имеющие всеобщий характер. Третья характеристика отделяет принцип в системе философского знания от таких ее компонентов, как закон и категория: по своей структуре философский принцип есть совокупность законов и категорий. Все перечисленные черты определяют возможности философского принципа, его функцию быть основанием философских теорий, входящих в состав философской системы³. По этим признакам статус философских имеют принципы отражения, системности, историзма, пространственно-временного

континуума, которые сознательно или интуитивно выдвигались исследователями при построении археологической теории.

Как уже отмечалось, в начале 1930-х гг. Ф. В. Кипарисов и К. Р. Мегрелидзе предположили, что ведущим принципом археологической теории может быть принцип предметно-практической деятельности⁴. Но интенсивная разработка его основных категорий началась только в 1960-е гг.⁵ На основе деятельностных концептуальных схем сложилось новое направление в психологии⁶, произошло дальнейшее развитие теории познания⁷, теории личности⁸, были созданы культурологические учения⁹.

Вполне естественно, что развертывание принципа применительно к каждой предметной области исследования осуществлялось по логике объекта и в своей категориальной сетке. Однако при сопоставлении исследовательских схем только одной области — культуры — можно убедиться в их различии и несовместимости. Причина подобного явления — в неодинаковой трактовке философами принципа предметно-практической деятельности. Мнение В. Н. Сагатовского о том, что деятельностные подходы авторов отражают различные структуры деятельности и поэтому дополняют друг друга¹⁰, справедливо лишь частично. Позиция Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана, В. П. Иванова и Н. С. Злобина расходятся в определении состава и логики связей существенных характеристик деятельности. Следует также согласиться с точкой зрения Г. С. Батищева, выступившего против такого «деятельностного» подхода, в котором предметная деятельность подменяется объектно-вещной активностью¹¹.

В начале 1980-х гг. на страницах журнала «Вопросы философии» при обсуждении книги «Марксистско-ленинская теория исторического процесса» развернулась дискуссия о философском статусе предметно-практической деятельности¹². Является ли она одной из «рядовых» категорий исторического материализма или философским принципом, то есть системой категорий и законов? Служит ли принцип предметно-практической деятельности основанием отдельных философских концепций или играет ведущую роль в становлении и объяснении материалистического понимания истории?¹³

Неодинаковость трактовки принципа, а также дискуссионность его философского статуса требуют обращения к первоисточникам. Поэтому развертке принципа применительно к вещной форме предметности необходимо предпослать представление о становлении и использовании принципа предметно-практической деятельности в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. В своем понимании работ классиков марксизма мы следуем в направлении, обоснованном в трудах философов К. Р. Мегрелидзе, Г. С. Батищева, Э. В. Бесчеревных, О. Г. Дробницкого, Э. В. Ильенкова, А. П. Огурцова, М. К. Мамардашвили, Э. Г. Юдина¹⁴.

§ 1. Предметно-практическая деятельность как характеристика социальной формы материи и принцип исследования в работах К. Маркса

Основанием философского принципа, объясняющего суть исторического процесса в обществе, должна быть вся история человечества. Хрестоматийный недостаток предмета философии XVIII — начала XIX вв. — представление о ней как о совокупности всех наук — имел и свое положительное следствие: ведущие философские принципы немецкая классическая философия абстрагировала из достижений всех наук, то есть всей практической деятельности человечества. Это обстоятельство и обусловило появление принципа деятельности как ведущего в немецкой классической философии¹⁵.

Интенсивный поиск способа объяснения общественных явлений, установление его категориального состава и сущностных характеристик происходили в процессе преодоления К. Марксом идеалистического понимания деятельности в философии Гегеля и созерцательности в учении Фейербаха. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс, выявляя действительные причины отчужденного труда, установил исторически определенный период его существования и, следовательно, исторически преходящий характер. Этот вывод стал возможным только при рассмотрении человеческой деятельности как специфической общественной формы движения материи и установлении различий социальной и природной субстанций. В своих суждениях К. Маркс использовал терминологию Л. Фейербаха (чувственный мир, родовая сущность, психология) и Гегеля (отчуждение, практика, труд, предметность), но в совершенно новом диалектико-материалистическом смысле.

К. Маркс оговорил возможность множества определений мира, в котором осуществляется жизнедеятельность человека: «...человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой сущности и человеческая *деятельность*»¹⁶. Следовательно, путь движения от предельного основания — социальной субстанции (человеческая действительность) определяется через взаимосвязь категорий человеческая сущность и человеческая деятельность.

Первый аспект определений отражает отношение человеческого мира к природному: его связь с природой и основания разграничения социального и природного. Природа — условие разворачивания трудовой деятельности человека, и в этом отношении связь человека с природой непрерывна и неразрывна. Однако социальная субстанция — это природа, превращенная в неорганическое тело человека, переработанная неорганическая природа, переработанный предметный мир¹⁷, то есть мир, преобразованный человеком в процессе деятельности. Понятие социальной субстанции как неор-

ганического тела человека сопряжено с тем, что по мере становления универсального характера человеческой деятельности его предметным окружением становится не девственная, а преобразованная природа. Из нее человек получает непосредственные жизненные средства, а также предметы и орудия своей жизнедеятельности. Человек — органическая часть социальной субстанции — по своим сущностным характеристикам отличается от природных существ. Практическое созидание предметного мира необходимо предполагает сознание и родовую, общественную принадлежность человека¹⁸. Благодаря этим качествам его деятельность осуществляется как универсальная и представляет собой воспроизведение и переработку всей природы по природным законам (меркам), а также по законам красоты¹⁹.

Второй аспект определений социальной субстанции выражает ее связь с человеком. Эта связь разнообразна. Многократное употребление Марксом понятия «чувственный» как по отношению к созданному человеком миру, так и по отношению к самому человеку — не просто дань терминологии Фейербаха, это поиск средств обозначения материального мира человеческой жизни через непосредственный способ его восприятия человеком. Чувственный мир — это действительный мир, данный человеку в органах чувств²⁰. Чувственность не есть характеристика отдельного индивида и не природное свойство абстрактного человека. К. Маркс обосновал общественно-историческую природу человеческих чувств — одного из компонентов сущностных сил человека: «Образование внешних пяти чувств — это работа всей предшествующей всемирной истории»²¹.

Следующая дефиниция связи человека с миром его жизнедеятельности — предметность. Это, пожалуй, наиболее часто используемая в работе категория: предметный мир, практически созданный предметный мир, предметная действительность, предметное бытие промышленности, предметная сущность человека, вещь как предметное человеческое отношение, опредмечивание труда, родовой жизни, сущностных сил человека. В отличие от Гегеля, у которого человек — не предметное существо, а предметность — есть отчуждение, состояние, не свойственное человеческой сущности, у Маркса состояние предметности связано с сущностными характеристиками человека и ввиду этого носит всеобщий характер.

К. Маркс подчеркивает общественно-историческую обусловленность сущностных сил человека. Природные силы человека — лишь задатки и способности, которые развиваются в предметной деятельности²². В процессе предметной деятельности исторически формируются человеческие потребности в труде — созидании, свободном от физической потребности²³. Универсальная деятельность возможна лишь при развитии такой сущностной силы, как сознание в форме знания, науки. В процессе деятельности исторически раз-

виваются социальные чувства. Человеческие чувства и свойства становятся человеческими как в субъективном, так и в объективном смысле: «Глаз стал *человеческим* глазом точно также, как его *объект* стал общественным, *человеческим* объектом, созданным человеком для человека»²⁴.

Предметный мир человеческого бытия — не есть объект, противостоящий человеку с его природными задатками. Деятельность — та внутренняя основа, которая обуславливает включение человека в человеческий мир, способ становления, развития в каждом индивиде сущностных сил и способ объективации их в предметный мир. Речь идет о деятельности как диалектике распредмечивания и опредмечивания сущностных сил человека²⁵. Следует оговориться, что К. Маркс в этой работе не употреблял термин распредмечивание и не часто использовал термин опредмечивание, видимо, в стремлении избавиться от гегелевской терминологии, имеющей совершенно иной смысл. Деятельность у К. Маркса предстает как процесс, с одной стороны, становления предметной действительности действительностью собственных сущностных сил человека, с другой — опредмечивания его сущностных сил, утверждения человека в предметном мире²⁶. Подобная деятельность общественна по своей сути: «...общественный характер присущ всему движению; как само общество производит человека как человека, так и он производит общество. Деятельность и пользование ее плодами как по своему содержанию, так и по способу существования носят общественный характер»²⁷.

Итак, содержанием предметного социального бытия человека являются совокупные человеческие сущностные силы, воплощенные в предметный мир посредством преобразования природного: предметная действительность есть действительность человеческих сущностных сил, предметное бытие промышленности — «раскрытая книга человеческих сущностных сил»²⁸.

К. Маркс вывел ряд законов деятельности как опредмечивания сущностных сил общественного человека. Преобразование природных предметов осуществляется по законам их природы, по меркам природных предметов²⁹. Речь идет о реализации субъективных задатков и способностей человека, развитых в форме знаний как сущностной силы, так как изменить природные объекты можно, только зная их свойства, законы их функционирования и развития. Преобразование природных предметов осуществляется соответственно таким сущностным силам, как различные социальные развитые чувства, потребности³⁰. Наконец, человек творит, утверждает себя в предмете также и по законам красоты³¹.

Предметные формы человеческого мира многообразны. Маркс выделил две обобщенные формы предметности социального бытия: предметен сам человек, предметны результаты его деятельности — промышленность, созданный человеком мир вещей, где «вещь есть

предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку, и наоборот»³².

Важно отметить два обстоятельства. С одной стороны, категория «предметность» всеобща — предметность есть атрибут социальной субстанции, абстракция многочисленных форм человеческой деятельности и ее результатов как проявления сущностных сил человека. С другой стороны, понятие «предмет» выступает как теоретически конкретное, отражающее непосредственную чувственную данность, чувственно воспринимаемое бытие человеческого мира: человек создает действительные чувственные предметы; предметно развернутое богатство человеческого существа порождает богатство субъективной чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз³³. Речь идет о конкретном многообразии социальной материальности, о разнообразно представленных формах существования общественного бытия. Эти предметные формы — лишь многочисленные проявления сущностных сил человека. Такое понимание предметности есть методологическое основание связи (диалектики) общесоциального (субстрат социальной формы движения материи) и социально-индивидуального (конкретные формы социального бытия: индивид, его сущностные силы, конкретные формы труда, вещи). Маркс обозначил две крайние позиции — начальную (всеобщие абстракции) и конечную (конкретно-теоретические понятия), но логика движения от абстрактного к конкретному уже была намечена.

Эта логика в виде философского принципа прослеживается в «Тезисах о Фейербахе», которые Энгельс назвал гениальным зародышем нового мировоззрения. К. Маркс выделил сущностные черты деятельности — человечески-чувственную, субъективную, предметную, практически-критическую³⁴, определив те компоненты, которые присущи только социальной форме движения материи. Не менее важно и то, что все перечисленные характеристики деятельности имеют новое содержание лишь в совокупности и в определенной взаимной связи. К. Маркс в различных редакциях «Тезисов» подчеркнул такие аспекты деятельности, как *«человеческая чувственная деятельность, практика»* и *«предметная деятельность»*³⁵. Эта расстановка смысловых акцентов определяет логику связи. Чувственная деятельность, которой не знал объективный идеализм, будучи практической (что крайне узко трактовалось представителями созерцательного материализма) у К. Маркса предстала как деятельность материальная. В отличие от созерцательного материализма Фейербаха, субъективный характер практики означал, по Марксу, активное, ведущее начало человека, сознательно осуществляющего в процессе деятельности свои цели. Человек — субъект истории — не абстрактный индивид. Это человек общественный, который в процессе материальной деятельности может осуществить свои цели лишь во взаимодействии с другими

индивидами. Практически-критическая или революционная практика есть целенаправленная материальная деятельность человека по преобразованию природы и общества. В логике связи практического, чувственного, общественного и преобразующего компонентов деятельности категория предметность обозначает специфическую форму бытия социальной материальности.

Социальная субстанция не есть нечто застывшее, неизменное. Деятельность в ее сущностных определениях и взаимосвязях имеет смысл лишь как процесс, как социальная форма движения. В сжатом виде эта идея сформулирована К. Марксом в третьем тезисе: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*»³⁶. Социальная материальная субстанция в созидательной активности человека содержит основания самодвижения, саморазвития. При этом революционная практика — деятельность по преобразованию общества есть изменение не только обстоятельств — общественных предметных форм бытия человека, но и самого человека в ходе его преобразующей деятельности. Под этим углом зрения история предстает как процесс непрерывной материальной предметной деятельности человека по изменению общественного бытия в соответствии с исторически меняющимися сущностными силами, и прежде всего общественными потребностями. Этот процесс совпадает с историческим самоизменением человека в соответствии с преобразованными им социально-предметными формами бытия. Последующие работы К. Маркса и Ф. Энгельса есть развертка принципа предметно-практической деятельности применительно к пониманию как мирового исторического процесса в целом, так и конкретно-исторических процессов в пределах определенных социальных систем.

В «Немецкой идеологии» деятельностный философский принцип К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают как предпосылку материалистического понимания истории: «Действительные предпосылки... это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью»³⁷. В работе еще встречаются определения социальной субстанции как «чувственного мира» — продукта промышленности и общественного состояния, чувственно воспринимаемой среды, но не употребляется понятие «предметность» и доминирует новая терминология: материальные условия, общественное бытие как реальный процесс жизни, материальная жизнь, материальная деятельность и материальное общение³⁸.

Материалистическое решение основного вопроса философии — соотношения общественного бытия и общественного сознания — требовало использования терминов, выражающих обобщенные формы предметного бытия социальной субстанции. Таковыми пред-

стают: «действительно деятельные люди» (в том числе семья, нация, то есть исторические общности), промышленность, способы общения³⁹, язык как практическое сознание⁴⁰. Эти формы предметности возникают вместе со становлением человечества. Так, содержание сознания эпохи первобытности К. Маркс и Ф. Энгельс определяют как «сознание *ближайшей*, чувственно воспринимаемой среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами... осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и непреступная сила...»⁴¹. То есть чувственно воспринимаемая среда жизнедеятельности, вещи, средства общения в коллективе, способы связи человека с вещами и природой являются предметными формами общественного бытия уже на раннем этапе развития человечества, поскольку вовлечены в человеческую деятельность, и в силу этого несут в себе результат опредмеченных сущностных сил человека, в том числе потребностей и сознания.

В работе не употребляется термин «сущностные силы человека», но такая сущностная сила, как потребности, определяется предпосылкой человеческой истории: «Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»⁴².

Формы предметности взаимопроникают, их разнообразие и характер связи детерминированы степенью развития деятельности: «Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни»⁴³. По мере развития производительных сил, общественного разделения труда эта связь становится все более сложной и опосредованной. Думается, такое представление о предметном мире может послужить ключом к уяснению сущности феномена культуры. Ряд высказываний К. Маркса позволяет судить о том, что предметный мир человека как воплощение сущностных сил предшествующих и живущих поколений и есть мир культуры. В «Экономических рукописях 1857—59 гг.» К. Маркс писал: «...для того, чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть способен к пользованию ими, то есть он должен быть в высокой степени культурным человеком»⁴⁴.

Таким образом, в научном поиске К. Маркс и Ф. Энгельс прошли путь от выявления сути и разработки предельных оснований социальной формы движения материи до их превращения в предметно-деятельностный принцип исследования. Понимание специфики социальной субстанции как предметно-практической формы человеческой деятельности дает ориентиры для обнаружения такого среза общественной системы, в котором вещная предметность предстала бы как целостный компонент.

§ 2. Формообразование — механизм становления предметного мира

В ранних работах К. Маркса обозначены контуры возникновения предметного мира в целом через диалектику распределечивания и опредмечивания сущностных сил общественного индивида. В этих работах К. Маркс еще не использовал категорию «отражение»⁴⁵, однако все основные характеристики этого всеобщего свойства материи присутствуют в определении обеих сторон деятельности достаточно явственно. Именно в этом смысле можно понять слова К. Маркса об удвоении человека в предметном мире: «Человек удваивает себя уже не только интеллектуально, как это имеет место в сознании, но и реально, деятельно, и созерцает самого себя в созданном им мире»⁴⁶.

И действительно, «перерабатывая предметный мир», общественный индивид удерживает следы этого взаимодействия с предметной средой в виде изменения своего внутреннего состояния. «Каждое из его человеческих отношений к миру — зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, мышление, созерцание, ощущение, желание, деятельность, любовь, словом, все органы его индивидуальности, равно как и те органы, которые непосредственно по своей форме есть общественные органы, являются в своем предметном отношении, или в своем отношении к предмету, присвоением последнего»⁴⁷. Речь идет о том, что в процессе деятельности природные задатки человека развиваются в его сущностные силы. При этом содержание, структура, свойства предметной среды отражаются и закрепляются не только в форме сознания (знания и чувств), но и в форме потребностей, способностей, навыков, то есть во всех сущностных силах индивида. Действительность отражается в сущностных силах человека адекватно, соответственно природе предметов и объективированным в них общественным сущностным силам: «...столь же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель»⁴⁸.

Становление сущностных сил — не пассивное восприятие человеком особенностей конкретно-исторической среды, это одновременно и творческая переработка предметной среды, деятельность человека, в которой значительная роль принадлежит сознанию. В «Тезисах о Фейербахе», используя предметно-деятельностный подход, К. Маркс сформулировал диалектико-материалистические принципы познания: в практике человек убеждается, что предметный мир материален (действительный мир — объект деятельности и познания), что этот материальный мир познаваем (посюсторонен); в практике человек проверяет истинность своего познания и убеждается в мощи своего мышления⁴⁹. Мощь человеческого мышления у Маркса предстает в виде специфически-человеческой особен-

ности, способности постигать (отражать) внутренние свойства и законы предметного мира, без чего невозможна универсальная деятельность. Мощь человеческого мышления — это способность человека мысленно преобразовывать предметы и ситуации в новых отношениях, пропорциях и композициях, соответствующих законам предмета и общественным потребностям.

Творческий потенциал сознания индивида, равно как и других его сущностных сил, формируется не только и не столько средой, сколько в процессе реализаций этих сущностных сил, в процессе превращения мысленных образов в предметный мир. Определенное сущностное действие человека, утверждение человека в предметном мире происходит также через механизм отражения. **Взаимодействуя с предметом, человек создает новые предметы (вещи, знаки, нормы и пр.), в форме которых запечатлеваются следы этого взаимодействия, адекватные структуре, свойствам, законам предмета и конкретно-историческим сущностным силам индивида:** «...по мере того, как предметная действительность повсюду в обществе становится для человека действительностью человеческих сущностных сил, человеческой действительностью, и, следовательно, действительностью его *собственных* сущностных сил, все *предметы* становятся для него *опредмечиванием* самого себя, утверждением и осуществлением его индивидуальности... То, как они становятся для него *его* предметами, зависит от *природы предмета* и от природы соответствующей ей *сущностной силы*...»⁵⁰ Таким образом, опредмечивание как сторона деятельности есть одновременно и отражение и преобразование, в ходе которого создаются новые предметы, новый предметный мир и изменяется сам человек.

В «Капитале» и подготовительных рукописях к нему, в «Критике политической экономии» К. Маркс при анализе различных форм деятельности, и прежде всего при анализе производства материальных условий и средств жизни, обозначил процесс опредмечивания, процесс создания предметного мира как **формообразование**. Исходная клеточка раскрытия процесса — динамика простого труда.

Труд в его пространственных характеристиках может осуществляться в виде простого отделения предмета от его связи с землей (собираательство), в виде пространственного изменения природных тел (сосредоточение природных предметов в местах постоянного обитания человека, их использование в качестве посредников взаимодействия с природой). В своем социально утвердившемся бытии труд есть **формообразование**⁵¹. Выступая, с одной стороны, как потребление сырья, орудий труда и человеческих сил, труд, с другой стороны, есть переход из формы деятельности в форму предмета. И если мерой трудового процесса является рабочее время, то мерой его покоя — пространственно измененная вещь. Деятельность формирует предмет, материализуя себя в нем⁵². Та-

ким образом, труд человека в своей конкретной чувственной данности есть преобразование природных естественных форм субстанции в вещи — искусственные предметные формы, есть преобразование природных пространственно-временных параметров в социальные.

В чем принципиальное отличие вещи от природной субстанции? Природа в присущих ей естественных формах, составах, свойствах тел не удовлетворяет человека. Он изменяет внешнюю форму и состав природных предметов, уничтожая, отсекая вредные или нейтральные свойства, сохраняя, усиливая, создавая полезные⁵³, необходимые для жизнедеятельности коллектива. В единое поле преобразования стянуты, с одной стороны, материал, орудие, человек, а с другой — форма, состав, свойства искусственно созданной вещи. Этим полем является сознательно поставленная цель. «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер действий»⁵⁴. В цели обнаруживается связь природных и предметно-вещных форм бытия человека с языково-понятийными и поведенческими. Цель деятельности в свернутом виде отражает универсальность человека, его принципиальную возможность сначала в предметной языково-понятийной, а затем в вещной форме совместить логику (меру, закон) природного предмета с логикой исторически определенной общественной потребности. В этом совмещении — направленность деятельности человека. В своем предметном проявлении она предстает как детерминированные целью нормы поведения человека по отношению к природным и предметно-вещным условиям труда и по отношению к другим индивидам, включенным в процесс труда. За этим внешним проявлением скрывается отражение системы социальных отношений общества.

Итак, импульс создания вещи задан целью человека конкретно-исторической общности. Она включает, во-первых, потребность в предмете определенного функционального назначения, необходимого для жизнедеятельности человека (например, в орудии труда), образ этого предмета, содержащий все детали его будущей формы: общую конфигурацию, размеры, пропорции, форму рабочего края и рукояти, окраску, декор; во-вторых, модель преобразующей деятельности — знание, из какого материала и какими средствами труда можно изготовить необходимую вещь, где изыскать эти средства; знание последовательности операций изготовления вещи. Наконец, в-третьих, цель предусматривает наличие способностей, навыков, волевых качеств человека для реализации образа в действительность. Целесообразная деятельность означает опредмечивание сущностных сил реального человека в процессе труда, материализацию этих сил в форму и состав вещи.

Разнообразие потребностей соответствует разнообразию спо-

способностей отдельных индивидов к выполнению различных видов труда⁵⁵. В предметно-практической деятельности создаются, а в форме и составе вещи закрепляются познавательные способности человека. При формообразовании предметов реализуются конструктивные художественные способности, степень их развития проявляется в мастерстве изготовления предмета, в «чувстве» материала, гармонии частей и целого, в удобстве предмета, в его соразмерности с человеческим миром.

В анализе генезиса денег Маркс раскрыл процесс формообразования знака (символа) как особой формы предметности: «Как меновая стоимость товаров благодаря процессу их обмена кристаллизуется в золотых деньгах, точно так же золотые деньги в обращении испаряются до своего собственного символа, сперва в форме изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательных металлических монет и, наконец, в форме не имеющих стоимости знаков, бумажек, простого знака стоимости»⁵⁶. Здесь образование знаков происходит на протяжении двух этапов деятельности: в обмене и обращении. На каждом этапе деятельность взаимосвязана с отражением.

В процессе обмена товар приобретает двойное существование: как потребительная и меновая стоимость. Как потребительная стоимость он представлен натуральным продуктом. Как меновая стоимость он необходимо должен быть представлен в иной форме, позволяющей соотнести разнообразные потребительные стоимости в одном масштабе. По мере развития обмена потребительные стоимости сводятся к всеобщему эквиваленту. Этот эквивалент отражается в абстракции — рабочее время⁵⁷ абстрактно-всеобщего труда. Абстракция материализуется (кристаллизуется) в вещной форме — золоте как мере стоимостей⁵⁸. Уже на этом этапе формообразования золото — знак, то есть овеществленная абстракция, общезначимый символ, выражающий некоторое общественное отношение⁵⁹. Будучи знаком, золото вместе с тем обладает и реальной потребительной стоимостью.

В процессе обращения товара знакообразование продолжается. Золото как мера стоимостей замещается новым знаком — деньгами. Поскольку знаки-деньги замещают золото, постольку они сохраняют (представляют) и его свойства как меры товарного обмена, как средств обмена, как представителя товаров и как всеобщего товара, то есть они сохраняют содержание отражения — рабочее время абстрактно-всеобщего труда. При этом субстанция знака качественно меняется, она последовательно принимает форму золотой (или серебряной) монеты, металлической монеты, бумажных денег, которые уже никакой реальной стоимости не имеют⁶⁰.

Каждой сфере деятельности свойственны свои законы знакообразования. Именно поэтому Маркс считал неправомерным сравнение денег с языком⁶¹. И вместе с тем, принадлежа к различным

знаковым системам, деньги и язык в своем генезисе имеют общие черты, отличающие их от вещного формообразования. Эти черты могут быть сформулированы следующим образом:

— в деятельности происходит мысленное отделение, абстрагирование социально значимого свойства предмета от самого предмета, и возникает необходимость обозначения символа — абстрактного заместителя этого свойства, его объективации в новом материале;

— «развитие общества вырабатывает вместе с символом также все более и более соответствующий ему материал... Символ, если он не произведен, ставит известные условия тому материалу, в котором он представлен»⁶²;

— предметная форма знака качественно отлична от тех предметов, обобщающие свойства которых он замещает;

— символ (знак) как отражение по содержанию адекватен, подобен абстрактному социально-значимому свойству. Так знаки-деньги в сфере производство — обмен — распределение — потребление отражают определенные общественные отношения. Слова — знаки понятий — отражают определенные внутренние и внешние свойства предметов;

— знакообразование — объективный процесс, творчество всей социальной системы: «Сам язык в такой же мере является продуктом определенного коллектива, как, с другой стороны, он сам есть наличное бытие этого коллектива, к тому же его самоговорящее бытие»⁶³.

Иные законы формообразования присущи социально-нормативной предметной деятельности. Они могут быть выведены из анализа К. Марксом генезиса общих правил (норм) регуляции общества: «На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*»⁶⁴. С одной стороны, правила-нормы есть отражение стихийно сложившихся средств регуляции экономических и социальных процессов. С другой стороны, опредмеченные в форме обычаев или социальных институтов, они закрепляют и воспроизводят социальную организацию конкретно-исторической системы. Непременное условие превращения стихийно сложившихся форм в обычаи — длительность существования этих форм⁶⁵. Исторические этапы формообразования средств регуляции предстают как движение от системы обычаев к разнообразным социальным институтам (законам, кодексам) и социальным учреждениям.

Таким образом, в совокупном предметном мире, созданном людьми — в вещах, знаках, художественных произведениях, в формах

общения и поведения, в нормах и институтах социальной регуляции, отражаются и утверждаются сущностные силы человека конкретно-исторической общности. Поскольку в этих сущностных силах в свою очередь отражаются уровень социально-экономического и культурного развития, а также динамика и структура определенной социальной системы, можно сказать, что не только сознание в его языково-понятийной форме, но и все предметные формы бытия человека являются специфическими формами социального отражения этого бытия.

Идея органической связи принципа предметно-практической деятельности с теорией отражения последовательно проведена в книге К. Р. Мегрелидзе «Основные проблемы социологии мышления». Автор доказывает, что в процессе трудовой деятельности «в продукте происходит претворение и выявление субъекта», в нем реализуется «конкретная цель и определенное желание», «овеществляются и сохраняются опыт, умение и разум субъекта»⁶⁶. Предметные формы мысли — слово, техническая конструкция, рисунок, архитектурное сооружение и т. д. — единственно возможные средства общения и деятельности людей⁶⁷. Предметный мир человеческой культуры составляет основу и содержание разумной деятельности человека: «Если бы сознание человека не окружал внешний предметный мир разума, мир материальной культуры, языка и т. д., то не было бы и внутреннего разума, сознание человека было бы пусто, отсутствовала бы память, не возникло бы никаких задач и вопросов, невозможно было бы целеполагание»⁶⁸. С точки зрения К. Р. Мегрелидзе, создание предметного мира осуществлялось как формообразование: «Деятельность человека выводит вещи из их естественного бытия... и сообщает им разумные, полезные формы, переводит их из области природы в область социальной действительности, в область культуры»⁶⁹.

Методологически важно понимание К. Р. Мегрелидзе вещей как «документов общественного сознания», в которых объективируется опыт множества индивидов, превращенный в социальный опыт. Следствие такого понимания природы вещного мира обращено непосредственно к археологам: «Если археология хочет быть действительно исторической наукой, а не кропотливым сортировщиком вещей по традиционным классификационным схемам, ...она должна научиться читать эти письмена вещей, кроющихся большей частью не в виде реальных надписей, а в форме деятельности и образа мыслей людей, оставивших о себе эти памятники»⁷⁰.

§ 3. Деятельность и пространственно-временной континуум социального бытия

Вся категориальная сеть деятельностного подхода начинает работать при рассмотрении общества как системы. К. Маркс опре-

делил систему как целостность, возникающую в ходе исторического развития: «Сама эта органическая система как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы»⁷¹.

В теории общественно-экономической формации Маркс обосновал формационный срез общественной системы. Основные положения теории развернуты им при анализе капиталистической формации и форм, предшествующих капиталистическому производству. Теория общественно-экономической формации содержит все необходимые признаки, которые обеспечивают целостность, относительную самостоятельность социальной системы по отношению к внешней среде. К ним принадлежат прежде всего системообразующие элементы, придающие формации (социальному организму) качественную определенность как характеристику целостности (производительные силы, производственные отношения, надстройка⁷²). Второй признак — наличие структуры, то есть законов связи, организации компонентов (соответствия производительных сил, надстройки — базису, общественного сознания — общественному бытию⁷³, относительной самостоятельности сознания⁷⁴). Диалектика производительных сил и производственных отношений, производственных отношений (экономического базиса) и надстройки отражает иерархический характер связи элементов системы. Развитие системы как саморазвитие осуществляется через ее внутренние противоречия⁷⁵. Социальная система есть совокупное целое, которое, «исходя из собственной действительности, само полагает условия своего собственного осуществления»⁷⁶.

Определив деятельность как движение, присущее только социальной субстанции, К. Маркс в «Капитале» и подготовительных рукописях к нему выводит и предельные абстракции форм социального движения, и различные системные уровни их конкретно-теоретической развертки. Речь идет о таких предельных основаниях, как пространственно-временной континуум. Социальное время определяется как мера деятельности⁷⁷, а социальное пространство — как мера ее покоя⁷⁸. В социальной системе любого уровня пространственно-временной континуум есть мера бытия системы. Категория «мера» означает, что пространство и время являются формами связи (организации) качественных и количественных характеристик системы и, следовательно, определяют границы ее существования. Эти положения вытекают из анализа К. Марксом времени и пространства в Капитале как системе общественных отношений. В его исследовании время предстает как естественная мера движения — деятельностного изменения качественно определенной капиталистической системы. Рабочее время — время производственной созидательной деятельности — есть мера труда, то есть социальное время связано с характеристикой социальных про-

цессов, процессов развития и изменения системы. И действительно, при анализе Капитала как процесса К. Маркс устанавливает границы, меру существования капиталистических общественных отношений через взаимосвязь понятий рабочее время — необходимое рабочее время — прибавочное время⁷⁹. За пределами границы — присвоения капиталистом прибавочного рабочего времени — прекращается существование капитала как системы исторически определенных общественных отношений⁸⁰.

Социальное пространство — мера покоя, мера качественной устойчивости определенной социальной системы. Именно поэтому понятие «пространство» в «Капитале» употребляется значительно реже, нежели «время»: в исследовании речь идет о едином пространстве — в границах капиталистических общественных отношений. В этих временных пределах социальное пространство есть условие и способ организации деятельности⁸¹, способ функционирования воспроизводства системы определенных общественных отношений⁸². Специфическую форму существования социального пространства составляет предметный мир — мера покоящейся деятельности, иначе говоря, опредмеченные сущностные силы человека, сопряженные в структуре социального организма как условия, средства и результаты его существования. Особое внимание К. Маркс обратил на предметно-вещный мир как меру покоящегося, осуществленного труда⁸³. Граница распространения качественно определенного предметного воплощения социальной системы в конкретно-исторических условиях очерчивается как граница общины, конкретной исторической общности. Таким образом, социальное пространство и время на уровне всеобщих определений социальной системы взаимно связаны: социальная субстанция (предметный мир) функционирует и развивается в процессе деятельности людей в определенных пространственно-временных формах и границах.

На первых этапах освоения природы, когда Земля как всеобщий предмет человеческого труда⁸⁴ обеспечивала человека готовыми жизненными средствами, материал (предмет труда) выступал в естественных природных формах. Орудия труда — «препарированная природа» — опосредовали присвоение жизненных средств в охоте, собирательстве, служили для производства каменных орудий. В этот период жизнедеятельность человеческих коллективов предопределялась природными пространственно-временными параметрами: атмосферными и биологическими циклами и ритмами, соотносимыми с ритмами бытия человека как телесного существа. Различные природные условия — «различия в плодородии почв, в распределении водных и земных ресурсов, гор и равнин, в климате, в географическом положении, в наличии полезных ископаемых, ... сюда присоединяется разнообразие находимых в природе орудий труда»⁸⁵ — привели к разделению занятий между различными племенами и к обмену между ними.

По мере исторического развития бытие человека с внешней стороны представляется как постепенная замена непосредственного природного окружения (природных пространственно-временных форм) предметно-вещным окружением. Происходила замена непосредственной зависимости человека от природно-климатических условий опосредованной — через сырье, механическую и электрическую энергию, ирригацию, одежду, жилища; непосредственной зависимости в предметах потребления (пище, воде и др.) вещно-опосредованной цепочкой от окультуренного поля и средств механизации на нем до газовой плиты и водопровода в квартире. В цивилизованных обществах условием бытия человека является пространственно-временной континуум предметного мира — совокупные сущностные силы предшествующих поколений⁸⁶.

Эта всеобщая историческая тенденция замены природного пространства предметно-вещным, начиная с детства человечества и на различных этапах его развития в различных системах принимала конкретно-исторические формы реализации: «Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам»⁸⁷. То есть бытие реального человека протекает в условиях определенной сначала природной, а затем предметно-вещной среды конкретно-исторической общности. Предметно-вещная среда разных исторических общностей различается как в синхронном, так и диахронном отношении, поскольку воспроизводство общины, в том числе в ее предметном воплощении, *«неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее»*⁸⁸. Несмотря на относительную длительность разрушения предметных форм в традиционных обществах, в создании новой системы вещного, знакового, социально-нормативного, художественно-образного мира фиксируется новый этап развития конкретно-исторической общности.

Социальное пространство и время — не просто внешняя оболочка человеческого существования и не только условия его бытия. Реальная жизнедеятельность человека есть процесс превращения условий бытия в средства и формы его осуществления. Создание отдельной вещи предопределялось целью. Можно ли усмотреть такую же сознательную заданность в организации предметно-вещного мира отдельного человека, семьи, социальной группы, конкретно-исторической общности? Эмпирически различимой клеточкой целенаправленной организации выступает совокупность вещей определенного функционального назначения, обуславливающая жизнедеятельность человека в определенной сфере. Отправным пунктом рассуждения, следуя формационной логике, является анализ производственной сферы, которой противостоит непродовственная. Жизнедеятельность человека в пределах этих разных

сфер протекает в различных пространственно-временных условиях и формах.

Рассмотрение форм бытия производственной сферы К. Маркс начинает с кооперации. Кооперация как взаимодействие людей, работающих одновременно в одном и том же пространстве, с одной стороны — наиболее примитивная форма общественного разделения труда, с другой — всеобщая форма, лежащая в основании всех общественных устройств, направленных на повышение производительности общественного труда⁸⁹. В результате кооперации производятся такие потребительские стоимости, которые иначе не могут быть произведены⁹⁰.

В зависимости от внешней формы и границ производственного пространства-времени К. Маркс выделил две формы кооперации: открытую подвижную и относительно замкнутую. Открытый контур представляет собой расширение пространственной сферы труда, диктуемое объективным расположением (протяженностью) предметов труда в пространстве. Первой конкретно-исторической формой такой кооперации была коллективная загонная охота⁹¹, когда определенное число охотников взаимодействовало в пределах территории от местонахождения стадных животных до края высокой террасы или специально выкопанных ям. В дальнейшем эта форма кооперации возникала при строительстве ирригационных систем, дорог и т. п. Закрытый контур — пространственно суженная сфера производства за счет концентрации работников и средств труда в одном месте⁹², на производственной площадке. Ранняя форма такой кооперации — строительство большого жилища, разделка туши мамонта, более поздние формы — строительство храмов, пирамид и т. д.

Эти контуры пространственных связей деятельности различаются в зависимости от временных границ. В простой кооперации они являются дискретными⁹³ — одноразовыми или сезонными — когда в определенный момент «приводится в движение большое количество труда в течение короткого промежутка времени»⁹⁴. Одноразовая кооперация связана с технологией труда (поднятие каменных блоков, балок и пр.), а сезонная определяется природными циклами (ловля сельди, посев и сбор хлеба, стрижка овец)⁹⁵. На более поздних стадиях развития производства появляется кооперация с непрерывными формами труда.

Уже в эпоху первобытности произошло разделение труда внутри общин и начались общественное разделение труда и обмен деятельностью между общинами. К. Маркс разделение труда определил как более развитую, нежели начальные, форму кооперации, сущность которой — одновременное выполнение работниками различных операций⁹⁶. Предметно общественное разделение труда проявляется в дифференциации, специализации и упрощении орудий одинаковой функции (режущих, сверлильных, дробильных и

др.)⁹⁷. При этом дифференциация представляет собой развитие и упрочение форм (прежде всего, форм рабочего края орудий), а специализация — применение орудий только в определенном виде труда, в определенной операции. Маркс вывел эти законы развития орудий для мануфактурного периода, но они имеют более общий характер и действовали также в эпоху первобытности. Правда, в эту эпоху дифференциация и специализация орудий еще не свидетельствовала о разграничении различных сфер и отраслей труда, она лишь создала возможность половозрастного разделения труда⁹⁸.

В пределах пространственно-временных границ кооперации логика связи людей между собой и с предметами труда диктовалась целями (конечной целью) производственного процесса. Цель идеально представлена как технологический план⁹⁹ — модель деятельности. Технологическая модель предметно реализуется во взаиморасположении работников и определенных средств производства в производственных операциях. Далее, цель процесса предусматривает сроки своей реализации, которые в конкретной деятельности предстают как определенные темпы (ритмы) производственных операций¹⁰⁰ и скорость связей между операциями.

Сам временный характер простой кооперации означал, что наряду с этой общественной формой труда бытовали другие способы производственных процессов: индивидуальный труд (например, собирательство, охота на мелких животных), а также сочетание кооперации и индивидуального труда (совместная добыча камня и индивидуальное изготовление каменного инвентаря). И в этих случаях сохранялись (и различались!) предметные контуры технологических связей в труде. Так, остатки каменоломни, следы работы в ней, количество орудий по добыче камня и его первичной обработке позволяют судить о совместном труде коллектива людей. Небольшой размер производственной площадки, определенный набор орудий по производству каменных изделий и отходы производства могут свидетельствовать об индивидуальном характере труда.

В кооперации, даже на первых этапах ее развития, будь то коллективная охота или совместное строительство жилища, объективная логика связей предметных элементов труда (технологических связей) необходимо дополнялась сознательным управлением процесса¹⁰¹. Последнее заключалось в регуляции одновременности действий, контроле за своевременным переходом от одних совместных операций к другим, поддержании единого ритма работы¹⁰². С разделением труда внутри общины регуляция всех производственных процессов становится одним из необходимых условий осуществления этих процессов. Регуляция предметно реализуется в социально-нормативных формах — обычаях, традициях, позднее — в институте надсмотрщиков, штрафов и т. д.

Итак, внешняя форма организации производственного прост-

ранства (будь то площадка сезонной стоянки в устье реки или лямка бурлаков) диктуется целями внутренней организации производственного процесса. По отношению к отдельному человеку форма вещных условий труда, их пространственное взаиморасположение, скорость и ритм труда и в условиях простой кооперации, и при машинном производстве выступают как внешне заданный пространственно-временной континуум его труда¹⁰³. Эту внешнюю детерминацию человек воспринимает через реальные условия труда и технологическое отношение к ним, необходимые межличностные связи обучения, обмена опытом, через продолжительность рабочего дня, норму выработки и межличностные связи контроля за мерой труда.

Как видно, целесообразность производственной пространственно-временной организации, определяемая технологической логикой организации труда, в ее предметных формах выявляется достаточно зримо. За пределами технологической необходимости объективно возникает и определенным образом коррелируется с ней логика общественных отношений. К. Маркс при анализе капиталистического производства показал, что за технологической целесообразностью может скрываться цель самовозрастания капитала¹⁰⁴, а вещный и социально-нормативный пространственно-временные контуры различных форм кооперации есть конкретные формы проявления исторически определенных общественных отношений¹⁰⁵.

Предметные условия труда и сущностные силы человека — не природное достояние индивида. В условиях труда — зданиях, сырье, орудиях — реализованы сущностные силы современников или предшествующих поколений. Наличие сущностные силы конкретного человека — результат его социализации, включенности в деятельность и общественные отношения определенной конкретно-исторической общности. Создавая вещи, человек через предметные условия труда вступает в уже существовавшие общественные отношения, зависящие прежде всего от того, в какой опосредованной форме (через общинную, рабовладельческую, феодальную или капиталистическую собственность) производитель связан с предметно-вещными условиями труда.

Двойственное отношение человека к условиям труда — непосредственная связь с ними в технологическом цикле и опосредованная с точки зрения общественных отношений — выступает как противоречие реализации сущностных сил человека в его деятельности. Частичная, регламентированная или полная реализация способностей человека находит выражение в делении предметно-вещного мира на изделия стандартные, безликие, сугубо утилитарные и предметы искусные, воплощающие творческие способности человека. Таким образом, материализуя частично или целиком свои сущностные силы в предметы, человек тем самым реализует

определенные общественные отношения систем, развивающих или ограничивающих развитие и реализацию способностей, позволяющих их осуществить только в пределах узкой социальной группы или каждым членом общества в целом.

По мере развития производительных сил, общественного разделения труда происходит разграничение сфер деятельности на материальную и духовную, в особые виды производства выделяются религия, семья, государство, право, наука, искусство¹⁰⁶. Раз отделившись от сферы материального производства, другие сферы деятельности в своем развитии приобретают относительно самостоятельный характер, функционируют и изменяются по своим законам, фазы их движения могут не совпадать с фазами промышленной сферы деятельности¹⁰⁷. Речь идет о том, что каждая сфера производства имеет свой пространственно-временной континуум. Для сферы производства материальных благ основные пространственно-временные координаты составляет предметно-вещный мир. В сфере духовного производства свои пространственно-временные контуры образуют эмоционально-образные и знаковые системы, в том числе языково-понятийные. Будучи отражением реального, исторически определенного пространственно-временного континуума системы, они воспроизводят его особенности, но воспроизводят творчески, в особых формах. Поэтому, скажем, мифологическое пространство-время лишь частично совпадает с контуром реального пространственно-временного континуума первобытной исторической общности. Сфера общения и регуляции накладывает на экономический и духовный контуры пространственно-временных связей свой отпечаток, закрепляя их через систему норм, обычаев, обрядов, традиций, позже — законов и других социальных институтов.

Бытию человека в любой сфере производства противостоит его жизнедеятельность в непродуцированной сфере. Понятие «непродуцированная» — условное, так как в действительности семья, быт, досуг — есть воспроизводство самого человека как социально-деятельностного и телесного существа, а также производство потомков и их воспитание (социализация). Материально-вещные условия этого воспроизводства составляют жилую среду, объединяющую в одном месте человека, его семью, условия и средства удовлетворения как его первичных жизненных потребностей — в сне, пище, питье, одежде, жилище¹⁰⁸, так и исторически возникающих новых социальных потребностей. Ячейкой жилой среды является жилище. Его внешние пространственные параметры, как и форма отдельной вещи, определяются прежде всего функциональным назначением. Основное назначение жилища — создание условий ежедневного воспроизводства собственной жизни человека, а также производство и воспроизводство других людей¹⁰⁹, то есть обеспечение пространства социальных по своей природе семейно-бытовых

отношений и его предметно-вещная организация. Вторая функциональная направленность жилища — защита его обитателей (человека, семьи) от природных явлений — ветра, холода, жары, влаги.

Производственная и семейно-бытовая сферы с разделением труда сначала частично, а затем более жестко разделяются (различаются) в пространстве и времени реального бытия человека, поскольку производственный пространственно-временной континуум детерминирован логикой общественного производства и воспроизводства, а семейно-бытовой — логикой производства и воспроизводства телесного социального человека. Вместе с тем в системе производство — обмен — распределение — потребление этот разрыв относителен, он снимается, перекрывается логикой бытия общности как экономического целого, логикой связи (общественных отношений) внутри этого целого, необходимостью регуляции всей общественной жизни в целом.

В подготовительных рукописях к «Капиталу» Маркс доказал, что при одном экономическом базисе — земледелии и земельной собственности¹¹⁰, но в различных природных и исторических условиях возникают различные (азиатская, античная, германская) формы собственности. Им соответствуют различные контуры пространственно-временной предметной связи как внутри экономической целостности, так и между экономическими единицами в пределах политического образования. Особое значение имеет пространственное распределение социального времени.

При азиатской форме собственности¹¹¹ экономическое целое — община (земля с селом) существует замкнуто, изолированно от других общин, поскольку весь цикл сельскохозяйственного и ремесленного производства на базе рабочего времени и соответственно природным циклам, а также воспроизводство самого человека происходит внутри этого экономического целого. Пространственная связь с высшим, объединяющим началом (политическим, божественным) осуществляется через прибавочный продукт (прибавочное время), превращенный в дань, в свою очередь, предметно обусловленную законом. Эта форма реализации прибавочного времени общинника не разрывает пространственной замкнутости общины. Опосредованно она выступает экономическим основанием для создания и функционирования города — стана деспота, городов — торговых центров и дорог для торговли за пределами страны. Вторая форма реализации прибавочного времени — общественные работы по поддержке ирригационной системы и торговых путей, строительству храмов и гробниц — периодически вырывает общинника из замкнутого пространства села и дополняет контур связей всех социально-пространственных единиц политического целого.

Иначе выглядит этот контур при античной форме собственности¹¹², когда экономическое целое (город с пашнями) совпадает

пространственно с политическим целым — городом как концентрацией жилищ земельных собственников — членов общины (политическое, военное объединение). Прибавочное время жителя города (общинника, земельного собственника) принадлежит общине и реализуется в виде общественных собраний, военного дела.

При германской форме собственности¹¹³ экономическим целым являлось жилище (дом) семьи — собственника земельного участка, отделенного от других пространством общинной земли. Внутреннее основание общины как целого — общность происхождения, единая история, язык. Внешние контуры связи экономических единиц диктуются экономическими интересами (пастьба скота, охота на общинной земле) или социально-регулирующими (сходки для совместного отправления религиозного культа, разрешение тяжб, взаимная помощь в войнах).

Итак, формы собственности предопределяют различные пространственно-временные контуры связей (общественных отношений) экономического и политического целого. В свою очередь, различные общественные отношения имеют различное предметное выражение: **вещное**, представленное как специфическая распределенность и взаимосвязь элементов жилой среды и производственной сферы деятельности внутри экономического целого и за его пределами; **социально-нормативное** (конкретно-исторические обычаи, традиции, законы) внутри социальной системы; **знаковое и эмоционально-образное** (своеобразные формы отправления религиозных культов, фольклора, формы межличностного общения). При этом различные предметно-выраженные контуры общественных отношений могут накладываться друг на друга (например, в античной форме), а могут и не совпадать или совпадать частично.

Таким образом, предметная среда в ее вещной, знаковой, социально-нормативной формах есть социальный пространственно-временной континуум бытия человека в общественной системе. Контуры предметности отражают исторически определенную систему общественных отношений, меру качественной устойчивости и границы развития социальной системы.

Глава IV

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ И РЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЕЩНОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ

Основные положения принципа предметно-практической деятельности, раскрывающие природу предметного мира, механизм его образования и роль в жизнедеятельности общества, составляют методологическое основание концепции предметно-вещного мира, создание которой необходимо для дальнейшего развития социологии, этнографии и истории.

При разработке археологической теории можно выделить три ведущие звена этой концепции. Исходным является тезис о том, что вещный мир есть компонент предметного среза социальной системы любой общественно-экономической формации. Место вещного мира в общественной системе определяется через его роль в различных сферах производства и жилой среде, где он составляет условия и способ организации пространственно-временного бытия человека. При этом каждая сфера деятельности в ее предметном выражении — вещном, социально-нормативном, знаковым (в том числе словесно-понятийном), художественном — есть одновременно сфера производства и воспроизводства «действительно деятельного человека»; то есть ведущим системообразующим началом предметного среза социальной системы является общественный человек. Соотнесенность компонентов предметного мира и основных сфер деятельности в первом приближении может быть выражена следующим образом:

Сфера деятельности	Производство средств производства и предметов потребления (экономическая)	Семейно-бытовая	Социально-регулятивная	Духовная
Предметные формы бытия человека	Вещная производственная среда	Вещная жилая среда; телесная организация человека	Социальные нормы	Знаковые и эмоционально-образные формы

Эту схему можно развернуть, определив место, роль и функции предметно-вещных форм в каждой сфере жизнедеятельности и установив характер существенных связей вещного компонента с социально-нормативным, знаковым и художественно-образным. Смысл такой рефлексии — установление возможности реконструкции по вещным формам предметности всего предметного мира бытия человека определенной конкретно-исторической общности.

Вторая ведущая идея археологической теории состоит в том, что вещный мир есть отражение исторической действительности посредством механизма формообразования.

Она может быть развита путем установления законов предметно-вещного формообразования в каждой сфере человеческой деятельности. Важно, что выявление этих законов позволит глубже раскрыть первое звено рефлексии — определит генезис и границы функционирования вещного компонента определенной исторической общности.

Установление границ существования определенной системы и ее предметно-вещного компонента выводит на третье звено концепции — выявление законов образования культурного слоя вообще и отложения вещей в культурный слой в частности. Знание этих законов позволит установить, возможно ли по вещным остаткам реконструировать предметно-вещный мир конкретной общности прошлого.

§ 1. Вещный мир экономической сферы деятельности и природная среда

В соответствии с принципом материализма анализ вещного мира экономической сферы деятельности должен быть первым разделом теории археологии. Он имеет хорошо разработанную концептуальную основу — теорию общественно-экономической формации. Вещные компоненты производительных сил эпохи первобытности изучали и философы¹, и экономисты², и этнографы³. Как уже отмечалось, анализ экономической сферы составлял основу исследований советских археологов с 1930-х до 1960—1970-х гг., когда стало успешно применяться палеоэкономическое моделирование⁴. Необходимость обращения к вопросам реконструкции экономической сферы жизнедеятельности по вещественным источникам продиктована нарастающим интересом историков к экологическому подходу и разным пониманием археологами и этнографами этого подхода при анализе общественных процессов.

Во II главе мы говорили о том, что в экологическом подходе биологов использованы общенаучные принципы системности и исто-

ризма. Однако концепции, разработанные на основе биологической теории адаптации, принципиально не могут быть использованы для объяснения связей биологических и социальных систем. Речь идет о взаимодействии систем двух различных уровней движения материи — биологического и социального, каждый из которых обладает специфическими основными противоречиями и законами. И если антропогенные воздействия на природу действительно приводят к адаптивным процессам природных систем, то обратный процесс совершается по законам, вытекающим из природы общественного развития.

Многие отечественные авторы, обосновывающие экологический подход через идею адаптации, широко используют выдержки из работ К. Маркса и Ф. Энгельса: о единстве истории природы и человека⁵, о природе как объективных условиях труда⁶, о двух классах внешних природных условий, определяющих этапы исторического освоения природы⁷, о разнообразии природных факторов как одной из причин общественного разделения труда и обмена⁸, о воздействии природных особенностей на способ производства и образ жизни общин⁹. В ряде цитат речь идет об отражении природных явлений в общественном сознании¹⁰ и определении связи уровня освоения природы с гносеологическими корнями религии¹¹. На наш взгляд, понять перечисленные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса можно только в логике концепции предметно-практической деятельности, раскрывающейся через принципы системности, историзма, пространственно-временного континуума, отражения.

Обоснование этого принципа К. Маркс начал с определения связи: природа как условие развертывания жизнедеятельности человека — человек как телесное существо с природными задатками. Сущностью этой связи является новая форма движения — предметно-практическая деятельность, специфическим носителем которой является человек, социальная система. В процессе целенаправленной деятельности по преобразованию природного мира и социальных отношений природные задатки и способности человека развиваются и реализуются в предметный мир вещей, знаков, норм, художественных ценностей. Только в таком контексте можно понять слова К. Маркса о единстве истории природы и человека: «Сама история является *действительной* частью *истории природы*, становления природы человеком.

Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*»¹².

Основания саморазвития социальных систем каждой исторической эпохи заключены в созидательной активности человека. С этой точки зрения история общества может быть понята как процесс предметно-практической деятельности человека по изменению

природной и общественной среды в соответствии с исторически меняющимися сущностными силами и, прежде всего, общественными потребностями человека. Подобная установка противоположна представлениям о консервативности человеческих коллективов и необходимости воздействия внешних факторов (например, климатических) для их развития.

Понимание специфики социальной субстанции как предметно-практических форм человеческой деятельности дает ориентиры для обнаружения в многомерной общественной системе наряду с формационным предметным срезом.

Попробуем рассмотреть взаимодействие социальных и природных систем в их развитии под углом зрения исторического пространственно-временного континуума, где предметный мир составляет специфическую форму пространственно-временной организации конкретно-исторической системы в ее предметном срезе. Здесь деятельностный подход необходимо должен быть дополнен формационным.

Рассмотрим два исторических этапа эпохи первобытнообщинной формации с точки зрения уровня и характера развития производительных сил: присваивающих и производящих форм труда. На первом этапе, когда Земля как всеобщий предмет человеческого труда¹³ обеспечивала человека готовыми жизненными средствами, материал (предмет труда) выступал в естественных природных формах. Жизнедеятельность человеческих коллективов предопределялась природными биологическими и атмосферными пространственно-временными параметрами. Основной формой организации производственной деятельности первобытного коллектива являлась открытая и подвижная кооперация.

Это была пространственная организация труда по объективной природной логике местоположения и маршрутов движения предметов труда. Первые конкретно-исторические формы такой кооперации — загонная охота, поиск камня, необходимого для создания орудий.

Вместе с тем уже в условиях присваивающего характера производительных сил начали складываться производящие формы труда по созданию орудий, строительству жилищ, изготовлению одежды, домашней утвари из дерева, кости и глины. Именно производящие формы труда явились основой формирования социального пространства-времени. Его контуры определялись кооперацией относительно замкнутого характера. Закрытый контур организации деятельности — это пространственно ограниченная сфера производства за счет концентрации работников и средств труда в одном месте — на производственной площадке. Ранняя форма такой кооперации — строительство большого жилища, разделка туши мамонта и др. В пределах пространственно-временных границ такой кооперации связи людей между собой и с предметами труда

диктовались уже не природными циклами и маршрутами, а целями и логикой производства. Освоение огня и развитие начальных производящих форм труда обусловили пространственный скачок обитания человека, обеспечили возможность его расселения по всем континентам. Согласно деятельностному подходу состояние коллективов в новых природных условиях Ф. Энгельс определил не как адаптацию, а как процесс возникновения новых потребностей и появления новых отраслей труда. Создавались «новые виды деятельности, которые все более отдаляли человека от животного»¹⁴.

К эпохе каменного века восходят традиции природопользования охотников и рыболовов. Сложилась традиционная моральная установка промысловой охоты и рыболовства (система запретов), направленные на ежегодное воспроизводство дичи и рыбы¹⁵. Этнографические материалы свидетельствуют, что приемы и орудия рыболовства коми и манси в конце XIX — начале XX вв. сохранили многие архаичные элементы и отличаются большим разнообразием.

На фоне быстро растущих и изменяющихся потребностей одного поколения и событийно насыщенного пространственно-временного континуума наших дней современному исследователю развитие первобытного общества с присваивающей экономикой представляется как простое воспроизводство на протяжении многих тысячелетий. При таком восприятии процесса для объяснения каких-либо существенных изменений в первобытном обществе действительно надо искать внешние причины. Вероятнее всего, в первобытную эпоху развитие общин носило различный характер: были тупиковые ситуации, были периоды длительного застоя, когда на протяжении ряда поколений хозяйство и культура воспроизводились в репродуктивных формах. И вместе с тем, археологи уже сейчас имеют веские доказательства того, что прогресс первобытного строя выражался в поступательном развитии производящих форм труда: в изменении техники каменных орудий (С. А. Семенов), образовании и развитии домостроительных традиций (А. Н. Рогачев, В. Я. Сергин), постепенном накоплении знаний и навыков (Б. А. Фролов) и их предметном закреплении. Хотя и медленный, но все же прогресс в развитии производящих форм труда может быть объяснен только внутренними причинами: противоречиями между возрастающими потребностями (а также способностями, знаниями, навыками) первобытных людей и отсутствием в окружающей природной среде готовых форм, естественных природных средств удовлетворения этих потребностей.

В древних коллективах (общинах) связь с природной средой уже на этапе присваивающего хозяйства опосредовалась социальным пространственно-временным континуумом: предметно-вещными (орудия, жилища, огонь и др.), знаковыми (язык и символика

орнаментов), социально-нормативными (обряды, обычаи) формами организации хозяйственной и бытовой сфер и экзогамией как социальным институтом в сфере воспроизводства человека¹⁶.

Для установления причин перехода к производящему хозяйству необходимо вернуться к обоснованию тезиса о том, что в основании перехода лежал исторически определенный уровень развития производительных сил. Прежде всего необходимо определить весь состав производительных сил первобытных коллективов. Производительные силы включают орудия и средства производства. И переход от каменной индустрии к металлургии, возникновение гончарства и ткачества представляли собой гигантские шаги в развитии производящего хозяйства. Требуется доказать, что становление скотоводства и земледелия есть внутренне обусловленные процессы.

Основная производительная сила первобытного времени — это человек, первобытный коллектив, община, и есть необходимость рассмотрения всех аспектов этого феномена. Должны быть учтены физические и физиологические возможности человека-труженика, демографические параметры конкретно-исторических коллективов. При всей важности этих характеристик ведущим началом в понимании человека как производительной силы с точки зрения деятельностного подхода являются его сущностные силы. Речь идет о многовековом опыте предшествующих поколений, воплощенном в уровне развития потребностей, способностей, знаний, навыков, чувств человека конкретно-исторического коллектива. При таком понимании состава производительных сил весьма убедительной представляется идея В. Р. Кабо о том, что одной из предпосылок возникновения скотоводства был богатый опыт охотников, а земледелие появилось «на основе собирательства, достигшего высокой ступени развития, нередко специализированного»¹⁷.

Итак, уровень развития производительных сил, при котором присваивающий труд сменяется производящим, — это и определенный уровень практической деятельности, предметно реализованный в орудиях и средствах производства, и определенный уровень развития сущностных сил первобытного человека как могучего потенциала преобразующей деятельности. Под таким углом зрения при всем многообразии форм перехода к производящему хозяйству суть процесса представляется как скачок, прерыв в кумулятивном развитии всех форм деятельности древних общин, как результат внутренне обусловленной тенденции развития производящих форм в недрах присваивающего хозяйства.

Превращение производящих форм труда в ведущую характеристику производительных сил привело к повышению производительности труда и появлению прибавочного продукта, сделало возможным постоянный обмен между общинами. Изменение содержания труда потребовало новых форм организации как самого

труда, так и всей жизнедеятельности первобытных коллективов. Основной формой пространственно-временной организации труда стала кооперация замкнутого типа. В самом общем виде она предстает как разделение и фиксированное ограничение времени и места производства сырья (добыча камня, руды, глины, обработка полей, стойловое содержание скота и пр.) от времени и места переработки сырья и изготовления продуктов потребления (металлообработка, изготовление предметов быта, переработка и заготовка продуктов питания и др.).

В своей исторической тенденции этот процесс привел к разделению города и деревни.

Непосредственные связи общины и природных систем осуществлялись при производстве сырья. В условиях замкнутой кооперации производящего хозяйства некоторые биологические процессы подвергались направленному воздействию человека: регулировался состав стада и в определенной мере воспроизводилась его численность; использовались новые растительные культуры и повышалась их урожайность за счет ирригации, удобрения почвы или введения севооборотов.

Это воздействие было тем более эффективным, чем глубже были знания и опыт древних коллективов. В целом же контуры организации скотоводства и земледелия определялись природными циклами.

В сфере производства предметов общественного и индивидуального потребления взаимное расположение людей, сырья, орудий диктовалось технологией производства и потребностями коллектива. С природными пространственно-временными параметрами оно было связано весьма опосредованно.

В жизнедеятельности конкретных первобытных общин этапа производящего хозяйства сочетались различные формы замкнутой кооперации. Их дополняли открытые формы традиционного охотничьего или рыболовческого типа и индивидуальные формы охоты и собирательства. Следствием многообразия форм деятельности первобытных коллективов было «стихийно сложившееся разделение труда внутри общин»¹⁸. Оно предопределило регуляцию не только по логике каждого вида деятельности, но и в соответствии с потребностями коллектива, по логике связи всех видов деятельности.

В связи с разработкой этнографами концепции хозяйственно-культурного типа обозначились новые средства раскрытия тезиса, что природные факторы определяют различие форм ведения хозяйства. Отправным пунктом рефлексии всех современных советских исследователей является определение ХКТ, сформулированное М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым в 1950-е гг.: «Под хозяйственно-культурными типами следует понимать исторически сложившиеся комплексы, характерные для народов, обитающих в

определенных естественно-географических условиях при определенном уровне их социально-экономического развития»¹⁹.

Представляется убедительной точка зрения В. П. Алексеева о ХКТ как реально существующих тенденциях хозяйственно-культурной деятельности человечества и об их характере как несистемном множестве автономных элементарных единиц²⁰. Она согласуется с представлениями о ХКТ как экономических районах древности²¹. Вместе с тем, исследователи вполне справедливо отмечают незавершенность разработки концепции и малооперациональность основанной на ней типологии. Видимо, есть необходимость вернуться к вопросу о том, существует ли ведущий фактор образования и развития хозяйственно-культурных типов. Ученые, придерживающиеся концепции социальной адаптации, видят этот фактор в природных условиях. Лишь Я. В. Чеснов связывает существование ХКТ с общественным разделением труда²². Думается, что в поисках критериев выделения ХКТ определенное место должны занять как сочетание видов деятельности, так и формы их связи, составляющие ядро пространственно-временного континуума жизнедеятельности обществ конкретно-исторических этапов развития.

Необходимо объяснить факты действительной связи характера жилищ и народной одежды с природными условиями, функциональную рациональность орудий, связанные с природой сюжеты пластики и фольклора. «Хозяйственные постройки и жилища, — пишет В. П. Алексеев, — во многом отражают (здесь и далее подчеркнуто нами. — В. В.) ландшафтно-климатическую специфику не только того или иного ландшафтного пояса, но и особенности именно данного микроландшафта и микрорайона... То же можно повторить и про народную одежду, локальная специфика которой отражает не только традиционно сложившиеся стереотипы, но и функциональную рациональность в зависимости от климатических условий, характера преобладающих хозяйственных занятий и т. п. ... Те стороны жизни и быта, которые формируют эстетические впечатления и действия, затем находящие отражение в народном искусстве, представляют собой конкретную специфику данного, а не какого-либо другого хозяйственного коллектива»²³. Автор неоднократно употребляет категорию «отражение», но она концептуально связана с биологической формой движения.

Действительно, в процессе деятельности при взаимодействии социально-экономической ячейки со средой происходит отражение этой среды, но не на биологическом, а на общественном уровне. Специфика общественного отражения состоит не только в большей адекватности, но и в творческой переработке действительности, в формообразовании по законам этой действительности в соответствии с общественными потребностями и всеми остальными существенными силами человека конкретно-исторической общности. Цель отражения первобытным коллективом внешней среды, будь то

создание хозяйственной постройки, жилища или пошив одежды, формовка и украшение сосудов — деятельность по удовлетворению потребностей коллектива. Деятельность только тогда может иметь положительный результат, когда среда отражается адекватно, соответственно ее свойствам, иначе говоря, когда коллектив обладает знанием свойств местных предметов труда (материалов, предметов охоты, собирательства и т. д.) и местных ландшафтно-климатических условий. Деятельность только тогда имеет смысл, когда коллективу известны средства и пути преобразования природных объектов. Суть отражения как творчества заключается, во-первых, в специфически человеческой способности постигать внутренние свойства и законы природного мира, без чего невозможно его преобразование, во-вторых, в «мощи человеческого мышления» (К. Маркс) как способности человека мысленно преобразовывать предметы и ситуации в новых пропорциях и композициях, соответствующих законам предмета и потребностям общественного человека. Познание внешнего мира и создание мысленных образов — не самоцель отражения. Мысленные образы предметно реализуются в практической деятельности.

Таким образом, экологический подход к анализу общественных явлений мы видим в соединении принципов системности, историзма, пространственно-временного континуума и отражения на основе содержательной предметно-деятельностной концепции. Какие проблемы призван решить этот подход? Во-первых, те, которые были очерчены в работах В. П. Алексеева, В. Р. Кабо, М. Ф. Косарева: реконструкция взаимодействия природных и общественных систем на уровне больших этапов общественного развития и биологических сукцессий; создание моделей формирования и развития хозяйственно-культурных типов больших регионов, становление в них производящего хозяйства. Во-вторых, вопросы палеоэкономического моделирования на уровне конкретных исторических общностей. Наконец, экологический подход необходим при создании теории культурного слоя.

§ 2. Вещный мир в системе традиции — обычан — обряды древних обществ

Различные общности при наличии единых по содержанию общественных отношений в ходе исторического развития вырабатывали свои правила, формы деятельности, общения и сознания, составляющие системы правовых, нравственных, эстетических, технологических норм, кодексов, этикетов, традиций. Эти формы специфичны для каждой конкретной исторической общности, поскольку выражают систему ценностей, выработанных в конкретной среде, существующих в определенном знаковом выражении²⁴,

понятных только в данной общности и отличающих ее от других. Именно они предметно очерчивают социальные пространственно-временные границы общности.

Этнографы накопили большой фактический материал и установили некоторые эмпирические закономерности развития традиционных форм в конкретных сферах жизнедеятельности²⁵. Понятия традиции, обычаи, обряды, ритуалы, праздники наиболее часто употребляются именно этнографами. И вместе с тем, еще недостаточно отечественных теоретических трудов в этнографии, где бы эти понятия рассматривались специально. В археологической литературе часто встречаются выражения «культурная», «технологическая», «орнаментальная» традиция²⁶. Так же, как и в этнографии, понятие «традиция» у археологов стереотипно и не подлежит содержательному осмыслению. Историки культуры, психологи, философы, за редким исключением²⁷, не предпринимали попытки рассмотреть эти понятия в функциональном единстве и соотнести с конкретными историческими общностями. Они исследовали отдельные понятия или их совокупность в ракурсе проблем социальной психологии, личности и общества, преемственности, образа жизни. В первом случае традиционные формы анализировали только как явления духовной жизни²⁸, во втором — как средства социализации личности²⁹, в третьем речь шла преимущественно о традициях³⁰, в последнем традиции, обряды включали в состав образа жизни чаще всего как стереотипные понятия. В религиоведении³¹ содержатся подробные характеристики понятий «обычай», «обряд», но они направлены преимущественно на анализ духовной (религиозной) деятельности, в них нет объяснения причин и механизмов становления, развития, изменения традиционных форм применительно к конкретной общности.

В первобытной общественно-экономической формации при низком уровне развития производительных сил, неразвитости общественных отношений еще нечетко разделялись сферы деятельности, синкретическое общественное сознание было непосредственно вплетено в материальную деятельность, в общение людей³². И вместе с тем, уже в это время стихийно возникали социальные средства регулирования и наследования. Они появились, во-первых, из потребности общества как целостной системы в организации, саморегуляции, включения каждого индивида в эту целостность и подчинения его определенным условиям общественной жизнедеятельности³³, во-вторых, из потребности сохранения и передачи социального опыта деятельности и общественных отношений одного поколения другому. Формы социальной регуляции возникают и развиваются как устойчивые, повторяющиеся изо дня в день, из поколения в поколение стереотипы, правила, нормы, принципы деятельности, общественных отношений, сознания.

В литературе нет четкого определения различий между поня-

тиями «традиция», «обычай», «обряд» и характера их взаимосвязи. Исходя из того, что в первобытном обществе деятельность, регуляция и общение четко не разграничиваются, рассмотрим эти понятия под углом зрения сфер деятельности, временных и пространственных параметров, функций, структуры и предметной реализации.

Традиция. В литературе встречается неправомерное, на наш взгляд, отождествление преемственности и традиции и в связи с этим ограничение функций традиции передачей человеческого опыта³⁴. С одной стороны, понятие «традиция» уже преемственности как категории диалектического материализма: во-первых, потому что традиция — явление социальное, во-вторых, потому что традиция — это временная, межпоколенная преемственность; пространственная преемственность через обмен деятельностью, заимствования, миграции, по крайней мере в условиях первобытного общества, означала ломку традиционного. В-третьих, с развитием производительных сил, общественным разделением труда, появлением постоянного обмена деятельностью границы традиционного в общественной жизни сужаются до семейно-бытовой и духовной сфер, в остальных сферах деятельности традиционные формы становятся вспомогательными способами регулирования.

С другой стороны, понятие «традиция» шире категории «преемственность». Традиции чрезвычайно важны не только в переломные, переходные периоды как форма исторической связи между эпохами, как способ передачи опыта во всех сферах деятельности. Для традиций как принципов и форм деятельности во всех сферах конкретно-исторической общности характерна временная непрерывность в течение больших периодов, поскольку они выполняют функции регуляции, организации, стабилизации общественной системы. Им присуща социально-пространственная замкнутость, локализация в пределах определенных географических границ жизнедеятельности социального организма, дискретность, неравномерность распределения.

Содержание периода определяют социологические характеристики — совокупность всех общественных отношений, система принципов, по которым строятся эти отношения³⁵, а последние вытекают из фазы развития противоречия между характером и уровнем производительных сил и производственными отношениями. Время бытования традиций — эпоха, определенный этап общественно-экономической формации. Отдельные традиции могут выйти за пределы своей эпохи, могут возродиться через несколько поколений и стать достоянием ряда социальных общностей. Однако в этих случаях традиционные формы преобразуются в соответствии с содержанием исторических процессов и органически входят в систему новых общественных отношений³⁶.

Традиции в их совокупности — целостная характеристика куль-

туры исторической общности. Этнография, археология, фольклористика фиксируют многообразные традиции. Принципы организации производственных материальных процессов исторически принимают форму технологических традиций: отношение человека к естественным условиям труда (природе), к вещественным условиям, к другим людям в процессе труда, к самому труду и его результатам. Вторая группа традиций — **семейно-бытовая** — связана с регуляцией в сфере воспроизводства индивида и его семьи. Она включает отношение человека к жилищу, его интерьеру, к семье, досуговому времени. Третья группа традиций — **этническая** — представляет собой форму организации общности как единого целого. В нее входят: отношение индивида к своей общности, ее прошлому, к различным социальным группам внутри общности; к другим социальным организмам (обмен деятельностью, семейно-брачные связи, вражда). **Традиции духовной жизни**, с одной стороны, отражают объективно существующее общественное бытие, с другой — выступают важнейшим средством регуляции системы. Интересно отметить, что осознание единства на уровне социального организма (общины, племени) в мифологическом сознании древних германцев утверждается через совпадение местонахождения священного дерева, центров обитания людей, жилищ богов и средоточия добра³⁷. Организация экономической и семейно-бытовой жизни, видимо, не требовала столь серьезного мифологического обоснования.

Традиции как совокупность принципов жизнедеятельности конкретно-исторической общности осознаются членами коллективов как ценность только через конкретную форму их проявления. Поэтому второй структурный срез традиций — конкретные формы воплощения традиционных принципов деятельности, общественных отношений, сознания в пределах социальной системы. Этнография, история культуры в числе таких способов называют обычаи, обряды, культы, праздники, игры. Этим структурным единицам присущи некоторые общие черты: коллективный, обязательный характер, детальная регламентация, закрепление и поддержка общественным мнением, сложный состав (единство деятельности, общественных отношений, сознания), опосредованность предметными формами, выражение в единой знаковой системе.

Остановимся на понятии «норма», поскольку это клеточка общественных отношений. Норма — регламентированное общественным мнением правило поведения индивида в определенной общественно значимой жизненной ситуации. В совокупности обычаи, обряд, праздник, игра представляют собой многократно повторяющийся перебор всех основных жизненных ситуаций через механизмы подражания и сопереживания. Путем включения каждого члена коллектива в систему традиций происходит социализация индивида, превращение общественных норм в индивидуальные

привычки, стереотип поведения. В нормах отражаются и закрепляются коллективные представления об отношении к труду, о взаимоотношениях в процессе труда, об отношении к предметам и орудиям труда, к его результатам (распределение, обмен, потребление), к условиям жизнедеятельности (природной и предметной среде), к членам конкретной общности (различного пола, возраста, социального статуса), к семье, иноплеменникам. Первобытное общество нередко называют традиционалистским, подразумевая под этим нормативный характер, жесткую регламентацию всей жизнедеятельности коллектива.

Обычай — форма деятельности и общественных отношений в определенной сфере деятельности (материально-производственной, семейно-бытовой, духовной, общения и регуляции). Характерна межпоколенная временная непрерывность обычая в пределах определенного периода. Фиксируется несовпадение этих периодов в различных сферах деятельности ввиду относительной самостоятельности развития каждой. Более обстоятельного объяснения требует несовпадение времени бытования обычая (период) и времени существования традиции (эпоха). Во-первых, в течение эпохи происходят изменения, обусловленные внутренними причинами, и прежде всего развитием производительных сил: появляются новые виды деятельности, происходят технологические открытия, осваиваются новые природные материалы, повышается производительность труда. Эти изменения касаются прежде всего технологических традиций и принципы общественных отношений не затрагивают. Вместе с тем, изменяя формы производственной и бытовой деятельности, они изменяют черты материально-вещной среды (формы орудий, предметов быта). В археологии именно эти изменения лежат в основании деления эпох на периоды (например, ранняя, развитая и поздняя бронза). Во-вторых, в исторических процессах определенную роль играют внешние факторы. При наличии постоянных контактов или даже при эпизодическом обмене деятельностью, в случае изменения климатических условий или при миграции племен возможна варибельность некоторых традиционных форм деятельности и общения при неизменности технологических, регулятивных принципов и форм духовной жизни. Эта варибельность осуществлялась через компоненты традиционного и, прежде всего, через обычай.

Обычай как повседневная, регламентированная общественным мнением деятельность и отношения в определенной сфере включает стереотипный акт действия, целесообразную последовательность этих актов, определенный их ритм (количество актов в единицу времени), правила поведения индивида в коллективной процедуре, знаковые формы (язык, жесты), определенные предметы и орудия деятельности³⁸. В обычае осознается необходимость следования установленным правилам как залог достижения реальной цели.

Какие функции выполняет обычай? Во-первых, он служит формой, программой и способом организации деятельности в конкретной области. Во-вторых, является механизмом передачи трудовых навыков новым поколениям. Наконец, обычай регулирует общение в процессе труда и в повседневной бытовой жизни, выступает как конкретное воплощение традиционных принципов (коллективизм, взаимопомощь и др.) в производственном процессе, обмене, распределении и потреблении. Могут ли обычаи выходить за пределы конкретно-исторической общности? Движение обычаев возможно в результате длительных контактов между общинами (семейно-брачных, экономических), в результате процесса ассимиляции. Важно при этом отметить, что движение охватывает в первую очередь обычаи, связанные с производственной деятельностью.

Предметная реализация обычая — это, во-первых, привычная, повторяющаяся в ряде памятников совокупность орудий и средств труда, связанных с традиционными видами хозяйственной деятельности. Во-вторых, это привычные для данной конкретной общности предметы труда (материал, из которого строят жилище, объекты охоты или состав стада). В-третьих, это привычная последовательность действий, технология труда, отражающаяся, например, в способе крепления сруба, составе теста глиняного сосуда, металлографии изделия из бронзы. Наконец, обычай регламентирует конечный результат деятельности, требует, чтобы предметы создавались строго определенной формы (например, округлые, прямоугольные или многоугольные в плане жилища). В результате действия обычая предметы одного назначения (жилища, наконечники стрел, сосуды) в различных общностях приобретали различные состав и форму, а предметно-вещная среда одной общности отличается от другой, отражая различные образы жизни.

Второй компонент традиционных форм — **обряды**. Это дискретные, спорадические или сезонные общественно значимые события, процедуры. Сезонные обряды связаны с характером производственной материальной деятельности, с зависимостью этой деятельности от природных циклов (начало охоты, нерест рыбы, посев или сбор урожая). Обряды могут быть начальной или завершающей стадией деятельности сезонного характера³⁹, включаться в различные ее этапы, таким образом они непосредственно вплетаются в обычай.

Иные дискретные общезначимые события связаны с фиксацией узловых моментов жизнедеятельности членов общины: их рождения, совершеннолетия, заключения брака, смерти. В состав обряда входят: массовое действие-символ, замещающее реальный процесс прошлого или будущего и не имеющее непосредственного реального следствия; регламентированная последовательность таких действий — ритуал; правила поведения человека в массовом действии; средства образности, наглядности, выразительности (танец,

песня, театральное действие, музыкальное сопровождение), задающие обряду один ритм или смену ритмов, эмоциональную насыщенность; знаки-символы (языковые, в виде рисунков, скульптуры, орнаментальных композиций). Под символом первобытного общества понимается знак, обладающий некоторым внешним сходством с замещаемым объектом или его частью. Это сходство не носит жесткого характера, оно достаточно ясно для однозначного восприятия символа всем коллективом и достаточно выразительно, чтобы вызвать ассоциации у каждого участника действия, заставить его сопереживать⁴⁰.

В своей совокупности обряды выполняют ряд функций: способствуют формированию социальных чувств и эмоций, нравственных качеств индивида, определяют стереотип поведения человека в коллективе. Обряды выступают как средства воздействия на стихийные силы природы, то враждебные, то благоприятные для деятельности человека. Обряды, как и обычаи, приобщали индивида к коллективу как единому социально-этническому целому. В них это единство и отличие от других общностей осознавалось как единое мифологическое прошлое, как причастность каждого к единой системе связей (личностных и предметных), присущих только данной общности и понятных только в ней. Наконец, обряды, как и обычаи, это активное включение каждого члена коллектива во все формы деятельности и, следовательно, способ формирования различных навыков и творческих способностей всех членов коллектива.

Для свершения обрядовых действий создавались специальные обрядовые предметы-символы, олицетворяющие природные силы и общественные связи: ритуальные фигурки людей, животных, маски, жертвенные плиты, снаряды для зажигания священного огня, votивные фигурки, погребальная посуда. Вместе с тем, поскольку любая деятельность в первобытности включала в себя элементы обряда, слитность целесообразного и иллюзорного в деятельности воплощалась в единстве утилитарного и символического в вещи. Символика выражалась в пластических формах деталей, не имеющих производственно-бытового смысла, в декоре на вещах. По свидетельству этнографов, каждая вещь предметного мира могла быть полезной только в случае, если имела некоторую целесообразную форму (единство морфологических характеристик), регламентируемую обычаями или обрядом во всех ее деталях⁴¹.

При единстве содержания деятельности и общественных отношений конкретных обществ близкого социально-экономического уровня и одного природного региона в каждой такой общности вырабатываются специфические формы деятельности, свой образ жизни сообразно технологическим традициям и специфические формы общественных отношений сообразно культурно-историческим традициям. Специфика образа жизни закрепляется в обычаях, обрядах, имеющих смысл и ценность только в пределах конкретно-

исторического общества. Форма и состав предметов, их взаиморасположение, знаковая система, представленная в каждой вещи, отражают и очерчивают социально-пространственные и социально-временные границы конкретно-исторической общности.

§ 3. Мифологическое сознание и вещи

Особенности мифологического сознания первобытного общества описаны в трудах большого круга специалистов: философов, искусствоведов, психологов, лингвистов, литературоведов, историков, этнографов. Мы обращаемся к одному направлению в этом потоке — к исследованиям отечественных литературоведов и историков, изучавших фольклорные источники периода разложения первобытного строя.

В работах М. М. Бахтина 1930-х гг. были обозначены некоторые важнейшие методологические посылки подхода к анализу мифологического сознания. Прежде всего это идея исследования в мифах и эпосе пространственно-временного континуума восприятия мира человеком⁴². Большим эпохам (они фактически у автора совпадают с общественными формациями и этапами их развития) соответствуют различные художественные формы отражения исторического пространственно-временного континуума — хронотопы⁴³. Свои особенности имеет мифологическое пространство-время, разные хронотопы соответствуют разным периодам античного и замкового времени, в эпоху Возрождения они разнообразятся и принимают совершенно новые формы. Эта идея была разработана в монографиях М. И. Стеблин-Каменского и А. Я. Гуревича, раскрывших особенности пространственно-временного видения человека периода перехода от первобытности к феодализму⁴⁴ и эпохи средневековья⁴⁵. Особо плодотворна в работе М. М. Бахтина идея соотношения пространственно-временного художественного восприятия различных эпох с уровнем развития сущностных сил конкретно-исторического индивида — его потребностей, способностей, социальных чувств и активности.

Рассмотрим под углом зрения пространственно-временного континуума связь мифологического сознания и предметно-вещного мира. В мифологическом сознании первобытного человека ближайшая чувственно воспринимаемая среда есть предметный пространственно-временной континуум бытия человека, складывающийся из окружающих его и включенных в его жизнь конкретных явлений природы, из связей с людьми конкретной общности, с конкретными вещами⁴⁶.

Выбор периода перехода от первобытнообщинного строя к феодальному продиктован возможностями сопоставления трех пространственно-временных контуров: теоретически-конкретного и мифологического, выраженного в фольклорной и вещной формах пред-

метности. Эпохе разложения первобытнообщинного строя присущ ряд характерных черт. Развитие металлургии железа, кочевого скотоводства, пашенного земледелия, военного дела привело к выделению человека из природы. Превращение большой патриархальной семьи в самостоятельную экономическую единицу и установление в ней ведущей роли мужчины способствовали началу выделения личности (мужчины) в обществе. Второй аспект изменения духовных представлений связан с процессом социальной и этнической консолидации населения, основанной уже не столько на родственных, сколько на территориально-экономических связях. Сложность регуляции новых отношений внутри формирующегося классового общества и необходимость защиты территории требовали новых средств организации. В этнографии этот процесс представлен формированием племенных союзов и племенного божества, появлением тайных мужских союзов, возникновением института шаманизма⁴⁷.

Если сопоставить социальный пространственно-временной континуум исторической реальности германских общин периода разложения первобытнообщинного строя, воспроизведенной в работе К. Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству»⁴⁸, с представлениями о нем в «Младшей Эдде»⁴⁹, то можно обнаружить определенное тождество контуров. Оно состоит в выделенности домов (жилищ) как мест обитания семей, во взаимосвязи этих пространственных центров с другими (в пределах одной общины) через поклонение одним богам, участие в совместных сражениях, а также в четком представлении о территориальных пространственных границах, в пределах которых эти связи осуществляются. Но на этом, пожалуй, осознанность объективно существовавшего пространственно-временного континуума кончается. Его языково-понятийная модификация может быть объяснена специфической мифологического сознания, которое моделировало окружающий мир и по его реальной мерке, и по своей логике. Последняя определялась относительной замкнутостью и визуальной обзорностью пространства жизнедеятельности первобытного коллектива, смутным осознанием временных границ его существования и одушевлением всех предметов и явлений природного и социального мира.

Пространственные границы общинной (племенной) территории воспринимались как границы центра жизнедеятельности людей. Он был одновременно обиталищем богов и местом, где росло священное дерево. Границы этого центра совпадали со средоточием добра. За пределами центра помещалась окраина (с севера и востока) — враждебное пространство карликов и великанов (не людей), олицетворяющих зло, враждебные силы природы (волк, змея, холодный ветер) и враждебную социальную среду (реки, несущие ножи и мечи). Предметно-вещно границы центра и окраины разделялись

стенной (?) и крепостями (городищами). В пределах центра пространство-время прерывно, оно выражено через разрозненные события, локализующиеся либо в жилище, либо на поле сражения. Такое пространственное восприятие, для которого характерно определение масштабности предмета не по метрическим меркам, а по степени социальной значимости, а также то, что за точку отсчета (центр мира) берется мир человека (жилища людей, общины), М. И. Стеблин-Каменский определил как эффект обратной перспективы⁵⁰.

В мифологии угорского населения Урала можно разглядеть два рода действий культурного героя или богатыря. Первый аналогичен жизни обычного человека обско-угорского круга: охота на лыжах при помощи лука и стрел, перевозка добычи на нартах, рыбная ловля посредством лодки и калдана (сети), бытовая жизнь в доме. Но эти повседневные действия не определяют логику мифа, они составляют лишь фон повествования. Второй род действий — необычный, мифологический. В мифах и песнях упоминается семь миров, но пространственно-композиционная структура по вертикали, как правило, трехмерна, ограничена верхним, средним (земным) и нижним мирами. Способ вертикального перемещения героя может быть непосредственным, например, спуск сына Верхнего духа через дыру в семь сажен в нижний мир или полет того же героя в образе гуся в верхний мир. Но эти пути могли быть и опосредованы вещно: лестницей или цепью⁵¹.

Основные мифологические действия разворачиваются в земном мире. Центр этого мира — Уральский хребет⁵². Периферию составляют Низовая северная сторона за морем, Птичья страна на юге, мифическое огненное или горячее море⁵³. В пределах одного мифа горизонтальное пространство однолинейно и дискретно. Линейность задается целями действия героя. Дискретность проявляется в отсутствии связи между событиями в жизни героя, которые начинаются в его жилой среде. Далее они происходят каждый раз, когда герой на своем пути сталкивается с обитателями иной жилой среды: менквами в лесу, духами вод в реке, богатырями другой фратрии или иного этноса⁵⁴. Аналогично события разворачиваются в жилищах верхнего и подземного миров.

Таким образом, вещный мир угорского мифа эпохи разложения первобытнообщинного строя фиксирует пространственные контуры организации деятельности героев и составляет условие и средство их действий.

Мифологическому сознанию свойственно отождествление прошлого и настоящего, вытекающее из циклического характера природного пространственно-временного континуума — основного условия жизнедеятельности первобытных коллективов, и вместе с тем, мифологическому сознанию переходной эпохи уже присуще чувство истории. А. Я. Гуревич проследил в «Песне о Нибелунгах»

три пространственно-временных континуума: современный, эпохи переселений и вневременную сказочную древность⁵⁵. М. И. Стеблин-Каменский также отмечает, что в трех хронологически разных сагах по-разному осознается время⁵⁶. Очень важен факт восприятия различия континуумов как различия физических и нравственных сил человека, различия социально-политического статуса людей⁵⁷. Наложение континуумов — особенность мифологического сознания, связанная с представлением о возможности перехода из настоящего в прошлое и будущее. Интересен способ перехода — переправа через водную стихию на корабле⁵⁸. Аналог — погребальные обряды викингов. Важно отметить, что уже для этого периода характерно появление такой черты мифологического сознания, как «историческая инверсия»⁵⁹ — локализация в прошлом в образе богатырей-предков идеала силы, справедливости и гармонии.

Мифологическое сознание представляло живыми, реальными, одушевленными не только людей и животных, но и саму землю, страны света, предметы природы и вещи, изготовленные человеком, рисунки. Сон и миф отождествлялись с реальными событиями⁶⁰. Анализ наиболее древнего пласта мансийского фольклора — мифов и мифологических сказаний — позволяет заключить, что в событиях как пространственно-временных узловых точках действий героев вещи выполняли две функции. В своем основном назначении в мифе, как и в жизни, они опосредовали действия богатыря или персонажа пантеона. Реже происходили превращения человека в вещь, например, в иглу или кольцо⁶¹. Ко временам овладения искусством металлургии уходят представления о таинственных силах кузнецов: старик кует молотом железо и из искр появляются войны. Такой же эффект дает крутящееся веретено мудрой старухи⁶².

Этнографически известна зависимость полезных свойств рукотворных предметов от материала, формы и цвета⁶³. Эта зависимость уходит вглубь сказочного времени. Недолговечность человека объясняется тем, что первые люди были вылеплены из глины⁶⁴. Наиболее прочными являются лодка и сани из кедра и лиственницы. Эпитет «железный» (гагара, чайка, лягушка, упряжка быков) означал, что вещь обладает сверхъестественными возможностями⁶⁵. Особое место в действиях человека-богатыря приобретают части одежды. Надвинув на глаза шапку из соболей, богатырь становится невидимым⁶⁶. Женщина-богатырь, глядя через бахрому платка, видит очень далеко и даже сквозь воду⁶⁷. Кольцо с пальца может открыть железную дверь в горе, а его потеря равнозначна смерти девушки. Действия богатыря не мыслятся без кольчуги, лука со стрелами, меча и ножа. Потеря меча означает потерю богатырской силы⁶⁸.

Степень гиперболизации свойств вещей оказывается связанной с разделением труда и зависит от его характера. Гончарство — весьма древний производящий, но общедоступный труд. Ткачест-

во — более позднее изобретение, но не выделившееся в ремесло и доступное всем женщинам. Производство железа — уже ремесло, занятие определенной группы мужчин-кузнецов. Преувеличение свойств предметов связано с одеждой героев, так как она отождествлялась с частями человеческого тела. Для нас особый интерес представляет восприятие человеком вещи как живого существа, обладающего различными «способностями» — функциями, соответствующими форме этой вещи. «Способности» той или иной домашней утвари, лука, стрелы, дубины и всякого иного оружия тесно связаны с каждой деталью их формы. Вот почему детали неизменно воспроизводятся «с величайшей точностью»⁶⁹. Речь идет о всех деталях формы предмета, как связанных с функцией, материалом и технологией, так и не связанных с ними. И вместе с тем, в формообразовании как отдельной вещи, так и функционального комплекса вещей всегда есть некоторая вариабельность. Теоретики дизайна именно в ней увидели определенную меру творчества, свободы формообразования⁷⁰. В деятельности различных конкретно-исторических общностей эта свобода проявлялась по-разному: в цвете, декоре, пропорциях⁷¹. Для нас интересен и важен сам факт совпадения целостного образа вещи в восприятии и в деятельности.

Картина мира, представленная в эмоционально-образной форме предметности мифа и эпоса, акцентировала внимание индивида лишь в определенном направлении: она закрепляла моральные и этнические ценности, способствуя утверждению общности как целого и ее регуляции. В той же эмоционально-образной форме предметности мифологическую картину мира дополняет металлическая, глиняная, каменная пластика. Так, культовое литье, изделия прикладного искусства, оставленные населением лесного и лесостепного Приуралья, позволяют увидеть определенные черты разложения первобытного строя в изменении традиционной картины мира. Начало процесса восходит к ананьинскому времени раннего железного века: выделяется фигура мужчины-воина (большая и малая стелы из Ананьинского могильника)⁷², появляются мужские глиняные фигурки. В ананьинском прикладном искусстве встречаются изделия, выполненные в скифо-сарматском зверином стиле. Содержание социальных процессов ананьинской общности было близко савроматской, поэтому сюжеты металлических изделий, несмотря на южное происхождение образов (пантера, грифон), вписывались в круг представлений местного населения. Наиболее ярко представлен культ солнца. Солярная символика воспроизведена на бляшках и пряслицах. С ней связано появление культа коня, о чем свидетельствуют распространение коньковых подвесок (городище Алтен-Тау, селище Заюрчим) и находки костей коня в могильниках. Богатые поясные наборы из бляшек с привесками еще представляют большую редкость в мужских погребениях. Важно отметить сложную солярную символику на металлических привесках из погребения Зуевского могильника⁷³.

В пьяноборское время (вторая половина раннего железного века) в связи с созданием союзов племен наблюдается разграничение форм некогда единой духовной культуры. Возможно, к этому периоду восходит расщепление родового тотема на племенной и индивидуальные. Можно предположить, что бронзовые изображения с гляденовских кострищ (разнообразные животные, птицы, пчелы, змеи) представляли собой личных духовпокровителей тех, кого подвергали кремации. Вполне вероятно, что к этому же времени относится идея разделения миров. В металлической пластике появляются сюжеты всадников. Всадник (всадница) на лошади — отражение представления о солнечном всаднике (всаднице) — небесном светиле. Появляется также фигура человека на ящере или трехчленная фигура — всадник на коне, а конь на змее — свидетельство новой сюжетной линии.

В начале позднего железного века процесс сложения первобытной соседской общины, повышение роли отдельных лиц в экономической и социальной жизни общности обозначились появлением богатых погребений воинов-мужчин⁷⁴. Обычай роскошного украшения пояса, эпизодический в ананьинское время, для этого времени становится традиционным как для женщин, так и для мужчин. Ряд обстоятельств свидетельствуют в пользу культового значения пояса. Прежде всего, это богатство его украшения. Так, пояса населения мазунинской культуры украшались 1—4 круглыми бляхами из крупных раковин (диаметром до 8 см), привезенных с берегов Индийского океана. Бляхи иногда покрывали циркульным орнаментом, в свое время они были окрашены в красный цвет⁷⁵. К поясам прикреплялись зооморфные и орнитоморфные подвески — индивидуальные обереги. Наконец, в погребениях этой же культуры повсеместно прослежен обряд положения пояса вдоль тела⁷⁶. Перечисленные факты находят объяснение в этнографии сибирских народов: пояс человека — это нить, связывающая его с верхним миром⁷⁷.

К VI—IX вв. у населения Приуралья складывается целостная система новых мифологических представлений. Наиболее рельефно ее представляют памятники ломоватовской культуры, где были распространены культовые ажурные пластины арочной формы, изготовленные в технике плоского литья⁷⁸. Пластины имеют трехъярусное строение, соответствующее представлению о трех мирах. Верхняя арка пластин, образованная головами лосей (лосих), по мнению Б. А. Рыбакова, символизирует верхний мир — небо. Нижняя часть — фигуры ящера, крота, бобра или ондатры — олицетворяет нижний мир. Средняя часть пластин — земной мир, композиционный центр которого составляют фигуры людей⁷⁹. Человеческие фигуры по краям сопровождаются головами или фигурами диких животных. Факт обилия диких животных на пластинах, изображенных реалистично или стилизованно, определил точку зрения ряда

авторов на сюжет пластин как отражающий родовые или фратриальные отношения⁸⁰. Более убедительной представляется трактовка сюжетов среднего мира Л. В. Чижовой: они являются отражением новых социальных отношений и, прежде всего, осмыслением человека как центральной фигуры земного мира. Это изображение человека-вождя или ремесленника-металлурга, мужчин, возможно старейшин, появление трехфигурной композиции семьи⁸¹. В традиционное, связанное с древним охотничьим бытом окружение человека животным миром прорываются символы производящего хозяйства — земледелия. Об этом свидетельствует культовая трехъярусная пластина из деревни Омелино, где в средней зоне к ногам человека склоняются колосья злаков⁸². Второй сюжет, также посвященный композиционному центру земного мира, посвящен шаману — посреднику между миром людей и верхним и нижним мирами⁸³. На голове шамана — убор в виде головы лосихи, усиливающий его могущество. Крылья вместо рук — средство путешествия в другие миры; звери на одежде, возможно, были духами-помощниками. Представляется, что они же изображены и на других бышках, которые могли нашиваться на одежду шамана.

Какие черты мифологической картины мира выстраивает система пластических образов? Прежде всего следует отметить динамический характер процесса возрастания самооценности человека (земледельца, ремесленника, воина): появление индивидуальных тотемов, предметно выраженных в разнообразных металлических подвесках — оберегах; выделение культовой значимости пояса — средства индивидуального общения человека с верхним миром; размещение человека на культовых пластинах в центре земного мира.

Племенная этническая консолидация и утверждение новых способов регуляции наглядно прослеживаются в формировании на основе родовых и фратриальных тотемов высшего космического божества. Таковыми были у обских угров человеко-медведь Нумиторем — создатель мира, прародитель людей⁸⁴, у предков коми-пермяков — небесные лосихи⁸⁵, предметно-образно представленные в бронзовой культовой пластике ломоватовской культуры. Параллельно происходило становление института шаманов, что образно представлено в той же культовой пластике. В отличие от фольклорного хронотопа образный мир пластики лишь косвенно, путем картографирования предметно-вещных остатков может очертить границы конкретной общности.

Ни в эпосе, ни в пластике не ставилась задача отражения формы хозяйственной деятельности конкретных коллективов. Лишь опосредованно, через то значение, которое придавалось культуре солнца в пластике, а также через утверждение космической тематики в фольклоре этого времени можно заключить о значительном месте природных циклов в мифологической картине мира. Представ-

ления о социально-экономическом пласте этой картины расширяются при анализе образно-эмоциональных, знаковых и вещных остатков календарно-промысловых и погребальных обрядов.

К первому кругу принадлежат обряды, которые совершались у писаниц — наскальных изображений. По мнению В. Н. Чернецова, зауральские писаницы могут быть датированы от конца эпохи неолита до средневековья включительно, поскольку календарно-промысловые обряды, связанные с весенним оживанием природы, размножением животных, прилетом птиц у населения одного хозяйственно-культурного типа имеют глубокие традиции. В писаницах представлено два основных сюжета. Первый: изображение зверя (лось, олень или косуля) в сочетании с солярным знаком, небесводом и ловчими орудиями или сооружениями⁸⁶. Реже в композицию включен человек⁸⁷. Второй сюжет отличается от первого только объектом охоты — на скалах изображены водоплавающие птицы в сочетании с загородками, ловушками, солярными и небесными знаками⁸⁸. Сюжеты свидетельствуют о коллективности мероприятий как в области промысла, так и в области культа⁸⁹.

Новые формы ведения хозяйства в Приуралье эпохи раннего средневековья нашли свое отражение в погребальном обряде. Так, в жертвенных ямах Урынского могильника наряду с костями лошадей и коров были помещены обожженные плиты-зернотерки, песты-терочники, зерно⁹⁰. Б. А. Рыбаков связывает уничтожение таких необходимых предметов, как зернотерки, с идеей циклического обновления в земледельческих культурах⁹¹. Кроме того, в предметно-вещных остатках погребального обряда нашли свое отражение социальные изменения. С процессом утверждения самооценности человека связана идея реинкарнации умершего в зверя или птицу, представление о существовании предка в нижнем мире в его человеческом облике. Предметно этот факт представлен изменением погребального обряда: в VI—IX вв. у населения ломоватовской культуры Верхнего Прикамья завершился переход от кремации умерших к ингумации⁹². В некрополях фиксируются ряды, соответствующие составу большой патриархальной семьи. Повсеместными стали погребения металлургов-мужчин и богатые мужские погребения. Поясные наборы этого времени стандартны на большой территории Евразии. По мнению В. Б. Ковалевской, сочетания деталей набора свидетельствовали о месте человека в военной и социально-административной иерархии общества⁹³.

Соотнесение мифологического сознания и предметно-вещного мира позволяет сделать два вывода:

— реконструкция картины мира любого общества будет неполной, если из исторического анализа исключен предметно-вещный мир этого общества;

— реконструкция картины мира первобытного общества возможна на основании вещной предметности, поскольку для челове-

чества на раннем этапе его развития характерны непосредственное вплетение сознания в материальную деятельность и материальное общение⁹⁴.

§ 4. Законы формообразования вещного мира

Основное направление поиска законов возникновения и развития предметно-вещного мира дал К. Маркс. Оно заключается в понимании процесса труда как формообразования соответственно природе предмета и сущностным силам человека⁹⁵. Человек — активное начало деятельности, а побудительный импульс этой активности — такая сущностная сила человека, как потребности, которые всегда носят конкретно-исторический характер: «Та или иная организация материальной жизни зависит, конечно, каждый раз от развившихся уже потребностей, а порождение этих потребностей, равно как и их удовлетворение, само есть исторический процесс...»⁹⁶. Отсюда следует ведущий принцип преобразования природных объектов в социальные — в соответствии с общественными потребностями. Иначе говоря, формообразование осуществляется соответственно функции создаваемой вещи.

Функциональный подход в исследовании археологических объектов не нов. О нем писали и А. С. Лаппо-Данилевский, и С. А. Жебелев, и В. А. Городцов. Используется он и в современных исследованиях, однако лишь по отношению к предметам отдельных сфер деятельности, главным образом к орудиям производственной сферы⁹⁷. Именно сочетание при анализе производственной сферы морфологического метода (установление связи функции с формой рабочего края, размерами и пропорциями орудия) и трасологического (определение связи следов сработанности с формой рабочего края и общей формой орудия) дали новую историческую информацию о хозяйственном укладе и степени развития специализации в конкретных обществах⁹⁸.

Свое функциональное назначение имеют сосуды — в них хранили запасы пищи и воды, приготавливали пищу. Известна посуда производственного и ритуального назначения. Археологи эмпирически устанавливают корреляцию функций сосудов с их размерами, пропорциями, общей формой. Факты наличия или отсутствия нагара, следов краски, ошлакованности существенно дополняют функциональный анализ морфологических характеристик сосудов.

В меньшей степени этот закон используется при исследовании остатков жилой среды. Поселения и жилища полифункциональны. Их первое и ведущее назначение — организация социального пространства жизнедеятельности конкретно-исторической общности (общины, семьи). Она предполагает определенный численный состав обитателей поселка и каждого жилища, коррелированный с основ-

ными видами хозяйственной деятельности и формой семьи. Археологи неоднократно обращались к методам этнографии и демографии для палеоэкономического моделирования⁹⁹. Присваивающая и производящая деятельность осуществлялась в основном за пределами поселений. Но поселения или жилища были прямо или опосредованно условиями осуществления и способами организации производственной деятельности, поскольку виды деятельности на поселении можно рассматривать как производственное и бытовое потребление того, что было создано или добыто за его пределами.

Важнейший вид труда на поселении — производство орудий и оружия из сырья, полученного в результате собственной добывающей деятельности или путем обмена. Об изготовлении и правке орудий всех видов деятельности можно судить на основании морфологического, сравнительно-исторического и трасолого-экспериментального исследования набора орудий с внезапно покинутых поселений. На памятниках с другими условиями археологизации реконструкция будет более относительна. На поселениях фиксируются следы производства продукции бытового назначения длительного пользования (посуда, одежда, украшения), переработки и потребления добытого охотой, собирательством и рыболовством, произведенного земледелием (кости животных и рыб, рыба чешуя, нагар на сосудах, обугленные зерна), орудия и средства переработки (зернотерки, сосуды для варки пищи и т. д.). Следы содержания домашнего скота отмечаются в виде участков поселений и остатков построек с интенсивно окрашенным слоем и минимальным включением культурных остатков.

Следы создания и перестройки жилых, хозяйственных и оборонительных сооружений имеют вид котлованов, ям, ямок, канав, углистых прослоек, обгоревшего дерева, позволяющих судить о материале, конструктивных и архитектурных замыслах древних строителей. Рисунки и пластика, краскотерки и остатки краски, фрагменты ритуальных сосудов, черепа животных свидетельствуют о духовной деятельности по созданию и использованию обрядовых предметов.

Отражая определенные общественные отношения, жилая среда выступает и как форма организации этих отношений. Структура социальных, в том числе семейных, отношений опредмечена в пространственно-планировочной организации поселения, жилища, а также в способе взаимосвязи вещных остатков в их пределах. Организация производственной деятельности закреплялась в планировке поселений (жилищ): площадок с набором орудий, сооружений хозяйственного назначения, мест для хранения сырья или готовой продукции, для отходов производства, очагов с кусками обожженной глины, шлаками, скоплением руды и т. п. Площадки для приготовления и потребления пищи, пищевых отходов, место для сна

или отдыха в виде остатков деревянных или земляных нар, определенного размера участка в жилище с малым включением находок и слабо окрашенным культурным слоем могут свидетельствовать об организации бытовой деятельности.

Взаимосвязь планировочных элементов на поселении позволяет выделить хозяйственную единицу. Ею могло быть жилище с прилегающими хозяйственными постройками. Экономическое целое могла составлять вся совокупность жилищ на поселении с общими хозяйственными постройками.

Этнографы еще в XIX в. отметили зависимость размеров и внутренней планировки жилищ от формы семьи и строя домашней жизни¹⁰⁰. Семейные отношения — наиболее древнее воплощение общественных отношений. Форма и размер семьи определяли минимум жилого пространства в виде малого (до 5 м²) или большого (свыше 100 м²) жилища. Последние нередко разделялись на камеры — малые жилые ячейки. Следы деревянных или земляных перегородок фиксируются в виде земляных валов или линий из столбовых ям, замыкающих площадки. Непременный признак жилой ячейки — наличие и определенное взаиморасположение очага, кухонного комплекса, места отдыха. Пространственным центром организации социальной единицы в постоянном жилище служил очаг, выполняющий бытовые, культовые и иные функции. Второе назначение жилищ — защита коллектива от природных и социальных явлений. Эмпирически эта связь прослежена этнографией: тип (озерный, речной, водораздельный) и форма (гнездовая, рядовая, замкнутая и др.)¹⁰¹ поселения определялась характером водоема, рельефом, климатическими условиями. С защитой от природных явлений связаны ориентировка жилища, форма его выхода и его местоположение относительно водоема и господствующих ветров, наличие дренажных канавок и др. Поселок неолита и бронзового века мог быть огражден от диких животных рвом или частоколом. В конце бронзового и в раннем железном веке для защиты от враждебной социальной среды появились укрепления.

Одежда, как и жилище, первоначально несла защитную функцию. Формообразование вещи соответственно ее природному материалу и технологии было зафиксировано в ранних работах дизайнеров¹⁰² и эмпирических исследованиях археологов XIX в. (С. А. Жебелева, В. А. Городцова). Полагаем, что подобная связь могла возникнуть при реализации в труде таких существенных сил, как знание и навыки.

Материал предмета труда — камень, глина, кость, дерево, металл — имеет множество свойств, которые до включения в процесс труда даны только внешне (цвет, форма, запах и т. д.). Лишь в процессе преобразующего воздействия человека на материал труда посредством орудия проявляются внутренние свойства природного материала: полезные, вредные или нейтральные для дости-

жения целей конкретного коллектива. Именно в деятельности путем многократных проб и ошибок формировалось знание социально полезных существенных свойств различных материалов. Формообразование осуществлялось путем выделения и максимального использования в природных предметах нужных для изготовления конкретных вещей свойств: пластичности, жесткости, упругости, теплопроводности и т. п. Выделение подобных социально значимых свойств осуществлялось при целесообразной обработке исходных форм материала посредством знаний-навыков и системы последовательных воздействий человека орудием на предмет труда. Такое технологическое формообразование предполагало технологические знания внутренних свойств не только материала, но и орудий труда, постепенное постижение человеком механических (рычаг), термических (обработка дерева, глины), химических (отливка бронзы) законов воздействия орудий на предметы труда. Основатель историко-функционального направления в археологии С. А. Семенов и его ученики доказали, что возможна реконструкция некогда угасших технико-технологических процессов посредством анализа морфологии изделий на различных уровнях¹⁰³. Эти реконструкции позволяют увидеть опредмеченные в форме изделия технологические знания, навыки и способности древнего человека, определить уровень их развития и проследить динамику¹⁰⁴.

Целостное восприятие предмета закреплялось в знании его внутренних и внешних свойств. Поиск нужного материала со временем становился осознанным действием — поисковым навыком определять по внешним признакам (например, цвету и форме камня) его пригодность для производственных нужд. Так складывались геологические знания древнего человека о том, где залегают различные породы камня, и началась их постоянная эксплуатация (об этом свидетельствуют шахты эпохи неолита, древние каменоломни и копи эпохи бронзы и т. д.).

Совершенствование орудий охоты и рыбной ловли, рисунки животных в пещерах, наскальные изображения животных, птиц и ловушек говорят о формировании с эпохи палеолита биологических знаний. Это подтверждают и этнографические наблюдения: «Для того, чтобы успешно добывать зверя, охотники должны были в совершенстве знать биологию лосей, оленей и косуль, их привычки и повадки, места кормежек, пути переходов и миграций»¹⁰⁵. В. Р. Кабо увидел предпосылки становления производящего хозяйства не только в производственной и социальной сферах, но и в познавательной: «Человек начал накапливать систематические знания о растительном и животном мирах за десятки тысяч лет до неолитической революции... Человек приступил к производящему хозяйству уже вооруженный некоей системой знаний об окружающем мире, и в этой системе отложились тысячелетия наблюдений, опыта, практики»¹⁰⁶. Анализ сюжетов палеолитических рисунков привел Б. А.

Фролова к выводу об отражении в солярной символике и приемах счета астрономических, биологических и математических знаний. Для автора бесспорна их практическая ориентация: «Удовлетворение специфических общественных потребностей охотничьих коллективов палеолита, потребностей, тесно связанных с цикличностью природных процессов, соотносимых с реальным астрономическим временем»¹⁰⁷.

Формообразование поселений и жилищ осуществлялось в соответствии со знаниями об окружающей природной и социальной среде, свойств материалов и орудий, технологии строительной деятельности. Знания в совокупности с навыками проявлялись в конструктивных, архитектурных и планировочных элементах жилых и иных сооружений.

Итак, формообразование соответственно сущностным силам человека — достаточно ли знания этой закономерности, чтобы объяснить возникновение, функционирование и смену вещного мира конкретно-исторической общности? Обращение к тем эмпирическим закономерностям, которые были выведены в работах С. А. Желелева и В. А. Городцова, и накопленным к настоящему времени свидетельствует о том, что недостаточно. Трасологический анализ орудий показывает, что между формой и функцией орудий нет жесткой связи¹⁰⁸. Чем можно объяснить подобный факт, помимо полифункциональности некоторых предметов?

«Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, — писал Энгельс, — отдельные процессы труда становятся самостоятельными по отношению друг к другу»¹⁰⁹. Они развиваются по собственным законам, соответствующим природе нового вида деятельности; фазы их развития могут не совпадать с динамикой исходной материально-производственной деятельности. Специфические законы новой сферы деятельности суть те самые законы эволюции вещей, которые были положены в основу формально-типологического анализа. Только в последнем каждая вещь рассматривалась как абсолютно самостоятельная. При анализе же вещей следует исходить из того, что самостоятельность каждой сферы предметной деятельности и ее результатов относительна. Она подчиняется законам конкретной сферы производства.

Анализ наиболее общих законов относительной самостоятельности развития сфер предметной деятельности, и в особенности духовной сферы, Ф. Энгельс дает в том же письме К. Шмидту, а также в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»¹¹⁰. Объективно существует определенная субординация сфер деятельности между собой и по отношению к сфере производства материальных благ. Внутри каждой сферы есть своя определенная иерархия потребностей, исторически наслоившихся на первичные жизненные потребности, и соответствующая иерархия форм деятельности. Чем дальше отстоит сфера деятельности от произ-

водственной, от удовлетворения первичных жизненных потребностей, тем относительно самостоятельнее ее развитие и развитие ее предметных результатов, тем больше степень свободы человека в формообразовании вещей. Так, в украшениях очень часто первоначальная функция теряет свой смысл: круглая застежка превращается в основание для шумящей подвески.

Второй закон (тенденция) относительной самостоятельности развития сфер предметной деятельности связан с **разным воздействием традиций на разные сферы деятельности**. Традиционность находится в постоянном противоречии с растущими потребностями, которые уже не могут быть удовлетворены при старых нормах, навыках, формах. Эти противоречия по-разному реализуются в различных сферах деятельности. Наиболее подвижной, менее консервативной является материально-производственная сфера. Строительство выделилось в особый вид деятельности с появлением искусственных построек, созданных с помощью орудий труда, и подобно другим видам оно развивалось относительно самостоятельно. В его эволюции большую роль играла преемственность, которая проявлялась в формообразовании соответственно традициям, обычаям, обрядам, выраженным в определенной знаковой системе. Среди строительных традиций, обеспечивающих накопление, организацию и передачу социального опыта, следует выделить технологическую.

Технологическая традиция выражалась в совокупности черт — обычаев строить жилища из привычного природного материала (дерево, глина, камень, земля), придавать им определенную в плане форму (округлую, прямоугольную, многоугольную), определенным образом соотносить пол с дневной поверхностью (землянка, полуземлянка, сооружение наземное, на сваях). В соответствии с обычаями балочно-стоечные конструкции варьируются, оставляя различные сочетания ямок от опорных столбов, у срубов могут быть различные способы крепления. Технологическая традиция проявляется также в обычаях создавать определенной формы очаги (яма, обмазанная глиной деревянная рама), хранилища (прямоугольные или округлые ямы, ниши), входы (коридорообразные, с навесом, тамбуром и др.), определенным образом затесывать и ставить столбы (о чем свидетельствуют ямки различного профиля).

Наконец, на **различные сферы деятельности** накладывают отпечаток **виды (формы) общественного сознания**. Это воздействие наиболее четко проявлялось в первобытную эпоху, когда все виды сознания — эстетическое, нравственное, религиозное — были непосредственно вплетены в материальную деятельность и ее результаты. Целостное представление о мире — мифологическая картина мира, отражая бытие конкретного коллектива, проявлялась во всех предметных сторонах этого бытия. Любую производственную деятельность — охоту, рыболовство, производство орудий, земле-

делне, строительство — предворяли и заключали обряды, которые расставляли смысловые акценты в этой деятельности в соответствии с бытующей картиной мира. Так, исследователи семиотического направления полагают, что традиционная картина мира определяла способы организации внутреннего пространства жилища: структура дома повторяет структуру мира и связана с механизмом ориентации в нем¹¹¹. Она объясняет ориентацию входа-выхода, устойчививое расположение печи и красного угла у восточных славян¹¹².

Если в производственной сфере картина мира давала лишь объяснение основной функциональной направленности действий, то в погребальном обряде она определяла все его основные функции. Как свидетельствуют этнографы, эти функции соответствовали мифологическим представлениям древнего человека о смерти¹¹³. Так, согласно картине мира эпохи разложения первобытнообщинного строя умерший продолжает в нижнем мире такую же жизнь, как в земном, поэтому он должен быть обеспечен всем необходимым для доставки в тот мир и обитания в нем. Функция перехода осуществлялась в различных формах, это могла быть кремация в погребальном костре, положение в лодку, ориентированную в направлении к низовьям реки и т. д. «Родственники стремились обеспечить умершего самыми необходимыми для привычного им образа жизни (подчеркнуто нами. — В. В.) вещами», — пишет о погребальном обряде тувинцев В. П. Дьяконова¹¹⁴. Женщин оставляли в обычной одежде, но их сопровождала парадная одежда с украшениями, конь со сбруей и орудия труда: котлы, посуда, скребки для обработки шкур, игольники, пряслица, корнекопалки и др. С погребенным охотником помещали ружье, лук со стрелами, каменные «походные» жернова, с воином — военные доспехи, копье, с кузнецом — молотки, щипцы и т. д.¹¹⁵ Те же представления, по которым нижний мир отличается от среднего, земного, объясняют необходимость поломки ряда вещей, сопровождающих покойного¹¹⁶. С заботой об обеспечении дальнейшего существования умершего связаны жертвоприношения частей тех животных, которые играли основную роль в хозяйстве¹¹⁷.

Вторая функция погребального обряда — забота о душе умершего (помещение с покойным оберегов, пояса вдоль туловища, изготовление фигурок покойного и т. д.).

Третья функция — защита живых от умершего. Пожалуй, основная часть этой стороны погребального обряда, судя по этнографическим данным, выражалась в запретах, не имеющих вещного выражения. Археологу необходимо учитывать, что эта функция может быть одной из причин смены места жилища¹¹⁸. Этой же функцией обряда объясняются случаи обнаружения в могильных ямах остатков связанных трупов или тяжелых предметов (например, топора), помещенных на ноги покойного¹¹⁹.

Законы относительно самостоятельного развития вещной среды далеко не исчерпываются тремя перечисленными. Важно установить, что в отличие от основных, исходных законов формообразования они имеют четкую не только временную, но и пространственную ограниченность — действуют в пределах конкретных социальных групп, для которых форма предмета не только говорила о его назначении, но и представляла собой определенную знаковую систему, составляющую этническую ценность.

На формотворчество влияют также факторы конвергенции и дивергенции, механизм действия которых предстоит еще изучать. Разработка и обоснование законов формообразования вещей позволяет выделить научные критерии существенных признаков вещи, а следовательно, содержательные основания их систематизации.

§ 5. Актуальная культура и археологический культурный слой

Предметные формы в жизни конкретно-исторической общности проходят ряд метаморфоз. Они возникают в процессе предметно-практической деятельности в результате формообразования, функционируют в определенной логике взаимной связи и составляют некую целостность, имеющую смысл и ценность для ряда поколений конкретно-исторической общности. Эта целостность, с одной стороны, качественно устойчива и является основой социализации конкретных индивидов, с другой — изменяется, развивается в процессе опредмечивания сущностных сил этих индивидов. Для конкретного поколения общности эта целостность предметных форм выступает как актуальная культура¹²⁰ или действующая, живая культура. По мере жизнедеятельности общества актуальная культура превращается в культурный слой — элементы, части, фрагменты предметного мира, исчезнувшие из жизни человека, социальной группы, общества.

С момента отложения в культурный слой начинается пространственно-временное разграничение некогда целостной системы предметных форм общности. Обесценивание различных форм происходит не одновременно и в каждой предметной области имеет свою логику. В культурный слой одного поколения откладываются преимущественно вещные формы (использованные и потерянные предметы, ветхие и сгоревшие строения, производственные и пищевые отходы и пр.), а также антропологические и вещественные остатки в погребениях. Большая часть вещных форм — орудия и средства производства, жилища, предметы длительного потребления, реликвии — используется несколькими поколениями. Периоды ренессанса возвращают в актуальную культуру группы предметов (например, мебель), которые в последующих поколениях снова

теряют смысл и погружаются в культурный слой. Другие формы предметности откладываются в культурный слой и преобразуются по своим законам: предания превращаются в сказки¹²¹, обычаи теряют первоначальный смысл и т. д. Имеет ли пространственно-временное разграничение культурных слоев некогда единого целого исторического прошлого конкретных общностей абсолютный характер? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо создать теорию культурного слоя, которая объяснила бы процесс отложения в культурный слой каждой формы предметности и ее дальнейшей трансформации, а также явилась бы основанием для создания корректного сопоставления данных археологии, этнографии, языкознания, фольклора, изучающих культурные пласты различных предметных форм.

В составе общей теории культурного слоя свое место должна занять частная теория археологического культурного слоя. Методика полевых исследований создавалась опытным путем. Периоды осмысления и переосмысления методики раскопок совпадают с периодами проблемных ситуаций в науке, так как постановка новых целей всегда требовала пересмотра всей системы конкретных методических приемов. В отечественной науке на рубеже столетий этот процесс был характерен как для античной, так и для первобытной археологии. В работе С. А. Жебелева цель науки — изучение вещественных памятников прошлого диктует конкретные задачи полевых исследований. Автор полагает, что для воскрешения памятника необходимо представить его историю: как он был создан и как погиб. Для достижения этих конкретных целей археолог должен осуществлять полное исследование всей рассматриваемой площади, вести четкую документацию, публиковать материалы исследования¹²². Заслуживают внимания попытки В. А. Городцова найти новый способ датировки археологических памятников, исходя из глубин залегания культурного слоя в черноземе и скорости нарастания чернозема¹²³.

Создание основ теории культурного слоя в советской археологии началось в 1930-е гг., когда археологические источники стали рассматриваться как базис исторических и социологических реконструкций. Советской археологии этого времени принадлежит научное обоснование и практика раскопок поселений широкими площадями (Б. Б. Ефименко), которые дают возможность установить следы жизнедеятельности в пределах всей границы культурного слоя и представить ее в конкретно-историческом многообразии, а также уловить и некоторую эмпирическую повторяемость исторического процесса¹²⁴. Советские археологи раскрыли особую роль культурного слоя поселений и жилищ как наиболее информационно насыщенной части археологического комплекса.

В 1950-е гг. советские исследователи вновь обратились к проблеме культурного слоя. А. Я. Брюсов сделал предположение о

кратком сроке использования вещей в эпоху неолита. При жизни одного поколения в культурный слой откладывались практически все предметы, в том числе украшения¹²⁵. А. Я. Брюсов предложил несколько схем (сейчас бы сказали — моделей) перемещения слоев в ямах заброшенных землянок на многослойных поселениях¹²⁶. Большой вклад в изучение вопроса внесли ученые-палеолитчики, но, к сожалению, установленные ими эмпирические закономерности пока не обобщены¹²⁷. Специальные работы по этому вопросу немногочисленны¹²⁸. Правильнее сказать, что теории археологического культурного слоя, сформулированной в единой системе понятий и закономерностей, пока не существует. В условиях расширения полевых работ, осуществления исторических реконструкций нового уровня необходимость создания теории очевидна.

Археологический культурный слой — остатки и следы человеческой жизнедеятельности, сохранившиеся в толще земли, на ее поверхности или на дне водоемов. К ним принадлежат сам **слой земли**, изменивший мощность и окраску в результате разрушения и компрессии органических и неорганических веществ в процессе жизнедеятельности человека; следы этой жизнедеятельности в виде котлованов, канавок, ям, прослоек различных оттенков: **остатки предметов** (предметной деятельности) от фрагментов сосудов до наскальных изображений. Сохранность предметного мира в культурном слое колеблется от широкого набора предметов в торфяниках до минимального на песчаных дюнах. Поэтому почвенные условия — важнейшая характеристика культурного слоя. Сохранность культурного слоя зависит от рельефа поверхности. Стратиграфическая характеристика может варьироваться от четкой фиксации слоя на однослойных, а также многослойных памятниках с хорошо выраженными стерильными прослойками до полной компрессии в многослойных смешанных памятниках с переотложенными слоями или следами современных разрушений. Различными могут быть состав (прослойки) и мощность культурного слоя в постройках и межжилищных пространствах, его планиграфия. Результаты первичного разрушения поселений различаются: от остатков полузакрытых жилищных комплексов, возникших в результате стихийных бедствий, до открытых, образованных постепенным разрушением построек, покинутых в относительно спокойной обстановке, когда все сколько-нибудь ценные предметы унесены.

Условия отложения и процесс археологизации различаются в разных сферах (видах) деятельности. Выше была рассмотрена одна сфера — жилая среда. В ней вещные остатки накапливались ежедневно и постоянно. Накопление культурного слоя на сезонной стоянке было прерывистым, и слои обитания (прослойки) могли перемежаться со стерильными слоями. Разделка туши мамонта — явление эпизодическое. Культурный слой здесь представлен костями животного, лежащими в анатомическом порядке, и немногочислен-

ными потерянными или сломанными в процессе работы кремневыми орудиями, расположенными между костями или близ скелета¹²⁹.

Свои особенности имеет культурный слой в местах каменных карьеров или горнорудных разработок. Он представлен следами технологических процессов: выемки желваков¹³⁰, распиловки или сколов крупных кусков сланца, дробления руды. Рядом возможно скопление отходов последующей первичной обработки — отщепов, сколов (близ каменоломен), отходов обогащенной руды¹³¹ и орудий по добыче и первичной обработке минералов. Специфический как по цвету, так и по остаткам культурный слой дают мастерские по производству каменных орудий, горны по плавке бронзы или варке железа. Культурный слой жертвенного места включает как почвенный слой, содержащий жертвенное кострище, кальцинированные косточки, обломки сосудов, ритуальные предметы, так и наскальные изображения, нанесение которых составляло важную часть календарно-производственного обряда¹³².

Культурный слой могильника содержит следы погребального обряда в виде могильных ям различного размера и формы, помещенных в них или на дневную поверхность остатков покойного (костей скелета, расположенных в анатомическом порядке соответственно обрядовой позе, или кучки кальцинированных костей) с сопровождающим его вещным инвентарем, размещенным по правилам древнего обряда. В слой входят также остатки надмогильных деревянных, каменных или земляных сооружений, следы жертвенных комплексов и тризн¹³³.

Итак, некогда многообразная, динамичная предметная жизнедеятельность живых индивидов конкретной общности исторически определенного периода с течением времени превращается в культурный слой — пространственно разобщенные по памятникам различного вида (поселение, мастерская, жертвенное место, могильник и др.) остатки предметной деятельности, лакунарные, спрессованные временем до тонкого слоя, к тому же часто содержащего предметные остатки различных эпох. Этот разрыв между актуальной живой культурой и ее остатками не у одного археолога вызывал пессимистические размышления о слабой диагностичности, незначительных познавательных возможностях археологических источников.

Теория культурного слоя призвана снять этот разрыв. Она должна объяснить механизм отложения вещного культурного слоя в различных природно-климатических и почвенных условиях, различные стадии и формы его последующего разрушения, степень сохранности предметно-вещного мира, установить показатели длительности жизни на памятнике, синхронности или диахронности следов и остатков на многослойных поселениях, словом, выявить все следствия археологизации. Она должна определить возможности реконструкций при полной или частичной переотложенности

культурного слоя. Теория призвана обосновать факты сходства и повторяемости всей совокупности или определенной части предметно-вещных остатков в пределах небольших или крупных регионов, а также факты частичной и постепенной или полной и резкой смены вещных форм и их взаиморасположения.

Для выполнения своих задач теория археологического культурного слоя должна опираться на материалы наук, изучающие почвообразующие и климатические процессы в различные исторические периоды. Для каждого археолога очевидна плодотворность комплексного исследования памятников, однако не так уж часто в составе археологических экспедиций работают почвоведы. В практике раскопок курганов Южного Урала такой постоянный контакт исследователей дал неожиданный эффект: бесформенные курганы приобрели очертания зиккуратов¹³⁴.

Представление о пространственно-временном континууме как способе организации жизнедеятельности древних коллективов позволяет выделить еще один аспект экологического подхода. Уже в эпоху позднего палеолита произошло разграничение производственной сферы и жилой среды. В двух пространственно-временных континуумах различна взаимосвязь общины с экосистемами. При анализе обществ с присваивающими формами труда используются только косвенные пути определения границ деятельности общины — по фаунистическим остаткам на поселениях, по взаиморасположению синхронных поселений. Еще меньше возможностей определить степень антропогенного воздействия конкретной общины на биогеоценозы в пределах этих границ.

С появлением металлургии, скотоводства, земледелия у отдельных обществ или их социально-этнических объединений формируются определенные традиции природопользования, отражающиеся на состоянии пастбищных экосистем и обрабатываемых полей. Добыча руды и, в особенности, металлургические процессы приводят к разрушению биогеоценозов. Для определения границ природно-хозяйственных комплексов интересным представляется экологический подход П. М. Долуханова и А. М. Микляева¹³⁵. Жилая среда, в которой долговременно или краткосрочно пребывал коллектив общины, разрушала одни биогеоценозы и способствовала возникновению других. При этом экосистемы, образующиеся в жилищах, отличались от тех, которые формировались в межжилищном пространстве поселка. Последние, в свою очередь, были иными, нежели экосистемы, не нарушенные антропогенным вмешательством за пределами поселения. Так же дело обстояло и в других местах жизнедеятельности человека: на могильниках и жертвенных площадках. Везде характер деятельности человека определенным образом отражался на биогеоценозах. Есть ли у биологов средства обнаружить различные экосистемы в слоях, скажем, жилищ городища, его площадки или за пределами рва? Исследователи

считают, что в теории почвоведения гипотезы пока преобладают над фактами, но «...уже сейчас становится ясным, что почвы записывают историю биогеоценозов»¹³⁶. И это дает надежду на положительные результаты совместной работы экологов и археологов.

Базисом теории культурного слоя должно стать множество эмпирических закономерностей образования и деформации культурного слоя, выведенных в практике полевых исследований. В теории должны быть раскрыты познавательные возможности всей совокупности методов полевого исследования: стратиграфии и микростратиграфии, планиграфии, метода «связи»¹³⁷ и ремонтажа¹³⁸.

Большое будущее принадлежит методу этноархеологических исследований. Он заключается в изучении первого этапа образования культурного слоя — выявления того, какие сооружения и предметы остаются на покинутых стоянках и как они расположены по отношению друг к другу. В статьях С. А. Васильева¹³⁹ проанализированы работы по этноархеологии 1960—1980-х гг., предметом изучения которых были остатки жизнедеятельности охотничье-собираТЕЛЬСКИХ групп Северной Америки, Африки, Австралии. Следствием изучения следов жизни хозяйственных групп с сезонными циклами передвижений явился вывод Н. Петерсона о том, что корректные реконструкции возможны только при исследовании памятников всего региона обитания древнего коллектива. Интересны выводы Д. Йеллена, касающиеся структуры поселения бушменов: размеры центральной части поселения зависят от размеров обитавшей на нем группы, величина внешнего круга, связанного со специализированными видами деятельности, — от длительности заселения. Принципиально важен его вывод о неправомочности установления числа обитателей жилища по площади, необходимой для одного человека.

Изучение функциональной вариабельности разных участков одного поселения позволило Л. Бинфорду выявить ряд сооружений, остатки которых трудно отличить от остатков жилища (большие хранилища мяса, места засад охотников в виде полукольцевых каменных выкладок с очагом в центре и др.). Исследователь установил крайне любопытные для археологов связи: между числом работающих у очага и формой распределения остатков; между положением человека по отношению к огню и характером разброса отходов производства и др.¹⁴⁰ Дальнейшая разработка этноархеологического метода позволит перейти от отдельных описаний к выявлению законов отложения вещных остатков в культурный слой.

Большой вклад в развитие теории культурного слоя должна внести экспериментальная археология. Как пишут авторы книги «Прыжок в прошлое» Р. Малинова и Я. Малина, эксперимент сопровождает работу археолога от поиска памятников до воспроизводства общей картины человеческой истории¹⁴¹. В отечественной

науке средствами археологического эксперимента восстанавливают древнюю технологию работы по камню, кости, дереву, глине, коже¹⁴². Роль экспериментальной археологии может быть значительной и при изучении закономерностей образования культурного слоя, и при анализе процесса археологизации.

В разделе «Что происходит с оставленными вещами» Р. Малинова и Я. Малина описывают эксперимент американской экспедиции, воссоздающей модель жизни индейцев XVI в. — охотников, земледельцев и собирателей. В эксперименте воспроизводится ситуация, аналогичная этноархеологической. Она позволяет выяснить, какие вещи и в каком количестве откладываются в культурный слой в течение трех недель жизнедеятельности группы¹⁴³. Пожар в «неолитической деревне» в Дании позволил уточнить, что происходит с вещами в результате подобной катастрофы. Для выявления законов археологизации был проведен эксперимент в Овертон-Дауне (Великобритания), где под искусственно воссозданным валом и подле него были намеренно погребены вещи. Цель эксперимента — при раскопках через определенное число лет установить, как изменяются свойства вещей и их расположение в связи с выветриванием, разрушением и осадкой рва и вала¹⁴⁴.

Безусловно, не может быть создана такая теория культурного слоя, которая детально объясняла бы процесс археологизации в любое время от палеолита до современности и в любой природной зоне. Можно, видимо, установить лишь наиболее общие закономерности отложения и разрушения культурного слоя, которые будут значительно варьироваться в соответствии с эпохой и природными особенностями края.

Заключение

УРОВНИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Принцип предметной деятельности дает возможность создать перспективную программу реконструкции взаимосвязи людей по вещественным воплощениям их образа жизни. Отметим узловые моменты этой программы.

Рассмотрение вещей через призму принципа предметной деятельности означает прежде всего выявление их природы как результата деятельности человека, то есть установление того, как вещи возникли и чем принципиально отличаются от природных тел.

Вещь и ее существенные признаки могут быть поняты только через процесс труда. В своей конкретной чувственной данности труд есть формообразование вещи, преобразование природных естественных форм материала в искусственные, социально значимые. Человек изменяет внешнюю форму и состав природных предметов, уничтожая или нейтрализуя их вредные свойства и сохраняя, усиливая, создавая полезные, необходимые для удовлетворения потребностей конкретно-исторического коллектива. И если мерой трудового процесса является рабочее время, то мерой его покоя — сформированная вещь. Механизм формообразования представляет собой объективацию в форме, составе, свойствах вещи сущностных сил человека: потребностей в предмете определенного функционального назначения, знаний свойств материала и технологии изготовления предмета, способностей, навыков, волевых качеств для реализации идеального образа в действительность.

Поскольку реализация сущностных сил человека осуществляется не только при формировании отдельной вещи, но и при создании таких целостных и сложных образований, как жилище, его интерьер, храм, поселок и т. д., морфологические признаки вещей, их социально значимые пространственные параметры несут большой заряд исторической информации о человеке конкретно-исторической общности, составе его потребностей, объеме и уровне знаний, степени развития способностей и навыков, социальных

чувств и художественного вкуса. Такое понимание социальной природы вещи обуславливает переход к рассмотрению вещей как элементов (предметных средств и условий) процесса жизни и деятельности, процесса не природного, но социального по своей форме. Другими словами, вещи предстают носителями свойств социального процесса и характеризуют особые социальные качества людей и те социальные формы, в которых люди обособляются и обуславливают жизнь друг друга. Размеры, общая форма предмета, характер рукояти и рабочего края орудий, следы их использования выступают не только характеристиками взаимодействия предметов, но и определителями способностей самих людей как движущей силы процесса преобразовательной деятельности. Подобная трактовка вещей позволяет выделить их существенные признаки. Это те морфологические характеристики, которые отражают сущностные силы человека конкретно-исторической общности.

Пространственная дискретность и расчлененность вещных предметных форм вынуждает историка первобытного общества не только предполагать деятельностный процесс, превращающий разобщенные вещи в предметные формы социального процесса, но и определять направленность этого процесса, его распределение по сферам жизни человеческой общности. В первобытнообщинной формации фиксируется относительная пространственно-временная расчлененность жизнедеятельности коллективов. Она определялась самим характером хозяйства и половозрастным разделением труда, по крайней мере, начиная с мустьерской эпохи. При присваивающем характере труда значительную часть времени взрослое население (прежде всего охотники) проводило за пределами основного места обитания всего коллектива. Пространство и время этой деятельности предопределялось атмосферными и биологическими циклами: временем миграций животных и их маршрутами, временем и местом гнездования птиц, нереста рыбы и т. д.

Наряду с ведущей формой присваивающего труда в первобытных коллективах существовал труд создающий: производство орудий, жилищ, одежды, то есть предметно-вещного мира. Пространственные и временные характеристики этой сферы определялись не природными циклами, а задачами внутренней организации производственного процесса — технологически целесообразным взаиморасположением предметов труда, орудий труда и человека; размер производственной площадки определялся числом работающих, время деятельности и ее ритмы диктовались производственными и социальными потребностями. По мере развития этой сферы как в форме индивидуального труда (производство орудий), так и в форме кооперации складывались трудовые ритмы — социальные способы организации труда. Сколь бы ни была узка сфера создания в эпоху палеолита, взаиморасположение вещей определенного функционального назначения отражало становление и развитие

особых, имманентных деятельной природе человека социально-пространственных и социально-временных форм его бытия.

Пространственные контуры жилой среды и ее основной ячейки — жилища определялись задачами ежедневного воспроизводства человека как социально-деятельного существа, задачами производства потомства и его воспитания, приобщения к жизнедеятельности общины. В пространственных формах жилища жизненный процесс коллектива аккумулировал информацию об образе жизни человеческой общности. В жилище как социальном пространстве ежедневных межличностных связей посредством предметных форм объективированы характеристики средств общения, строя домашней жизни, семейных отношений, способов удовлетворения потребностей. Такая, казалось бы, техническая характеристика жилища, как его размеры, указывает те минимальные и максимальные площади, которые требовались для воспроизводства семьи и других социальных ячеек первобытного коллектива. Потребность коллектива в больших помещениях поставила конструктивные задачи, а они, в свою очередь, вызвали к жизни новую технологию (например, стоечно-балочную систему).

При таком понимании жилища на первый план выдвигаются не отношения человека к природе (и связанные с ним устойчивые потребности в защите от ветра, влаги, холода, жары) и не определяемая природными материалами технология, а именно формы организации деятельности и взаимосвязей первобытного коллектива. Они закрепляются в вещественно-пространственных контурах жилища, и задача исследователя — увидеть за ними конкретные социальные формы движения человеческой жизни. Природные условия, естественно, влияют на формы жилого пространства, но это влияние опосредовано деятельностью людей и проявляется в особенностях социальной формы (ориентировка жилищ относительно стран света, водоема и направления господствующих ветров; местоположение выхода и его форма; толщина стен, форма крыши и т. д.).

В системе производство — обмен — распределение — потребление пространственно-временное различие сфер снимается (перекрывается) логикой бытия общности как экономического целого, связи внутри этого целого. Можно ли обнаружить эту логику в предметно-вещном воплощении? К. Маркс в подготовительных рукописях к «Капиталу» показал, что при одном экономическом базисе — земельной собственности, при одинаковой предметной форме деятельности — земледелии, но в различных природных и исторических условиях возникают различные формы организации экономических единиц. Там, где производство и воспроизводство представляют пространственно замкнутый цикл, там ему соответствует определенный предметно-вещный контур — земля с селом (азиатская форма), город с пашней (античная форма), жилище с землей

(германская форма), пространственно изолированный от других подобных единиц.

Предметно-вещное выражение границ каждой дискретной единицы в германской, азиатской и др. более ранних формах могло не оставить следов для археологов (межа, затесы на дереве, природные рубежи). Основанием реконструкции границ в таком случае служат, во-первых, остатки жилой среды — поселений как сгустков общественных связей экономического целого, взаиморасположение синхронных поселений, по которому можно предположить площадь присваивающей или производящей деятельности каждой экономической единицы.

Характеристика экономической единицы еще не вскрывает всей полноты общественных отношений, ибо она фиксирует преимущественно затраты рабочего времени на воспроизводство сил человека. Анализ тех же форм под углом зрения реализации прибавочного времени общинника рисует иные контуры общественных связей и границ — пространственно-временное бытие социального целого. Они могут совпадать с границами экономической единицы (античная форма), а могут включать ряд экономических единиц (азиатская и германская формы).

Приведенные примеры говорят о том, что пространственно-временная расчлененность и дискретность, из которых исходит историк, скрывает пространственно-временные характеристики жизни и деятельности людей. Вещественная дискретность в своей непосредственной данности выдвигает на первый план натуральные условия жизни людей. Задача же заключается в обнаружении за стихийно сложившейся взаимосвязью вещей логики человеческой деятельности и взаимосвязей, определенной их упорядоченности во времени. Предметные формы, воплотившие эту логику, приобретают тогда функцию форм протекания жизненного процесса людей.

В поисках пространственных границ и контура общественных связей социального целого, в которых осуществлялся исторический процесс, мы вполне осознанно вычленим первоначально лишь срез этого процесса. Общественные связи социального организма предметно реализуются в нормативно-регулятивной деятельности, в конкретных формах механизмов функционирования устойчивой социальной системы.

Регулирование социальной деятельностью коллектива социальными средствами объективно формируется вместе со становлением труда, общественных отношений и сознания. Принципы регуляции поддерживают сложившиеся общественные отношения и, прежде всего, производственные отношения определенного этапа общественно-экономической формации. В пределах этапа они осуществляются в форме традиций. В соответствии с различными задачами исторически складываются принципы организации производственных процессов в форме производственных

(технологических) традиций, появляются средства регуляции жилой среды — семейно-бытовые традиции, возникают социально-регулятивные традиции как особый способ организации единства общности (этнической или этнополитической), формируются традиции духовной жизни, отражающие бытие общества и способствующие его утверждению и развитию.

Традиции как совокупность принципов жизнедеятельности и воспроизводства исторической общности имели конкретные формы реализации. Этнография в числе таких структурных единиц бытия традиционного называет обычаи, обряды, праздники, игры. Им были присущи некоторые общие черты: многокомпонентность (единство деятельности, общения и сознания), общеобязательный характер, нормативность, детальная регламентация, закрепление общественным мнением, выражение в единой знаковой системе, опосредованность предметно-вещной средой. Обычаи — модели повседневной жизнедеятельности коллектива во всех сферах, и обряды, модели дискретных общезначимых событий, были вплетены в ткань конкретной жизни. Но во временном ряду бытия коллектива они несли разные функции: обычаи регулировали ежедневное воспроизводство жизнедеятельности, а обряды фиксировали циклы этой жизнедеятельности в производственной сфере (начало и конец охотничьего сезона, посевных работ и сбора урожая и др.) и в социально-индивидуальном бытии человека (рождение, совершеннолетие, заключение брака, смерть).

Для выявления специфического контура общественных связей социального целого необходим анализ тех обычаев, обрядов и праздников, которые были направлены на соединение, приобщение всех индивидов (или отдельных половозрастных групп) к социальному (этническому, политическому) целому. Их осуществление пространственно фиксировалось в местах совместной производственной деятельности (охоты и разделки туши крупного животного, добычи камня или руды), в поселениях, пещерах; у скал (местах отправления совместных сезонных производственных обрядов), на некрополях (для совершения погребальных обрядов), в местах обмена деятельностью (сырьем, готовыми продуктами) с другими общностями. Значение этих центров для опосредования социальных связей во многих случаях устанавливается благодаря четкому вещному выражению. Так, на месте совместной разделки туши мамонта находится скелет животного и кремневые орудия близ него, на месте сезонных производственных обрядов — композиции изображений животных, птиц, человека на скалах и т. д.

Мы отдаем себе отчет в том, что далеко не во всех случаях регуляции жизни исторической общности оставались вещественные следы (например, при осуществлении межплеменных связей). Вместе с тем определение подобных мест и содержательный анализ свя-

занных с ними предметно-вещных остатков, на наш взгляд, открывает перед археологами перспективы в реконструкции конкретных форм общественных отношений.

Предметно-вещная опосредованность традиционного — отправной пункт и для установления пространственных границ конкретно-исторической общности. Действительно, если анализировать вещи только с точки зрения их функции, материала и технологии, то локализация предметов одинаковой формы для определенного общественно-экономического уровня будет скорее всего совпадать с границами хозяйственно-культурного типа.

Границы социальной целостности, то есть социального пространства осуществления и воспроизводства всей системы общественных отношений конкретно-исторической общности, предметно очерчиваются во всех сферах жизнедеятельности совокупностью обычаев, обрядов, праздников. Это означает, что формообразование предметов и пространственных характеристик производственной и жилой среды происходило в соответствии с традициями. Они накладывали отпечаток на детали форм, пропорции, окраску, местоположение декора, то есть на характеристики, не имеющие прямой связи с непосредственной функцией вещи, но опосредованно — в обычае, обряде — связанные с ней. Они проявлялись также в привычном и присущем только конкретной общности сочетании предметов в каждой сфере, расположении вещей интерьера жилища относительно очага или выхода, в вещно выраженных чертах погребального обряда.

Объективно сложившаяся логика традиционных способов регуляции общности, границы ее бытия и целостность на каждом историческом этапе определенным образом осознавались. Мифологические представления, которые мы имеем возможность анализировать, интересны для нас по двум причинам. Во-первых, они являются фрагментами особой картины бытия, пространственно запечатлевающей жизненный процесс общности. Время «свернуто» в формы пространства, и в этих формах как бы стерты деятельностные основания устойчивости образа жизни людей. Пространство мифа оказывается неким подобием конфигурации пространства общины с ее центром, границами, периферией и тем неизвестным, что существует за пределами практической досягаемости. Во-вторых, мифологическое сознание представляло одушевленными не только людей и животных, но и саму землю, страны света, предметы природы и вещи, изготовленные человеком. Человек воспринимал вещи как живое существо, которое обладает свойствами-функциями, соответствующими форме этой вещи. Речь идет о всех деталях формы предмета, как связанных с материалом, функцией и технологией, так и имеющих смысл только в системе обрядов и обычаев определенной исторической общности.

Сознание первобытного человека отражало конкретное бытие и

одновременно в предметных языково-понятийной и эмоционально-образной формах творило новое — иллюзорное, лишь частично совпадающее с действительностью. Этот мифологический пространственно-временной континуум, в свою очередь, способствовал функционированию, регуляции и воспроизводству социальной целостности и ее единиц, вплетаясь в ткань обычаев, обрядов, праздников, игр. Мифологическое сознание не только санкционировало закрепление определенных форм вещей, оно накладывало отпечаток на эти формы, материализуясь в знаках-символах, орнаменте на предметах производственного и домашнего обихода, одежде, украшениях, в специальных обрядовых предметах (ритуальных фигурках людей, животных, масках, жертвенных плитах, погребальной посуде и др.), в наскальных композициях и отражая смысл и значение обрядовых ритуалов, присущих только данной конкретной общности.

Представленная выше модель функционального среза исторической общности — основание анализа качественной определенности пространственных границ и организации системы. Но она не позволяет раскрыть развитие системы, внутреннюю обусловленность ее изменения во времени, то есть воспроизвести исторический процесс. Реконструкция исторического процесса может быть осуществлена на различных уровнях. Первый уровень — восстановление повседневного образа жизни индивидов в пределах их постоянных и непосредственных контактов (экономических единиц). Образ жизни индивидов (коллектива) может быть реконструирован как реализация их сущностных сил, регулируемая традиционными средствами и протекающая в циклическом следовании. Этот уровень отражает явление сравнительно узкого временного отрезка — образ жизни поколения, присущий только данному конкретному обществу и представленный преимущественно в простом воспроизводстве.

Второй уровень анализа исторического процесса — фиксация и объяснение исторических событий. Жизнь индивидов, если она достаточно жестко регламентирована, представляет собой цепь событий, фиксируемых обрядами и праздниками. Для экономического целого событием была смена места жительства в пределах старой территории, возведение нового поселка. Нас интересуют исторические события, изменяющие либо всю жизнедеятельность общества (образ жизни и материально-вещную среду), либо ее определенные стороны: разделение общности на фратрии, столкновение с другими общностями, смена традиционных связей с соседями, образование союза племен, миграция и т. д. Исторические события, имевшие как внутренние, так и внешние причины, на фоне традиционного специфического образа жизни определяли особую логику исторического процесса конкретно-исторической общности во временных рамках этапа.

Наконец, исторический процесс — это постепенное изменение

различных сфер жизнедеятельности и смена исторических периодов в развитии конкретных общностей. Строго регламентированные формы социализации и регуляции в эпоху первобытнообщинной формации, казалось бы, снимали вопрос о творчестве индивидов. Вместе с тем, необходимость и возможность жесткого регулирования в разных сферах жизнедеятельности была различной. При взаимодействии с природой, когда собиратели, рыболовы, а в особенности охотники на крупных животных, сталкивались со множеством непредвиденных ситуаций, требующих напряженного оперирования эмпирическими знаниями, навыками, способностями, а также поиска нестандартных решений, она была относительно ограниченной. Организация производящей деятельности коллектива и индивида определялась логикой самого труда. Традиционные формы лишь накладывались на эту логику, обозначая ее социальный смысл. Более жесткими они были там, где требовалась постоянная кооперация совместных усилий. Именно производство (как присваивающее, так и производящее) было сферой не только реализации, но и развития сущностных сил индивида. Рост потребностей коллектива приводил к освоению новых предметов труда, к новым технологическим открытиям, к появлению новых видов деятельности. Изменение логики труда необходимо ломало старые производственные традиции, что находило свое выражение прежде всего в изменении материала, технологии и форм орудий труда, а затем и других вещных компонентов производственной и жилой среды.

Анализ расширенного производства в экономике позволяет выделить большие временные отрезки — эпохи исторического развития внутри первобытнообщинной формации — на основании развития производительных сил конкретно-исторических систем. Еще археологи XIX века установили эпохи камня, бронзы и железа, а также этапы технологических сдвигов внутри каждой эпохи. Советские археологи в 1930-е гг. теоретически объяснили и исторически уточнили смысл этой периодизации с точки зрения формационного подхода. Тот же подход указывает на недостаточность технологической периодизации как показателя общественного прогресса и объясняет факт несовпадения (отсутствия автоматического следования) во времени технологических и социальных сдвигов в развитии общества.

Смена исторических периодов развития конкретно-исторических общностей (в пределах эпохи) связана не только с развитием производительных сил, но и с изменением принципов и форм общественных отношений внутри экономических единиц и между ними в рамках социального целого. Конкретно-историческое выражение такого процесса — изменения в образе жизни. Последние предметно представлены сменой традиционных структур и изменением размеров всех единиц социального пространства конкретно-исторической общ-

ности (жилищ, поселений и др.), а также традиционных форм вещей и содержания знаковых систем.

Научный поиск — это процесс. В данной работе предложена генерализующая идея археологической теории и намечены начальные узловые пункты ее развития. Каждая из трех проблем подлежит дальнейшей теоретической развертке и многократной проверке на археологическом материале.

ПРИМЕЧАНИЯ

К введению

- ¹ См.: Проблемы человека в современной философии. М., 1969; *Буева Л. П.* Человек: деятельность и общение. М., 1978; *Кемеров В. Е.* Проблема личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1974; *Кругова О. Н.* Человек и история. М., 1982.
- ² См.: *Кедров Б. М., Огурцов А. П.* Марксистская концепция истории естествознания — XIX век. М., 1978; *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории. М., 1982.
- ³ *Динесман Л. Г., Нейштадт М. И., Флеров К. К.* Изучение голоценовой истории биогеоценозов в связи с проблемами биосферы // Общие методы изучения истории современных экосистем. М., 1979. С. 9.
- ⁴ См.: *Кузнецова Н. И.* Наука в ее истории.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. (2-е изд.) Т. 20. С. 368.
- ⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 266.
- ⁷ См.: Гносеология в системе философского мировоззрения. М., 1983; Категориальные структуры познания и практика. Киев, 1986.
- ⁸ См.: *Павловская А. И.* Симпозиум по проблеме перехода доклассового общества в классовое // Вест. древней истории. 1967. № 4. С. 199.
- ⁹ *Рыбаков Б. А.* Историзм археологии // Вопр. теории и методологии археол. науки. М., 1978. С. 5—7.
- ¹⁰ См.: *Данилов В. И., Якубовская С. И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // ВИ. 1961. № 5. С. 6; *Пушкарев Л. Н.* Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; *Устьянцев В. Б.* Исторический источник как специфическая форма отражения действительности // Ленинская теория познания и современная наука. Саратов, 1970.
- ¹¹ См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984; *Он же.* Пространственно-временной континуум «Песен о нибелунгах» // Традиции в истории культуры. М., 1978.
- ¹² *Баре М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 62—98.
- ¹³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 607.
- ¹⁴ См.: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1; *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984; *Алексеев В. П.* Становление человечества. М., 1984.
- ¹⁵ *Жариков Е. С.* Научный поиск. Киев, 1967. С. 12.
- ¹⁶ Логика научного исследования. М., 1965. С. 221; О научном поиске см. также: *Режабек Е. Я.* Научный поиск. Ростов н/Д, 1972; *Иванов В. Г., Лезгина Л. М.* Детерминация научного поиска. Л., 1978; Комплексный подход к научному поиску: проблемы и перспективы. Свердловск, 1979. Ч. 1, 2.
- ¹⁷ Логика научного исследования. С. 22.
- ¹⁸ *Овчинников Н. Ф.* Особенности развития и тенденция к единству научного знания // Проблемы истории и методологии научного познания. М., 1974. С. 88.
- ¹⁹ См.: *Захарук Ю. Н.* Проблемные ситуации в археологии // СА. 1973. № 4.

К 1 главе

- ¹ *Котина С. В.* Проблемная ситуация как аспект научного творчества // Природа научного открытия. М., 1986. С. 190.
- ² *Ярошевский М. Г.* Оппонентный круг и научное открытие // В. Ф. 1983. № 10. С. 49—61.
- ³ *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961. С. 7.

- ⁴ Четвертое направление — восточная археология — еще только зарождалось и не было охвачено теоретической рефлексией.
- ⁵ См.: *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии. Киев, 1982.
- ⁶ См.: *Генинг В. Ф.* Научные революции в археологии // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй. Свердловск, 1986.
- ⁷ См.: *Кон И. С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.
- ⁸ См.: *Материалы к библиографии по философии истории // Философские проблемы исторической науки.* М., 1969.
- ⁹ *Майданов А. С.* Процесс научного творчества. М., 1983. С. 7—10.
- ¹⁰ См.: *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 2.
- ¹¹ См.: Там же. С. 21, 31, 82.
- ¹² Там же. С. 186.
- ¹³ Там же. С. 31.
- ¹⁴ Там же. С. 98.
- ¹⁵ Там же. С. 31.
- ¹⁶ Там же. С. 132.
- ¹⁷ Там же. С. 144.
- ¹⁸ Там же. С. 156.
- ¹⁹ Там же. С. 148.
- ²⁰ Там же. С. 153.
- ²¹ См.: *Городцов В. А.* Археология. М.; Пг., 1923. Ч. 1. С. 17, 82, 323.
- ²² Там же. С. 5.
- ²³ См. подробнее о взглядах ученого: *Викторова В. Д.* Археологическая теория в трудах В. А. Городцова // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
- ²⁴ См.: *Фриче В. М.* Предисловие // ТСА РАНИОН. 1928. Т. 4.
- ²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 368.
- ²⁶ *Городцов В. А.* Археология. С. 5—6.
- ²⁷ Там же. С. 8.
- ²⁸ Там же. С. 15—17.
- ²⁹ См.: *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930; *Дмитриев П. А.* Мысовские стоянки и курганы // ТСА РАНИОН. 1929. Т. 4.
- ³⁰ См.: *Жуков В. С.* Из методологии изучения культур стоянок и городищ // Мат-лы к доистории Центрально-промышленной области. М., 1927; Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп // Культура и быт населения Центрально-промышленной области. М., 1929; Древнейшие строители из дерева и камня. М., 1925; Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. 1929. № 1.
- ³¹ См.: *Арциховский А. В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Тр. социолог. секции РАНИОН. 1927. Т. 1; Новые методы в археологии // Историк-марксист. 1929. Т. 14; *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. 1928. Т. 2; *Киселев С. В.* Поселение. Социологический очерк // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. 1928. Т. 2; *Смирнов А. П.* Социально-экономический строй восточных финнов IX—XIII веков нашей эры // Тр. секции теории и методологии РАНИОН. 1928. Т. 2.
- ³² См.: *Брюсов А. Я.* Жилище. История жилища с социально-экономической точки зрения. Л., 1926. С. 5, 15.
- ³³ *Арциховский А. В.* Социологическое значение эволюции земледельческих орудий С. 124.
- ³⁴ *Брюсов А. Я.* Восстановление общественно-экономических формаций... С. 12.
- ³⁵ Там же. С. 19.
- ³⁶ См.: *Арциховский А. В., Киселев С. В., Смирнов А. П.* Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // СГАИМК. 1932. № 1, 2.
- ³⁷ Там же. С. 46—47.

- ³⁸ Подробнее см.: *Генинг В. Ф.* Очерки по истории... Гл. IV.
- ³⁹ См.: *Борисковский П. И.* К вопросу о стадиальности в развитии верхнего палеолита // Изв. ГАИМК. 1932. Т. XIV, вып. 4. С. 35; *Быковский С. Н. К.* Маркс и археология // ПИМК. 1933. № 3—4. С. 7—9; *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество степей Восточной Европы // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 119. С. 32.
- ⁴⁰ См.: *Борисковский П. И.* К вопросу... С. 21; *Бернштам А. Н., Кричевский Е. Ю.* К вопросу о закономерности и развитию архаической формации // Изв. ГАИМК. 1932. Т. XIII, вып. 3. С. 27, 38.
- ⁴¹ *Мегрелидзе К. Р. Н. Я.* Марр и философия марксизма // ПИМК. 1935. № 3—4. С. 81.
- ⁴² См.: *Борисковский П. И.* К вопросу; *Круглов А. П., Подгаецкий Г. В.* Родовое общество...
- ⁴³ См.: *Мегрелидзе К. Р. Н. Я.* Марр и философия марксизма.
- ⁴⁴ См.: *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник // Изв. ГАИМК. 1933. Вып. 100.
- ⁴⁵ Там же. С. 9.
- ⁴⁶ *Мегрелидзе К. Р. Н. Я.* Марр и философия марксизма. С. 71.
- ⁴⁷ *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник. С. 7.
- ⁴⁸ Там же. С. 16—18.
- ⁴⁹ См.: *Семенов С. А.* Первобытная техника // МИА. 1957. № 54; *Он же.* Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- ⁵⁰ См.: *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- ⁵¹ *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М., 1973. С. 91—92.
- ⁵² См.: *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951; *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван, 1944; *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948; *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953.
- ⁵³ См.: *Семенов С. А.* Первобытная техника. М., 1957; *Массон В. М.* Экономика и...
- ⁵⁴ См.: Археология и естественные науки. М., 1965; Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963.
- ⁵⁵ *Колчин Б. А., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Археология и математика // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 4.
- ⁵⁶ См.: *Клейн Л. С.* Метаархеология на Западе // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- ⁵⁷ См.: *Федоров-Давыдов Г. А.* Понятия «археологический тип» и «археологическая культура» в «Аналитической археологии» Дэвида Кларка // СА. 1970. № 3; *Клейн Л. С.* Рец. на кн.: С. А. Moberg. Jntroduction till arkeologi. Stockholm, 1969 // СА. 1973. № 4; *Бочкарев В. С., Массон В. М.* К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // КСИА. 1978. № 152; *Щегенко А. Я.* К оценке современных тенденций в англо-американской археологии // Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад, 1981.
- ⁵⁸ Против вулгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 3.
- ⁵⁹ *Брюсов А. Я.* Археологическая культура и этнические общности // СА. 1956. Вып. XXVI. С. 20—21.
- ⁶⁰ Там же. С. 27.
- ⁶¹ *Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959. С. 21—23.
- ⁶² См.: *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4; *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности // Народы Азии и Африки. 1967. № 1; а также материалы дискуссии на страницах этого номера журнала.
- ⁶³ О проблемной ситуации в этнографии в 60—70-е гг. свидетельствуют бурные дискуссии, в том числе о предмете и объекте науки. По существу, в этнографии, как и в археологии, решался вопрос о задачах, границах и уровне исследования. См.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. Ч. 2.
- ⁶⁴ См.: *Чебоксаров Н. Н.* Проблема типологии этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. 1967. № 4.

- ⁶⁵ В настоящее время наиболее четко эти точки зрения противостоят в работах археологов и этнографов. Ю. Н. Захарук и В. Ф. Генинг упорно отстаивают тезис, что АК соотносится с этническими общностями. См.: *Захарук Ю. Н. Методологические проблемы археологической науки*: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук. М., 1981; *Генинг В. Ф. Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторических реконструкций*. Киев, 1985. В работах этнографов не менее уверенно проводится идея о том, что за АК могут скрываться и ЭО, и ХКТ, и ИЭО. См.: *Проблемы типологии в этнографии*. М., 1979.
- ⁶⁶ Например, на VIII Уральском археологическом совещании 1983 г. в г. Свердловске.
- ⁶⁷ См.: *Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4.*
- ⁶⁸ См.: *Григорьев Г. П. Культура и тип в археологии: категории анализа или реальности? // Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.*
- ⁶⁹ См.: *Захарук Ю. Н. Археологическая культура — категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы*. М., 1976.
- ⁷⁰ *Каменецкий И. С., Маршак В. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников*. М., 1975. С. 78.
- ⁷¹ *Григорьев Г. П. Культура и тип в археологии... С. 6.*
- ⁷² Там же. С. 8.
- ⁷³ *Захарук Ю. Н. Археологическая культура... С. 4—5.*
- ⁷⁴ Там же. С. 9.
- ⁷⁵ *Григорьев Г. П. О предмете археологии // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР*. Ташкент, 1973. С. 42.
- ⁷⁶ *Григорьев Г. П. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников*. Иркутск, 1981. С. 8.
- ⁷⁷ *Захарук Ю. Н. Археологическая культура... С. 9.*
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 39—40.
- ⁸⁰ *Каменецкий И. С., Маршак В. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников*. С. 106.
- ⁸¹ Там же. С. 10—11.
- ⁸² *Клейн Л. С. Археологические источники*. Л., 1978. С. 65.
- ⁸³ Предмет и объект археологии... С. 42—44.
- ⁸⁴ *Бочкарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР*. Ташкент, 1973. С. 58.
- ⁸⁵ Предмет и объект археологии... С. 35.
- ⁸⁶ Там же. С. 56—58.
- ⁸⁷ *Захарук Ю. Н. Археологическая культура... С. 10.*
- ⁸⁸ Подробнее см.: *Викторова В. Д. Эмпирическое и теоретическое в археологическом знании // Археологические памятники севера Евразии*. Свердловск, 1981.
- ⁸⁹ *Никитин Е. П. Теория и эмпирия: проблема разграничения // Позитивизм и наука*. М., 1975.
- ⁹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.*
- ⁹¹ *Давыдова Г. А. Практика — основа единства эмпирического и теоретического // Практика и познание*. М., 1973. С. 159.
- ⁹² См.: *Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 19; Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей // Охотники, собиратели, рыболовы*. Л., 1972.
- ⁹³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 516—519.*
- ⁹⁴ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 461—508.
- ⁹⁵ *Шер Я. А. Типологический метод в археологии и статистика // Докл. и сообщения археологов СССР*. М., 1966. С. 259.
- ⁹⁶ Предмет и объект археологии... С. 39.
- ⁹⁷ Там же. С. 57.

- ⁹⁸ См.: *Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования. С. 57.
- ⁹⁹ *Шер Я. А.* Типологический метод в археологии и статистика. С. 262.
- ¹⁰⁰ *Вахтомин Н. К.* Генезис научного знания. М., 1973. С. 214.
- ¹⁰¹ *Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования. С. 58.
- ¹⁰² Предмет и объект археологии... С. 56—58.
- ¹⁰³ *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. С. 81.
- ¹⁰⁴ См.: *Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования. С. 57.
- ¹⁰⁵ См.: *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии // Типы в культуре. Л., 1979.
- ¹⁰⁶ См.: *Захарук Ю. Н.* Методологические проблемы археологической науки. С. 12—13; *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев, 1983. С. 112—151; *Боряз В. Н.* Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологии // Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976. С. 207—209; *Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии // КСИА. 1978. Вып. 152. С. 17—19.
- ¹⁰⁷ См.: *Захарук Ю. Н.* Методологические проблемы археологической науки. С. 13; *Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии. С. 8.
- ¹⁰⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 137—138.
- ¹⁰⁹ См.: *Григорьев Г. П.* О предмете археологии. С. 41; *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С. 9; *Клейн Л. С.* Предмет археологии // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 4—10.
- ¹¹⁰ Как образно выразился Л. С. Клейн, «чтобы «извлечь» из археологических источников историческую информацию, нужно, чтобы она в них предварительно содержалась, а именно этого никто не доказывал» (*Клейн Л. С.* Археологические источники. Л., 1978. С. 25).
- ¹¹¹ *Григорьев Г. П.* О предмете археологии. С. 7.
- ¹¹² Там же. С. 8.
- ¹¹³ Там же. С. 15.
- ¹¹⁴ *Шер Я. А.* Типологический метод в археологии и статистика. С. 255.
- ¹¹⁵ *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. С. 9.
- ¹¹⁶ *Клейн Л. С.* Археологические источники. С. 25.
- ¹¹⁷ См.: Там же. С. 27, 34.
- ¹¹⁸ Там же. С. 36—37.
- ¹¹⁹ Безусловно, между теорией отражения и теорией информации есть связь, существует несколько точек зрения на соотношение этих теорий, однако автор не раскрывает своей позиции по этому вопросу.
- ¹²⁰ *Клейн Л. С.* Археологические источники. С. 47.
- ¹²¹ Он же. Предмет археологии. С. 9.
- ¹²² Мы определяем позицию автора по двум работам. См.: Археологические источники. С. 26—62; Предмет археологии. С. 7.
- ¹²³ Правда, автор не учитывает, что по письменным и вещественным источникам ввиду их различного функционального назначения в реальной жизнедеятельности людей прошлого могут быть восстановлены разные традиции.
- ¹²⁴ *Клейн Л. С.* Археологические источники. С. 62.
- ¹²⁵ Там же. С. 27.
- ¹²⁶ См.: *Коришнов А. М.* Отражение, познание, творчество // Творчество и социальное познание. М., 1982.
- ¹²⁷ См.: *Рыбаков Б. А.* Историзм археологии // Мат-лы конф. «Историзм археологии: методологические проблемы» М., 1976. С. 3—6; *Захарук Ю. Н.* Историзм: проблемы археологии и этнографии // Мат-лы конф. «Историзм археологии: методологические проблемы». С. 7—11.
- ¹²⁸ Предмет и объект археологии... С. 11.
- ¹²⁹ Там же. С. 10.
- ¹³⁰ Там же. С. 11.
- ¹³¹ *Захарук Ю. Н.* Спорные вопросы объекта и предмета археологии // Вопросы теории и методологии археологической науки. М., 1978. С. 13.

- ¹³² Клейн Л. С. Археологические источники. С. 50—52.
- ¹³³ См.: Травин И. И. Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Л., 1979.
- ¹³⁴ Обзор дискуссий по образу жизни см. в кн.: Социологические показатели образа жизни советского общества. М., 1980.
- ¹³⁶ Рыбаков В. А. Историзм археологии. С. 5.
- ¹³⁵ См.: Предмет и объект археологии... С. 17—18.
- ¹³⁷ История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 169—170.
- ¹³⁸ См.: Равдоникас В. И. История первобытного общества. Л. Т. 1, 1939; Т. 2, 1947; Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982.
- ¹³⁹ См.: Бочкарев В. С. К вопросу о структуре археологического исследования. С. 58; Клейн Л. С. Археологические источники. С. 80.
- ¹⁴⁰ Захарук Ю. Н. Археология или первобытная археология? // Вопросы теории... С. 25.
- ¹⁴¹ Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии. С. 13.
- ¹⁴² Там же. С. 12.
- ¹⁴³ См.: История Сибири. Л., 1968. Кн. 1, раздел 1.
- ¹⁴⁴ См.: Генинг В. Ф., Захарук Ю. Н., Каменецкий И. С., Клейн Л. С., Массон В. М., Федоров-Давыдов Г. А. О состоянии и задачах теоретических исследований по археологии в СССР // Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 10.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 9.
- ¹⁴⁶ Захарук Ю. Н. Проблемные ситуации в археологии // СА. 1973. № 4. С. 3.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 12.
- ¹⁴⁸ Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. С. 81; Шер Я. А. Методологические вопросы археологии // ВФ. 1976; № 10. С. 69—79.
- ¹⁴⁹ Шер Я. А. Методологические вопросы археологии. С. 77—78.
- ¹⁵⁰ См.: Клейн Л. С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 13—22; Он же. Структура археологической теории // ВФ. 1980. № 3.
- ¹⁵¹ См.: Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии.

Ко II главе

- ¹ См.: Фармаковский М. В. Выставка работ института археологической технологии при Академии истории материальной культуры за 1920—27 гг. // ТСА РАНИОН. М., 1928. Т. IV.
- ² См.: Арциховский А. В. К методике изучения серпов // ТСА РАНИОН. М., 1928. Т. IV.
- ³ См.: Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
- ⁴ См.: Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. С. 7—9; Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. С. 6—8.
- ⁵ Ср. Григорьев Г. П. Культура и тип в археологии... С. 8 и Коробкова Г. Ф. Орудия труда в системе производительных сил первобытного общества // Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад, 1981. С. 67.
- ⁶ Предмет и объект археологии... С. 21.
- ⁷ Шер Я. А. Типологический метод в археологии и статистика // Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966. С. 254—262.
- ⁸ Шер Я. А. Некоторые вопросы теоретической археологии // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 403—404.
- ⁹ Там же. С. 405.

- ¹⁰ Шер Я. А. Методологические вопросы археологии // ВФ., 1976. № 10. С. 77—78.
- ¹¹ Там же. С. 69.
- ¹² Там же. С. 72.
- ¹³ Там же. С. 76.
- ¹⁴ Там же. С. 75.
- ¹⁵ Там же. С. 74.
- ¹⁶ Гарден Ж.-К. Теоретическая археология. М., 1983. С. 18.
- ¹⁷ См.: Жариков Е. С. Научный поиск. Киев, 1977; Степин В. С. Становление научной теории. Минск, 1976.
- ¹⁸ См.: Массон В. М. Наука в эпоху научно-технической революции и вопросы идеологической борьбы // Вопросы теории археологии и древней истории. Ашхабад, 1981. С. 13; Массон В. М., Бочкарев В. С. К характеристике теоретических разработок зарубежной археологии // Вопросы теории и методологии археологической науки. М., 1978. С. 36.
- ¹⁹ Массон В. М. Системный подход и исследование палеоэкономических структур // Вопросы теории и методологии... С. 30.
- ²⁰ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 13.
- ²¹ Там же. С. 11.
- ²² См.: Кузьмин В. И. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1980.
- ²³ Массон В. М. Системный подход... С. 33.
- ²⁴ См.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- ²⁵ См.: Методологические вопросы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
- ²⁶ См.: дискуссию круглого стола журнала «Советская этнография» (СЭ. 1981. № 3, 4).
- ²⁷ См.: Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981.
- ²⁸ Там же. С. 38—42.
- ²⁹ См.: Массон В. М. Марксистско-ленинская философия и методология исторических наук // Марксистско-ленинская философия и вопросы методологии истории и археологии. Ашхабад, 1981. С. 8—9; Он же. Культура в понятийном аппарате археологии // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 3—7.
- ³⁰ Следует оговорить, что понятие «предметный мир» шире термина «материальная культура».
- ³¹ Массон В. М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 9.
- ³² Предмет и объект археологии... С. 56.
- ³³ Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л., 1979. С. 76—81.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Захарук Ю. Н. К вопросу о содержании и структуре археологической теории // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 45.
- ³⁶ Он же. Методологические вопросы археологической науки. М., 1981. С. 14.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Захарук Ю. Н. Спорные вопросы объекта и предмета археологии // Вопросы теории и методологии археологической науки. М., 1975. С. 11.
- ³⁹ Там же. С. 12.
- ⁴⁰ Клейн Л. С. О приложимости идей кибернетики к построению общей теории археологии // Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972. С. 14.
- ⁴¹ Там же. С. 15.
- ⁴² Клейн Л. С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 21.
- ⁴³ Предмет и объект археологии... С. 42.
- ⁴⁴ Клейн Л. С. Структура археологической теории // ВФ. 1980. № 8. С. 101.
- ⁴⁵ Там же. С. 102.

- ⁴⁶ Там же. С. 109.
- ⁴⁷ Кабо В. Р. История первобытного общества и этнография // Охотники. Собиратели. Рыболовы. Л., 1972. С. 59.
- ⁴⁸ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. М., 1973. С. 31—33.
- ⁴⁹ Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. С. 120.
- ⁵⁰ Клейн Л. С. О приложимости идей кибернетики... С. 14—16.
- ⁵¹ История биоценозов СССР в голоцене. М., 1975. С. 4.
- ⁵² Депенчук Н. П., Крисаченко В. С. Экология и теория эволюции (Методологический аспект). Киев, 1987. С. 165.
- ⁵³ См.: История биоценозов... С. 40—41, 213—214.
- ⁵⁴ См.: Большаков В. Н., Садыков О. Ф., Любашевский Н. М. Экология и социальные проблемы современности // Пограничные проблемы экологии. Свердловск, 1986. С. 3, 6—8.
- ⁵⁵ Депенчук Н. П., Крисаченко В. С. Экология и теория эволюции... С. 220.
- ⁵⁶ Лежачиос Э. Элементы общей теории адаптации. Вильнюс, 1986. С. 6.
- ⁵⁷ Плотников В. И. Социально-биологическая проблема. Свердловск, 1975. С. 27.
- ⁵⁸ Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984. С. 357.
- ⁵⁹ Там же. С. 363.
- ⁶⁰ Там же. С. 365.
- ⁶¹ Там же. С. 366.
- ⁶² См.: Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 4, 49.
- ⁶³ Там же. С. 25.
- ⁶⁴ Там же. С. 230.
- ⁶⁵ См.: Общество и природа. М., 1981; Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.
- ⁶⁶ Бромлей Ю. В. Культура и этнические аспекты экологии // Общество и природа. С. 93.
- ⁶⁷ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М., 1986. С. 5.
- ⁶⁸ Алексеев В. П. Становление человечества. С. 365.
- ⁶⁹ Адрианов Б. В. К методологии исторического исследования проблем взаимодействия общества и природы // Общество и природа. С. 255.
- ⁷⁰ Маркарян Э. С. К экологической характеристике развития этнических культур // Общество и природа. С. 97.
- ⁷¹ Алексеева Т. И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М., 1986. С. 6.
- ⁷² Цит. по: Павленко Ю. В. Концепция происхождения цивилизации К. Ренфрю и некоторые проблемы становления раннеклассовых социальных организмов // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 122.
- ⁷³ Муравьев В. А. Культурологизм как методологическая тенденция в современной западной философии // Филос. науки. 1988. № 1. С. 70.
- ⁷⁴ См.: материалы круглого стола по проблеме культурной традиции (СЭ. 1981. № 3, 4); Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981.
- ⁷⁵ Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 174.
- ⁷⁶ См.: Там же. С. 22, 146—150.
- ⁷⁷ Там же. С. 91.
- ⁷⁸ Там же. С. 95.
- ⁷⁹ Там же. С. 146.
- ⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 43.
- ⁸¹ См.: Там же. С. 392, 571.
- ⁸² См.: Marxist perspectives in archaeology. Cambridge, 1984.
- ⁸³ Массон В. М. Развитие теоретических основ советской археологии // Теоретические основы советской археологии. Л., 1969. С. 23—26.
- ⁸⁴ См.: Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии...
- ⁸⁵ Клейн Л. С. Археологические источники. С. 27.
- ⁸⁶ Шер Я. А. Типологический метод в археологии... С. 255.
- ⁸⁷ Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. С. 11.
- ⁸⁸ Борз В. Н. Методологические предпосылки и принципы определения объекта археологической науки // Материалистическая диалектика и частные науки. Л., 1976. С. 208—209.

- ⁸⁹ См.: Данилов В. И., Якубовская С. И. Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопр. истории. 1961. № 5. С. 6; Пушкирев Л. Н. Исторический источник в свете ленинской теории отражения // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970; Устьянцев В. Б. Исторический источник как специфическая форма отражения действительности // Ленинская теория познания и современная наука. Саратов, 1970.
- ⁹⁰ Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 15—19.
Вслед за Б. С. Украинцевым Л. Н. Пушкирев считает более правильным употреблять по отношению к историческим источникам термин «отображение» (там же. С. 11).
- ⁹¹ Там же. С. 259—260.
- ⁹² Там же. С. 114.
- ⁹³ Там же. С. 109.
- ⁹⁴ Там же. С. 260.
- ⁹⁵ Генинг В. Ф. Объект и предмет науки в археологии. С. 109—110.
- ⁹⁶ См.: Афанасьев В. Г. Системность и общество. М., 1980. С. 283—288.
- ⁹⁷ Там же. С. 292.
- ⁹⁸ Генинг В. Ф. Объект и предмет науки... С. 112.
- ⁹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 84.
- ¹⁰⁰ См.: Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
- ¹⁰¹ См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 347; Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. М., 1982. С. 17.
- ¹⁰² См.: Токарев С. А. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники. Собиратели. Рыболовы. Л., 1972. С. 251—253.
- ¹⁰³ См.: Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971; *Ом же*. Пространственно-временной континуум «Песен о нибелунгах» // Традиция в истории культуры. М., 1978; Барг М. А. О категории «историческое время» // История СССР. 1982. № 6.
- ¹⁰⁴ Бабурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 5—19.
- ¹⁰⁵ Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 62—63.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 68.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 85—86.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 98.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 63.
- ¹¹⁰ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. С. 14.
- ¹¹¹ См.: Гуревич А. Я. Пространственно-временной континуум...
- ¹¹² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 14.
- ¹¹³ Там же. С. 43.
- ¹¹⁴ Там же. С. 38.
- ¹¹⁵ Там же. С. 67.
- ¹¹⁶ Там же. С. 82.
- ¹¹⁷ См.: Там же. С. 104, 156.
- ¹¹⁸ См. гл. I, § 1 настоящей работы.
- ¹¹⁹ См.: Генинг В. Ф., Викторова В. Д. О предмете археологической науки // Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
- ¹²⁰ Генинг В. Ф. Объект и предмет науки... С. 106—112.
- ¹²¹ См.: Там же. С. 175, 180—185.
- ¹²² Там же. С. 186.
- ¹²³ Там же. С. 175.
- ¹²⁴ Там же. С. 203.
- ¹²⁵ Там же. С. 181.
- ¹²⁶ Башилов В. А., Лооно Э. Н. Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии // СА. 1986. № 3. С. 204.
- ¹²⁷ Там же. С. 206.

- ¹²⁸ Жариков Е. С. Научная проблема // Логика научного исследования. М., 1965. С. 21—22.
- ¹²⁹ Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. 2. С. 144.
- ¹³⁰ См.: Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984; Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
- ¹³¹ Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л., 1976. С. 79—80.
- ¹³² См.: Филиппов А. К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977; Он же. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983.
- ¹³³ Предмет и объект археологии... С. 19.
- ¹³⁴ Захарук Ю. Н. Проблемные ситуации в археологии. С. 7.
- ¹³⁵ Ср. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; Зданович Г. Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984; Потемкина Т. М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 7.
- ¹³⁶ Ср. Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н. э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972; Мажитов Н. А. Южный Урал в VI—VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- ¹³⁷ Ср. Бадер О. Н. Новый тип неолитического поселения на Урале // СЭ. 1949. № 2; Берс Е. М. Некоторые данные о древнейшей истории Среднего Зауралья // Вопр. истории Урала. Свердловск, 1958; Раушенбах В. М. Новое поселение эпохи неолита в Среднем Зауралье // Тр. Государственного Исторического музея. М., 1966. Вып. 40; Викторова В. Д. Сосновый остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4.
- ¹³⁸ См.: Бочкарев В. С. К вопросу о системе основных археологических понятий. С. 37—38; Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев... С. 4.
- ¹³⁹ Лебедев Г. С. Системное описание археологической культуры. С. 57.
- ¹⁴⁰ Генинг В. Ф. Структура системы археологического знания // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 44—45.
- ¹⁴¹ Аникович М. В. Первобытная археология — конкретная историческая наука (к постановке проблемы) // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 16.
- ¹⁴² Лебедев Г. С. Системное описание археологической культуры. С. 56.
- ¹⁴³ Там же. С. 58.
- ¹⁴⁴ Генинг В. Ф. Структура системы археологического знания. С. 32.
- ¹⁴⁵ Предмет и объект археологии... С. 5.
- ¹⁴⁶ Клейн Л. С. К разработке процедуры археологического исследования. С. 42.
- ¹⁴⁷ См.: Он же. Структура археологической теории // ВФ. 1980. № 8.
- ¹⁴⁸ См.: Брюсов А. Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита // СА. Вып. XVIII. 1953.
- ¹⁴⁹ См.: Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби // МИА. М., 1956. № 48.
- ¹⁵⁰ См.: Каменецкий И. С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- ¹⁵¹ См.: Сериков Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II // СА. 1983. № 1.
- ¹⁵² В этом направлении весьма перспективной представляется работа И. С. Каменецкого. См.: Каменецкий И. С. К теории слоя.
- ¹⁵³ Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии // Вопросы теории и методологии археологической науки. М., 1978. С. 18.
- ¹⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 227.

К III главе

- ¹ *Жбанкова И. И.* Философские принципы в научном познании. Минск, 1974. С. 19—20.
- ² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 34.
- ³ *Жбанкова И. И.* Философские принципы... С. 19.
- ⁴ Вслед за *Ф. В. Кипарисовым* и *К. Р. Мегрелидзе* мы пытались возродить эту идею. См.: *Викторова В. Д.* Археологический факт // *Вопр. археологии Урала.* Свердловск, 1975. Вып. 13; *Она же.* Принцип предметно-практической деятельности как основание для систематизации археологических фактов // *Новейшие открытия советских археологов.* Киев, 1975. Ч. 3; *Она же.* Роль принципа предметно-практической деятельности в становлении археологической теории // *Проблемы Урало-Сибирской археологии.* Свердловск, 1986.
- ⁵ См.: *Человек, творчество, наука.* М., 1967; *Проблема человека в современной философии.* М., 1969; *Бесчеревных Э. В.* Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. М., 1972; *Юдин Э. Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978; *Сагаатовский В. Н.* Деятельность как философская категория // *Филос. науки.* 1978. № 2.
- ⁶ См.: *Выгодский Л. С.* Развитие высших психологических функций. М., 1960; *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- ⁷ *Давыдова Г. А.* Практика — основа эмпирического и теоретического // *Практика и познание.* М., 1973; *Швырев В. С.* Научное познание как деятельность. М., 1984.
- ⁸ См.: *Дробницкий О. Г.* Природа и границы сферы бытия человека // *Проблемы человека в современной философии.* М., 1969; *Кемеров В. Е.* Проблемы личности: методология исследования и жизненный смысл. М., 1977.
- ⁹ Ср.: *Каган М. С.* Человеческая деятельность. М., 1974; *Иванов В. П.* Человеческая деятельность — познание — искусство. Киев, 1977; *Давидович В. Е., Жданов Ю. А.* Сущность культуры. Ростов, 1979; *Злобин Н. С.* Культура и общественный прогресс. М., 1980; *Культурная деятельность: опыт социологического исследования.* М., 1981; *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983 и др.
- ¹⁰ См.: *Сагаатовский В. Н.* Структуры деятельности // *Закономерности научного познания.* Томск, 1982.
- ¹¹ *Багичев Г. С.* Деятельность и ценности. Критика деятельностного подхода к теории интериоризации // *ВФ.* 1985. № 2. С. 41—42.
- ¹² См.: *Марксистско-ленинская теория исторического процесса.* М., 1981.
- ¹³ См.: *Философские проблемы деятельности (материалы круглого стола)* // *ВФ.* 1985. № 2, 3.
- ¹⁴ См.: *Мегрелидзе К. Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973; *Багичев Г. С.* Деятельностная сущность как философский принцип // *Проблема человека в современной философии.* М., 1969; *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика. М., 1974; *Огурцов А. П.* Отчуждение и человек // *Человек, творчество, наука.* М., 1967; *Дробницкий О. Г.* Мир оживших предметов. М., 1967; *Мамардашвили М. К.* Формы и содержание мышления. М., 1968; *Блауберг И. Б., Юдин Э. Г.* Системный подход в социальном познании // *Исторический материализм как теория социального познания и деятельности.* М., 1972.
- ¹⁵ См.: *Бесчеревных Э. В.* Проблема практики в процессе формирования философии марксизма. М., 1972. С. 6—56.
- ¹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 120.
- ¹⁷ Там же. С. 92.
- ¹⁸ См.: Там же. С. 92, 94.
- ¹⁹ Там же. С. 93—94.
- ²⁰ Там же. С. 163.
- ²¹ Там же. С. 122.
- ²² Там же. С. 162—163.
- ²³ См.: Там же. С. 93, 125.

- ²⁴ Там же. С. 120.
- ²⁵ См.: Багищев Г. С. Деятельностная сущность как философский принцип. С. 98—100.
- ²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 121.
- ²⁷ Там же. С. 118.
- ²⁸ Там же. С. 123.
- ²⁹ См.: Там же. С. 94, 121.
- ³⁰ Там же. С. 125.
- ³¹ Там же. С. 94.
- ³² Там же. С. 121.
- ³³ Там же. С. 122.
- ³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1.
- ³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 102—107.
- ³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 2.
- ³⁷ Там же. С. 18.
- ³⁸ См.: Там же. С. 19, 24, 25.
- ³⁹ См.: Там же. С. 18—19, 27.
- ⁴⁰ Там же. С. 29.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 27.
- ⁴³ Там же. С. 24.
- ⁴⁴ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 386.
- ⁴⁵ Понятие «отражение» есть уже в «Немецкой идеологии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25).
- ⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 94.
- ⁴⁷ Там же. С. 120.
- ⁴⁸ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 28.
- ⁴⁹ Там же. Т. 3. С. 1.
- ⁵⁰ Там же. Т. 42. С. 121.
- ⁵¹ См.: Там же. Т. 46, ч. 1. С. 252, 266.
- ⁵² Там же. Т. 47. С. 59.
- ⁵³ См.: Там же. Т. 46, ч. 1. С. 324.
- ⁵⁴ Там же. Т. 23. С. 189.
- ⁵⁵ См.: Там же. Т. 47. С. 315.
- ⁵⁶ Там же. Т. 13. С. 97.
- ⁵⁷ Там же. С. 34—36.
- ⁵⁸ Там же. С. 50.
- ⁵⁹ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 86.
- ⁶⁰ См.: Там же. Т. 13. С. 97.
- ⁶¹ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 106.
- ⁶² Там же. С. 87.
- ⁶³ См.: Там же. С. 479; Т. 13. С. 99.
- ⁶⁴ Там же. Т. 18. С. 272.
- ⁶⁵ Там же. Т. 25, ч. 2. С. 357.
- ⁶⁶ Меерелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. С. 123, 124.
- ⁶⁷ См.: Там же. С. 130—133.
- ⁶⁸ Там же. С. 132.
- ⁶⁹ Там же. С. 119.
- ⁷⁰ Там же. С. 129.
- ⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 229.
- ⁷² Там же. Т. 13. С. 6—7.
- ⁷³ Там же. С. 7.
- ⁷⁴ См.: Там же. Т. 21. С. 311—313.
- ⁷⁵ Там же. Т. 13. С. 7.
- ⁷⁶ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 448.
- ⁷⁷ Там же. С. 160.

- 78 Там же. С. 252.
 79 См.: Там же. С. 370—373.
 80 Там же. С. 300.
 81 См.: Там же. С. 393; Т. 46, ч. 2. С. 20; Т. 47. С. 187.
 82 Там же. Т. 47. С. 187; Т. 46, ч. 1. С. 387.
 83 См.: Там же. С. 252.
 84 Там же. Т. 23. С. 190.
 85 Там же. Т. 47. С. 326.
 86 Там же. Т. 46, ч. 1. С. 261.
 87 Там же. Т. 23. С. 364.
 88 Там же. Т. 46, ч. 1. С. 483.
 89 Там же. Т. 47. С. 285.
 90 Там же. Т. 23. С. 340.
 91 Там же. С. 346.
 92 Там же. С. 340.
 93 См.: Там же. Т. 47. С. 285—286.
 94 Там же. Т. 23. С. 340.
 95 Там же. С. 339.
 96 Там же. Т. 47. С. 295.
 97 Там же. С. 401.
 98 Там же. С. 326.
 99 Там же. Т. 23. С. 343.
 100 Там же. Т. 47. С. 302.
 101 Там же. Т. 23. С. 342.
 102 Там же. Т. 47. С. 302.
 103 Там же. С. 293.
 104 Там же. Т. 23. С. 342.
 105 См.: Там же. С. 346; Т. 47. С. 293.
 106 Там же. Т. 3. С. 30—32.
 107 Там же. Т. 37. С. 415.
 108 Там же. Т. 3. С. 26.
 109 Там же. С. 27.
 110 См.: Там же. Т. 26, ч. 1. С. 463—472.
 111 См.: Там же. С. 462—464.
 112 См.: Там же. С. 465—467.
 113 См.: Там же. С. 468—472.

К IV главе

- ¹ См.: *Товмасын С. С.* Философские проблемы труда и техники. М., 1972; *Гурьев Д. В.* Становление общественного производства. М., 1973.
² См.: *Румянцев А. М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. М., 1981.
³ См.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972; Ранние земледельцы. Л., 1980; *Марков Г. Е.* История хозяйства и материальной культуры. М., 1979.
⁴ *Бибиков С. Н.* Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья (опыт изучения первобытной экономики) // СА. 1965. № 1; *Массон В. М.* Поселение Джейтун. Проблема становления производящей экономики. М., 1970; *Семенов С. А.* Первобытная техника. М., 1957.
⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 124.
⁶ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 473.
⁷ Там же. Т. 23. С. 521.
⁸ Там же. Т. 47. С. 326.
⁹ Там же. Т. 23. С. 364.
¹⁰ Там же. Т. 3. С. 29.

- ¹¹ Там же. Т. 20. С. 328.
- ¹² Там же. Т. 42. С. 124.
- ¹³ Там же. Т. 23. С. 190.
- ¹⁴ Там же. Т. 20. С. 493.
- ¹⁵ *Конаков Н. Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX—нач. XX в. М., 1983. С. 137.
- ¹⁶ *Платников В. И.* Социально-биологическая проблема. С. 172—173.
- ¹⁷ *Кабо В. Р.* У истоков производящей экономики. // Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 63—64.
- ¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 165.
- ¹⁹ *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 4.
- ²⁰ *Алексеев В. П.* Становление человечества. С. 351—352.
- ²¹ *Балакин С. А.* Концепция хозяйственно-культурного типа // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1986. С. 105.
- ²² *Чеснов Я. В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов // СЭ. 1970. № 6. С. 15—26.
- ²³ *Алексеев В. П.* Становление человечества. С. 375—376.
- ²⁴ *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 159—160.
- ²⁵ См.: *Гроздова И. Н., Токарев С. А.* / Заключение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX—начало XX в. Весенние праздники. М., 1978; Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. Гл. 7.
- ²⁶ См.: *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 70—71; *Каменицкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975. С. 112; *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 110; *Черных Е. Н.* Связи типологических и химико-металлургических признаков // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 133.
- ²⁷ См.: *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. М., 1976.
- ²⁸ См.: *Сарсенбаев Н. С.* Обычаи и традиции в развитии. Алма-Ата, 1965; *Парыгин Б. Д.* Общественная психология как социальное явление // Филос. науки. 1964. № 6; Традиция в истории культуры. М., 1978; *Токарев С. А.* Проблемы общественного сознания...
- ²⁹ См.: *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967. С. 106; *Буева Л. П.* Социальная среда и сознание личности. М., 1968; *Денисюк Н. П.* Традиции и формирование личности. Минск, 1979.
- ³⁰ См.: *Баллер Э. А.* Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
- ³¹ См.: *Уринович Д. М.* Обряды. За и против. М., 1975; *Брудный В. И.* Обряды вчера и сегодня. М., 1968.
- ³² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 24.
- ³³ Там же. Т. 18. С. 272.
- ³⁴ *Спиркин А. Г.* Человек, культура, традиции // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 8.
- ³⁵ *Сарсенбаев Н. С.* Обычаи и традиции в развитии. С. 89.
- ³⁶ *Ваткин Л. М.* Онтология Марселино Фичино в связи с общей оценкой ренессансного неоплатонизма // Традиция в истории культуры. С. 138.
- ³⁷ *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. Л., 1976. С. 39.
- ³⁸ *Пахомкина М. Ф.* Обычай как специфическое социальное явление // Вести. Моск. ун-та. Сер. 9. История. 1971. № 3; *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. С. 8—13.
- ³⁹ См.: Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы, конец XIX — начало XX в. Зимние праздники. М., 1973; Календарные обычаи... Весенние праздники. М., 1977; Календарные обычаи... Летне-осенние праздники. М., 1978; *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. М., 1963.
- ⁴⁰ См.: *Уринович Д. М.* Обряды. За и против. С. 24—26.
- ⁴¹ См.: *Левин-Врюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930. С. 23; *Власова В. Б.* Традиция как социально-философская категория // Филос. науки. 1980. № 4.
- ⁴² *Бахтин М. М.* Время и пространство в романе // Вопр. литер. 1974. № 3. С. 133.

- ⁴³ Он же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1973. С. 234—235.
- ⁴⁴ См.: *Стеблин-Каменский М. И.* Миф; Он же. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
- ⁴⁵ См.: *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- ⁴⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 20.
- ⁴⁷ См.: *Соколова З. П.* Культ животных в религиях. М., 1972. Гл. 2.
- ⁴⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. 1. С. 462—464.
- ⁴⁹ *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. С. 31—57.
- ⁵⁰ Там же. С. 31.
- ⁵¹ Вогульские сказки / Под ред. В. Н. Чернецова. Л., 1935. С. 38, 88.
- ⁵² Там же. С. 26.
- ⁵³ См.: Там же. С. 26, 32, 50, 58.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 38; 41—43, 64, 129.
- ⁵⁵ *Гуревич А. Я.* Пространственно-временной «континуум» «Песни о нибелунгах» // Традиция в истории культуры. М., 1978. С. 119.
- ⁵⁶ *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. С. 128.
- ⁵⁷ См.: *Гуревич А. Я.* Пространственно-временной «континуум»... С. 120, 123.
- ⁵⁸ Там же. С. 121.
- ⁵⁹ *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. С. 296.
- ⁶⁰ *Стеблин-Каменский М. И.* Миф. С. 39.
- ⁶¹ См.: Вогульские сказки. С. 78—88.
- ⁶² См.: Там же. С. 88—89.
- ⁶³ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В4-12. С. 85.
- ⁶⁴ Вогульские сказки. С. 27—28.
- ⁶⁵ См.: Там же. С. 30, 96—97.
- ⁶⁶ Там же. С. 46—47.
- ⁶⁷ Там же. С. 100—101.
- ⁶⁸ Там же. С. 86.
- ⁶⁹ См.: *Леви-Брюль А.* Первобытное мышление. М., 1930. С. 23; *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала... С. 85.
- ⁷⁰ *Селезнев И. Ф.* Дизайн. Проблемы материально-художественной культуры. Минск, 1978. С. 109.
- ⁷¹ Можно найти объяснение и этим модификациям. См.: *Гачев Г. Д.* О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 77—83.
- ⁷² *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. М., 1952. № 30. С. 21—22.
- ⁷³ Там же. С. 37.
- ⁷⁴ *Генинг В. Ф.* Азелинская культура III—V вв. // Вопр. археол. Урала. Свердловск; Ижевск, 1963. Вып. 5. С. 86—88.
- ⁷⁵ *Генинг В. Ф.* Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопр. археол. Урала. Ижевск, 1967. Вып. 7. С. 30.
- ⁷⁶ Там же. С. 14—15.
- ⁷⁷ *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 87—88.
- ⁷⁸ *Чижова Л. В.* К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья // СА. 1982. № 3. С. 85.
- ⁷⁹ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981. С. 60—71.
- ⁸⁰ См.: *Грибова С. Л.* Пермский звериный стиль. М., 1965.
- ⁸¹ *Чижова Л. В.* К вопросу об идеологии... С. 89—93.
- ⁸² *Чижова Л. В.* Об одном сюжете культовых пластин Прикамья // СА. 1982. № 1. С. 260—261.
- ⁸³ *Чижова Л. В.* К вопросу об идеологии... С. 90—91.
- ⁸⁴ См.: *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
- ⁸⁵ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 71.
- ⁸⁶ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 59.
- ⁸⁷ Там же. С. 62.
- ⁸⁸ Там же. С. 64.

- ⁸⁹ Там же. С. 83.
- ⁹⁰ См.: *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломоватовские могильники в Коми-Пермяцком округе // *Вопр. археол. Урала. Свердловск, 1969. Вып. 9. С. 47, 48, 50.*
- ⁹¹ *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. С. 259.
- ⁹² *Генинг В. Ф., Голдина Р. Д.* Позднеломоватовские могильники... С. 33.
- ⁹³ *Ковалевская В. Б.* Башкирия и евразийские степи IV—IX вв. (по материалам поясных наборов) // *Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972. С. 109.*
- ⁹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 24.
- ⁹⁵ См.: Там же. Т. 42. С. 121; Т. 46, ч. 1. С. 252.
- ⁹⁶ Там же. Т. 3. С. 71.
- ⁹⁷ См.: *Семенов С. А.* Первобытная техника. М., 1957.
- ⁹⁸ См.: *Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- ⁹⁹ См.: *Бибииков С. Н.* Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // *СА. 1969. № 4; Сергин В. Я.* О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях // *СА. 1974. № 1; Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- ¹⁰⁰ *Морган Л. Г.* Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934. С. 8.
- ¹⁰¹ См.: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962.
- ¹⁰² См.: *Земпер Г.* Практическая эстетика. М., 1970.
- ¹⁰³ *Филиппов А. К.* Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // *Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 12.*
- ¹⁰⁴ *Семенов С. А.* Первобытная техника, С. 228.
- ¹⁰⁵ *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. С. 74.
- ¹⁰⁶ *Кабо В. Р.* У истоков производящей экономики // *Ранние земледельцы. Л., 1980. С. 84.*
- ¹⁰⁷ *Фролов Б. А.* Астральные мифы и рисунки // *Очерки истории естественно-научных знаний в древности. М., 1982. С. 56.*
- ¹⁰⁸ *Матюхин А. Е.* Об источниках, роли и типах объяснения в первобытной археологии // *Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 21.*
- ¹⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 37. С. 415.
- ¹¹⁰ См.: Там же. Т. 21. С. 312—313.
- ¹¹¹ *Байбурин А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. С. 126.
- ¹¹² Там же. С. 184.
- ¹¹³ *Грачева Г. Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983. С. 18.
- ¹¹⁴ *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 121.
- ¹¹⁵ Там же. С. 130.
- ¹¹⁶ Там же. С. 126.
- ¹¹⁷ Там же. С. 123.
- ¹¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹¹⁹ *Викторова В. Д.* Ликинский могильник X—XIII вв. // *Вопр. археол. Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 153.*
- ¹²⁰ См.: *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967. С. 353—357; *Коган Л. Н., Вишнеvский Ю. Р.* Очерки теории социалистической культуры. Свердловск, 1972. С. 13, 87—88.
- ¹²¹ *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 262—263.
- ¹²² См.: *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Пг., 1923. Ч. 2. С. 54—67.
- ¹²³ См.: *Городцов В. А.* К вопросу об установлении натурального масштаба времени по аллювиальным отложениям в долинах рек Окской системы // *ТСА РАНИОН. М., 1929. Т. III.*
- ¹²⁴ *Борисковский П. И.* Изучение палеолитических жилищ в Советском Союзе // *СА. 1968. № 1. С. 3—4.*

- ¹²⁵ Брюсов А. Я. Некоторые теоретические основы хронологии неолита // СА. 1953. Вып. 18. С. 14.
- ¹²⁶ Там же. С. 19—20.
- ¹²⁷ См.: Ефименко Б. Б. Значение женщины в ориньякскую эпоху // Изв. ГАИМК. М.; Л., 1931. Т. XI, вып. 3, 4; Замятин С. Н. Раскопки у с. Гагарино // Изв. ГАИМК, М.; Л., 1935. Вып. 118; Рогачев А. Н. Палеолитические жилища и поселения // Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- ¹²⁸ См.: Каменецкий И. С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970; Грязнов М. П. Почва и археологические памятники в их взаимосвязи // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- ¹²⁹ Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитические памятники в Шикаевке на правом берегу Тобола // Вопр. археол. Урала. Свердловск, 1975. Вып. 3. С. 75—84.
- ¹³⁰ См.: Гурина Н. Н. Древние кремнеобрабатывающие шахты. Л., 1976.
- ¹³¹ См.: Черных Е. Н. Древнейшая история металлургии Урала и Поволжья. М., 1970.
- ¹³² Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. С. 91.
- ¹³³ Генинг В. Ф. К вопросу об изучении преемственности археологических культур эпохи бронзы степной полосы Восточной Европы // Методологические и методические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 148—149.
- ¹³⁴ См.: Зданович Г. Б., Иванов И. В., Хабдулина М. К. Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования // СА. 1984. № 4.
- ¹³⁵ Долуханов П. М., Микляев А. М. Культурные ландшафты на северо-западе русской равнины в голоцене // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. Л., 1983. С. 184—188.
- ¹³⁶ Таргульян В. О., Александровский А. Л. Эволюция почв в голоцене (проблемы, факты, гипотезы) // История биогеоценозов СССР в голоцене. С. 70.
- ¹³⁷ См.: Сергин В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях // СА. 1984. № 1.
- ¹³⁸ См.: Гречкина Т. Ю. Реконструкция видов производственной деятельности в позднем палеолите (по данным планиграфии и ремонтажа материалов кокоревских стоянок). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
- ¹³⁹ См.: Васильев С. А. Проблемы реконструкций позднепалеолитических обществ и этноархеологические исследования // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985; Проблемы реконструкции палеолитических стоянок в свете данных этноархеологии // Проблемы интерпретации археологических источников. Орджоникидзе, 1987.
- ¹⁴⁰ Васильев С. А. Проблемы реконструкции палеолитических стоянок... С. 70—73.
- ¹⁴¹ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны эпох. М., 1988. С. 14—15.
- ¹⁴² См.: Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
- ¹⁴³ Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. С. 26—27.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 28—29.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АК — археологическая культура
ВИ — Вопросы истории
ВФ — Вопросы философии
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ИА — Институт археологии
ИЭО — историко-этнографическая область
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
ХКТ — хозяйственно-культурный тип
ЭО — этническая общность

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОВРЕМЕННОСТЬ, ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ (вместо введения)	
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМНАЯ СИТУАЦИЯ В АРХЕОЛОГИИ	
§ 1. Теоретические исследования в истории русской и советской археологической науки	
§ 2. Смысл дискуссии об археологической культуре	
§ 3. Проблема статуса археологической науки	
ГЛАВА II. НА ПУТЯХ ПОСТРОЕНИЯ ТЕОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	
§ 1. Познавательные возможности новых методов и первых теоретических схем	
§ 2. Где искать генерализующую идею?	
§ 3. Формулировка проблем	
ГЛАВА III. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГИПОТЕЗЫ	
§ 1. Предметно-практическая деятельность как характеристика социальной формы материи и принцип исследования в работах К. Маркса	
§ 2. Формообразование — механизм становления предметного мира	
§ 3. Деятельность и пространственно-временной континуум социального бытия	
ГЛАВА IV. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ И РЕКОНСТРУКТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ВЕЩНОЙ ПРЕДМЕТНОСТИ	
§ 1. Вещный мир экономической сферы деятельности и природная среда	
§ 2. Вещный мир в системе традиций, обычаев, обрядов древних обществ	
§ 3. Мифологическое сознание и вещи	
§ 4. Законы формообразования вещного мира	
§ 5. Актуальная культура и археологический культурный слой	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. УРОВНИ И НАПРАВЛЕННОСТЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ	
ПРИМЕЧАНИЯ	
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	

Валентина Дометьяновна Викторова

НАУЧНЫЙ ПОИСК В АРХЕОЛОГИИ

Редактор *И. В. Новикова*
Младший редактор *И. Б. Остаркова*
Технический редактор *А. И. Долженко*
Корректор *Т. С. Валек*

ИБ № 302

Сдано в набор 23.09.88. Подписано в печать 10.01.89. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,84. Усл. кр.-отт. 9,06. Уч.-изд. л. 10,79.
Тираж 500. Заказ 4733. Цена 2р. 20 к.

Издательство Уральского университета,
620219, ГСП-830, Свердловск, просп. Ленина, 136.
Типография Управления изд., полиграфии и кн. торговли
г. В. Пышма, Кривоусова, 11